

Олег Николаевич Верещагин Игры на свежем воздухе

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/igrinasvezhemvozduhe.shtml

Аннотация

История одного из главных героев книги была рассказана автору русским добровольцем, воевавшим на Балканах в составе отряда "Белые Тигры" во время событий весны-лета 1999 года. Остальные события, описанные в книге, вымышлены... а может быть - нет.

Олег Николаевич Верещагин Игры на свежем воздухе

*Нужно ли писать для детей "политические" книги? Ответ
ФАККа - НЕТ!!!*

Мой ответ - ДА!!!

А вы что скажете?

ПРОЛОГ: в разных местах в разное время

Западная Белорусия. Лес недалеко от крепости Брест. Конец июня 1941 года.

Обойм больше не осталось. Одна россыпь. Штук семью лёжа на левом боку, он поспешно снарядил магазин, щёлкнул затвором и зорко осмотрелся.

Слева за кустами - в подлеске, метрах в пятидесяти - свистнули. Справа густо ударила очередь, несколько тонких деревьев подскочили и рухнули, беспомощно размахивая ветками. Мокрая щепка веером бры-знула по траве.

- Хэй, русс! - окликнули слева. - Генуг, майне либер! Штей ауф, ком хир!¹

Он выстрелил - просто со зла, свирепо рванул затвор. Мимо, конечно - немец оскорбительно засмеялся. Ещё одна длинная очередь - кустики над головой ссекло, словно размахом косы. Да, прижали... Не перебежать, не подняться. Хорошо ещё, прогалинка открытая, не спе-шат они в атаку, на пулю нарываться не хотят. Победителями себя считают, а кому охота перед победой загнуться? Победителями? Посмотрим...

- Русс! - тот же голос. - Комм плен, комм! Плен - зер гут, ист зо!²

Шталин, Зовьет - капут,³ Русслянд - капут, аллес капут!⁴

Да где ж ты, крикун? Покажись, хоть нос высунь...

Кто-то перебежал - справа, быстро - и плюхнулся в траву. Умеют, сволочи. Почти два года воюют. Ну он, положим, тоже повоевал, а мальчишки из последнего призыва? От тоски и жалости стало трудно дышать. Всех побили. Почти сразу. Кого прямо в городке, кого на дороге танками подавили, кого в поле из пулемётов порезали. Ничего не умели ребята... Даже стрелять толком... Одно дело - значки "Ворошиловский стрелок в тире получать, а другое - когда против тебя такие вот... умельцы, чтоб их...

Подальше в лесу кто-то неразборчиво крикнул. Немцы за кустами засмеялись - дружно,

весело. В воздух по крутой дуге, вертясь, взлетело что-то... и упало вниз, почти рядом. Он повернул голову - массивная деревянная ручка желтела в траве.

Потом был взрыв, которого он не слышал...

...Когда он открыл глаза, немцы шли через прогалину. Неспешно, кто держа оружие стволом в землю, кто - поперёк груди. Странно - не у всех автоматы, а казалось - у всех, такая плотная стрельба... Впереди шагал огромный белокурый парень - без каски, с пулемётом на плече. Невесть почему - показалось, что это он кричал "капут" про Россию...

Винтовка лежала неподалёку, но он чувствовал, что не дотянется. Не дадут - заметят и добьют тут же. Да и не получится - ниже пояса всё было как деревянное.

Руки двигались. Не сводя глаз с пулёмётчика, он правой нашарил сзади на поясе брезентовые ножны с финкой - трофеем ещё Карелии, жуткой зимы 39-го⁵... Голова звенела тонко, по-комариному. Не потерять бы сознание снова - тогда плен...

Пальцы плотно сжали холодный металл. Он удобнее перехватил лезвие финки. Отец, ветеран боёв Империалистической, учил его бросать ножи. А он успел научить своего старшего. Как они теперь?... Господи, никогда тебе не молился - дай попасть!

Приподнявшись на левой, он с силой метнул тяжёлую финку. И успел увидеть, как белобрысый схватился за горло.

А ещё - рыжее пламя на полудюжине подсакивающих стволов.

Нет, всё же много у них автоматов...

...Панцергренадёры окружили тело русского, лежащее на забрызганной кровью траве. Убитый был невысоким, широкоплечим, с жёсткой щёткой усов на немолодом уже лице. Он замер ничком, повернув голову вбок и широко раскидав руки по земле, словно обнимал её.

Подошёл панцервахтмайстер⁶ - плечистый, уже за сорок, невысокий. На него посмотрели - панцервахтмайстер провёл по шее пальцем.

- У, скотина! - молоденький рыжик пнул мёртвое тело коротким сапогом. И чуть не полетел наземь от тяжёлой затрешины. - Дядя Вернер, за что?! - завопил он.

- Не тронь, - хмуро сказал панцервахтмайстер. Нагнулся, перевалил убитого на спину. На груди, над кармашком белой от стирок и солнца гимнастёрки, сверкнула небольшая медаль на серо-синей ленте.

- Что это? - спросил кто-то из солдат.

- "За отвагу", я знаю, - важно сказал переставший дуться рыжик. - Большая русская награда! Дядя Вернер, а кто её возьмёт?

Панцервахтмайстер молча снял с пояса лопатку, отомкнул острое полотно, накрутил муфту в положение для рытья.

- Похороним, - отрывисто сказал он. - Ты... и ты, помогите. Анхель, сделай крест.

- Он же большевик, дядя Вернер! - возмутился рыжик. Панцервахтмайстер отмахнулся:

- Он солдат.

Западная Белоруссия. Город Брест. Октябрь 1943 года.

Серый осенний дождь шёл непрерывно уже четвёртые сутки. Комендантский час кончился уже давно, но широкий бульвар был пустынен - заштрихованный частой сеткой дождя, он тянулся без конца. Стены домов, заборы, немногочисленные тумбы для объявлений были на-глухо заклеены свежими выпусками газеты "Пагоня", неизвестно как и когда появляющимися листовками на хорошей бумаге - и приказами управления гауляйтера⁷. Эти приказы венчало одинаковое слово, набранное большими алыми буквами:

ФЕРБОТТЕН - ЗАПРЕЩЕНО.

Запрещено было всё. Запрещено говорить на русском языке. Запрещено было

собираться больше двух, после восьми вечера и на центральных улицах. Запрещено было зажигать свет в комендантский час. Запрещено смеяться, петь, торговать, не уплатив шестнадцать видов налогов Рейху... Запрещено было всё, что можно запретить - с немецкой педантичностью и аккуратностью. Жаль, что нельзя было запретить дышать - от этого население могло вымереть раньше времени...

Приказы не могли запретить одного - оставаться людьми. А это само по себе подразумевало сопротивление. Именно поэтому с такой неуловимой регулярностью появлялись листовки. Именно поэтому не-мцы ходили по улицам только "тройками" - усиленными патрулями, держа оружие наготове - или большими компаниями. Иначе было просто опасно. Даже днём. Даже здесь, на центральных улицах, увешанных грозными запретами...

Высокий молодой офицер шёл по дождливому бульвару один. По его прорезиненной пятнистой куртке скатывались струйки воды, широкий потёртый ремень оттягивала большая кобура "вальтера". Вместо офицерской фуражки на коротко подстриженных волосах небрежно сидело мягкое солдатское кепи без знаков отличия.

Майор Ульрих фон Кори, командир отдельной абверкоманды военной разведки "Восток" не боялся. Одиночный офицер вермахта невелика добыча для партизан или подпольщиков, а от одного-двух нападающих-импровизаторов он легко отобьётся - имел возможность в этом убедиться... Бояться следовало именно в большой компании - последнее время как раз рестораны, гостиницы, многолюдные выезды стали излюбленными объектами белорусских партизан. Взрывались бомбы, гремели автоматные очереди, летели гранаты, и во французском вине оказывался цианид... Хотя - фон Кори слегка улыбнулся - если бы партизанские главари знали, кто этот молодой офицер, идущий через надоедливый белорусский дождь по пустынному бульвару - они бросили бы против него лучших своих диверсантов. Такая добыча была бы для них желанней, чем разорванный месяц назад бомбой в своей спальне гауляйтер Кубе⁸...

Фон Кори был егерь. Охотник за партизанами, чья абверкоманда с лета 1941 года уничтожила в Белоруссии, на Украине и в России бо-лее ста партизанских отрядов. А что делал идиот и садист Кубе? Раздавал награды и эшелоны с награбленным тыловой зондерсволочи, меряя её доблесть по количеству убитых белорусских, польских и рус-ских детей... Вешал, жёг, расстреливал своими зондеркомандами⁹, даже не задумываясь, что каждый убитый его уголовниками мирный житель - это два, три, пять новых партизан, лично обозлённых на Рейх и потому на всё готовых! Если бы фон Кори мог - он бы сам прикончил Кубе раньше, чем тот успел наделать уже, кажется, непоправимых глупостей...

Фон Кори скользнул взглядом по листовке, залепившей на стене дома напечатанный в газете портрет фюрера. Просто листок из тетрадки, на котором аккуратным ученическим почерком написано: "Фрицы драпают из-под Курска!"

Драпаем, подумал фон Кори. Отличная вещь - русский язык. В немецком нет такого слова. "Бежим" - не годится. Именно драпаем. Даже школьники знают. Надо выловить и повесить всех школьников... А его абверкоманда всё больше и больше напоминает кусающую собственный хвост собаку. Чем сильнее грызёшь - тем больнее себе делаешь. А вообще откусить невозможно... Война проиграна. Проиграна ещё в 41-м, но сейчас это начинают понимать даже самые тупые и самые оптимистичные... А он не тупой и не оптимистичный. Но он будет драться, пока есть возможность - а там посмотрим...

Двухэтажный старинный особняк был украшен бело-красно-белыми флагами "Белорусской национальной самопомощи". На ступеньках роскошного крыльца не было часовых - с тех пор, как неделю на-зад в них бросили гранату, они соглашались дежурить только внутри... Правда, на верхней ступеньке спал смертельно пьяный БНСовец в испачканном мундире, без оружия. От него несло самогоном на курином помёте... И где

достають? Кур давно сожрали маршевые части вермахта, а помёт есть по-прежнему... Егерь широко перешагнул через пьяного "союзника", мельком подумав, что вся БНС такова. Мёртворождённое детище всё того же Кубе, возжелавшего "найти опору в здоровых элементах белорусского народа, не заражённого русским влиянием". Нашёл... Треть БНСовцев, получив оружие, сбежала к партизанам. Остальные - уголовная сволочь, гораздая покуражиться над земляками, свести старые счёты... А когда подпёрло - кто разбежался, кто спивается с бе-шеной скоростью. От страха, всё от страха перед лесом, перед немцами, перед Красной Армией... Какие они бойцы, если боятся всего! Кубе в насмешку выделил место под штаб "Востока" на втором этаже штаб-квартиры БНС. Но, может, оно и к лучшему? Под вывеской этого балагана можно не опасаться налётов - для партизан БНС не противник...

...Ефрейтор Ромм, временно отстранённый от операций из-за контузии и потому мрачный, отдав честь командиру, негромко сказал, кивая на дверь кабинета:

- Герр майор, вас ждёт барон фон Фелькерзам.

- Давно? - оживился фон Кори. С бароном они были друзьями - насколько вообще могут дружить два человека, один из которых сделал своей профессией партизанскую войну, а другой - войну с партизанами. Фон Фелькерзам был офицером знаменитого полка диверсантов "Бранденбург 800".

- Приехал полчаса назад. Машину отпустил сразу. Спросил коньяку, сидит и молчит, - быстро изложил Ромм.

- Хорошо, - фон Кори стряхнул куртку с плеч и, на ходу повесив её на крючок у двери, вошёл в кабинет, перетягивая ремнём серо-зелёный китель.

Аристократический нос барона был погружён в гранёный русский стакан с коньяком. Но пьян диверсант не был - не был даже выпивши, судя по той быстроте, с которой поднялся и подал, отставив стакан, руку фон Кори.

- Привет, Ульрих, - фон Фелькерзам улыбнулся левой стороной лица - правая навсегда осталась неподвижной после сабельного удара польского улана в сентябре 39-го - её пересекал широкий шрам. - А я пью твой коньяк, скучаю и жду тебя.

- Ты переводишь добро, - ворчливо сказал фон Кори, опускаясь в кресло. - Чем обязан?

- Я тебе не рассказывал, как я в одиночку дрался с тремя советскими танками в Эстонии?

- В этом месяце - нет, - с иронией ответил егерь. - А ты не боишься, что как-нибудь в лесу я спутаю тебя и твоих молодцов с партизанами?

- Не исключена такая возможность, - серьёзно кивнул диверсант.

- Кстати, я пришёл к тебе именно как к главному нашему лесовику... - фон Фелькерзам подошёл к егерю вплотную, наклонился. - Полторы тысячи "шмайссеров". Тридцать ЭмГэ. Столько же снайперских винтовок. Ну и мелочи - патроны и гранаты. Ты сможешь это спрятать так, чтобы не нашли даже местные жители, дружище?...

Север Албании недалеко от озера Скадар. Начало мая 1999 года.

В сарае пахло нечистотами и гнилыми помидорами. Кто-то хныкал, кто-то тихо, монотонно стонал. И запах и эти звуки были привычными. Отвратительными и привычными - казалось, всё это вот так и было всегда, не существовало никакой другой жизни... а скоро, кажется, исчезнет и эта. Страшно обидно было - не страшно, а именно страшно обидно - от этой мысли, а ещё от того, что нельзя повернуться, пошевелить хотя бы пальцем. Земля давила, стискивала со всех сторон, даже вдохи давались с трудом. Господи, хоть бы вздохнуть КАК СЛЕДУЕТ - и пошло оно всё к чёрту...

Голоса. Чужой язык, который он ненавидел, который он не хотел понимать, но научился. Трудно не научиться, если больше месяца тебя бьют и гоняют, сопровождая побои и издевательства руганью и приказами на этом языке. Они и сейчас издеваются - две пары высоких американских ботинок топчутся перед лицом, и один ботинок то и дело тычется то в нос, то в губы. Уже не больно, только что-то похрустывает, и кровь начинает течь сильнее; и

из носа, и в рот. Солёная, течёт без остановки... Потопчутся - ткнут, посмеются. Бессилие - вот что страшнее смерти. Мысль, что ты умрёшь в неполные четырнадцать, а они, эти двое, ещё поржут и пойдёт отсюда. Если бы можно было убить их, а потом умереть, он бы согласился и самую-самую страшную смерть в мире...

- Ну что, будешь писать? Сейчас ещё можно...

- А скоро будет поздно. Чента, покажи ему крысу.

Лицо. Знакомое, ненавистное, смуглое, с узкой полоской усиков. Странно, до чего похоже на крысиную морду, на крысу в клетке... Крыса покачивается рядом с лицом, смотрит сквозь частые тонкие прутья и стрекочет. Кто придумал, что крысы пищат? Они стрекочут. Глаза у крысы - маленькие, кажется, такие же радостные, как у Ченты. Две недели назад так убили болгарского парнишку. Никто не знал, за что. Его просто привезли, закопали посреди лагеря, надели на голову ящик, а под ящик на глазах у остальных сунули крысу. Как в фильме ужасов, которые он смотрел когда-то...

А ведь было. Смотрел. ТАМ. ТОГДА. Когда он ещё не знал, что в мире торгуют людьми и вешают их на колючей проволоке...

А я всё равно писать не буду. Головой налево. Головой направо. Поймут, гады... Не буду я писать...

...Ой, как больно. Чем это он так? Ботинком в висок...

- Ладно, - зевот, сытый, длинный, - пускай крысу... А вы смотрите, щенки славянские! - это громче. Это для остальных. Чтобы всегда боялись. Всегда...

Сейчас опустится ящик. А потом...

- Посмотри вокруг последний раз, русская свинья. И готовься встречать гостя, - в зубах у Райхата самокрутка, дымок тянется струйкой - шмаль курит, они тут все шмаль курят, сволочи... Надо это вслух... хо-тя бы по слогам...

- С-с-с... во... ло... чи-и...

Ящик опустился, отрезал весь мир, запахи, цвета... Мальчик стиснул зубы - изо всех сил, до хруста, до боли, чтобы не закричать, когда...

- Рrrrrrrрааа!!! - дико, отзывая эхом в тесном сарае, взревел автомат.

Рядом, над головой... и ещё в углу... и, похоже, у открывшихся дверей... и за ними! Кто-то страшно, с подвизгом, закричал. Что-то тяжёлое рухнуло сбоку от ящика. Напряжённый, неразборчивый голос, потом - крик:

- Добро сите! Добро сите! Детса, чекайте малко! Сега измыкнем!¹⁰.

Ящик приподнялся. Резкий, но нестрашный голос быстро спросил:

- Ова йош едан? У-у, шиптарски майката! Сега, сега, друже!¹¹...

Наклонившееся над мальчиком лицо было страшным - потное, в косых полосах камуфляжа, с толстым рубцом шрама через лоб. Но на плотно натянутом берете зеленела кокарда - похожий на русского двуглавый орёл. А на руке, отбросившей страшный ящик, на чёрном шевроне, белела оскаленная морда тигра. И, прежде чем потерять сознание, мальчик успел радостно прошептать:

- Русский... я русский...

Польша. Охотничий домик на Мазурских болотах. Июль 1999 года.

Высокие спинки кресел, повёрнутых к огню, были обиты алой кожей, но в темноте комнаты казались чёрными. В камине, искристо потрескивая, горели сухие дрова, багровые блики прыгали по стенам из толстых, тёмных от времени дубовых брёвен. За небольшим окошком наступало утро, белёсый туман лип к стеклу и сползал по нему юркими струйками воды.

Людей, сидевших в креслах, мало интересовал наступающий новый день. Они говорили

всю ночь и до конца разговора было далеко, а почти десяток молчаливых молодых ребят в охотничьих костюмах дежурил всю ночь тройками, сменяясь каждые два часа, чтобы люди в комнате охотничьего домика могли разговаривать спокойно...

- Значит, груз не будет доставлен, - у сидящего справа оказался одышливый, властный голос. Его собеседник был намного моложе и, судя по всему, энергичней:

- К сожалению, он лежит там, где и лежал с сорок третьего... И вообще - я не понимаю сути проблемы. Проще завалить наших союзников новенькими винтовками - производители оружия только спасибо скажут. Зачем с такими сложностями выцарапывать оружие устаревшего образца с территории откровенно враждебного нам государства, везти ещё через несколько стран?

- Вы забываете, что за событиями на Балканах пристально следим

не мы одни. И враги нашего дела есть не только, скажем, в России, но и в нашем с вами отечестве. Если в руках у боевиков Тачи¹² появятся, как вы выразились, новенькие винтовки - поднимется страшный шум о нарушении запретов на торговлю оружием. А оружие времён Второй мировой... мало ли его лежит по Европе в тайных складах? Никого это не насторожит... И потом: разве это не символично? Полвека назад это оружие не выполнило той миссии, для которой было создано - убивать славян. Но эту миссию оно выполнит теперь... Вы, молодые, слишком прагматичны, в вас нет...

- Прошу вас, оставим разговоры о том, чего в нас нет, - слегка досадливо перебил собеседника младший из говоривших. - Меня, если честно, бесит тупость наших... э... союзников. Всё так просто решалось, но они ухитрились упустить мальчишку буквально из рук! До сих пор не понимаю, как это могло произойти! Вместо того, чтобы спокойно получить необходимое, я теперь вынужден разрабатывать целую операцию, брать на себя руководство ею и совершенно бессмысленно рисковать жизнью... Как они сами оправдывают этот провал?

- Никак. Они ищут виноватых - и уже начались кадровые перестановки. Несколько кадров переставили... вернее - преставили! - старший засмеялся своей шутке. - Нам удалось выяснить, что на плантацию, куда определили мальчика, был совершён налёт. Надсмотрщики перебиты, раб... рабочие - освобождены.

- Его надо было держать в камере, а не на плантации! Эти дегенераты даже из комариного трупика пытаются вытопить сало, а такая жадность до добра не доводит... Но неужели нельзя было договориться с нашими военными в Албании и получить щенка обратно?

- Кажется, вы меня плохо слушаете... Наши военные тут ни при чём.

Налёт совершили юги¹³ - и даже не "спечичари"¹⁴ регулярной армии, а оркановские "Белые Тигры"¹⁵. Эти фанатики неподкупны и ненавидят нас... Они увели освобождённых рабочих через границу.

- А как же многочисленные заявления наших военных о победе в войне? - с иронией спросил младший.

- Эти заявления выеденного яйца не стоят. Американцы сами привыкли лгать и приучают лгать нас - победой там и не пахнет, как и концом войны. Иначе на кой чёрт было бы нужно это оружие, которое вам предстоит добыть?! Но вам ещё повезло - лет двадцать назад такая операция была бы невозможна вообще, не то что сейчас, когда царит столь умильная терпимость. Если раньше в каждом из нас заведомо видели врага, то теперь они непоколебимо убеждены, что через границу едут одни друзья, ха-ха... Не волнуйтесь, работать будет легко.

- Если честно, я бы предпочёл Россию, а ещё лучше - Украину. Белоруссия мне не

12

13

14

15

очень нравится...

- У них хватает внутренних проблем... нашими стараниями, - успокоил старший. - Им просто будет не до вас. Сами же местные вам и по-могут, только платите...

- Обойдутся, - холодно сказал младший, - у меня свои методы... Эти свиньи лучше работают не за плату, а из страха!

- Что вы задумали?

- Я объясню... А пока скажите мне - у вас есть надёжные и небрезгливые люди здесь, а ещё лучше - в Прибалтике? Которые знают, как браться за автомат и будут работать не только из-за денег, а... скажем, ещё и из любви к делу?

Западная Белоруссия. Лес недалеко от города Брест. Начало июня 2000 года.

Около небольшой оранжевой палатки, рядом с чёрным кострищем, на котором уже были сложены приготовленные на вечер дрова, сидел перед расстеленным куском брезента одетый в камуфляж парнишка лет шестнадцати. Из стоящего рядом бачка разило керосином - прилипчивый запах портил великолепный пейзаж лесной полянки. Руки парня были до локтей затянuty в резиновые перчатки. Промасленной тряпкой он шлифовал испятнанную ржавчиной железку; на брезенте лежали детали, в которых опытный глаз мог бы - не без труда - опознать останки "дегтярёва-пехотного", основного ручного пулемёта Рабоче-Крестьянской Красной Армии 30-х - начала 40-х годов.

На краю поляны высилась куча нарытой земли, над которой ритмично взлетали всё новые её порции и мелькала лопата.

Парню, кажется, надоело возиться с тряпкой и керосином. Легко поднявшись на ноги, он несколько раз наклонился, доставая носки кроссовок пальцами, сдёргнул и отбросил перчатки, потянулся и, подойдя к яме, нагнулся, упершись руками в колени.

- Сергей Анатольевич!

Мужчина, работавший лопатой на дне ямы, разогнулся и вытер локтем лицо.

- Чего ты орёшь? - ворчливо осведомился он, тяжело навалившись на руки, скрещенные поверх черенка лопаты.

Парнишка присел на краю.

- Може, снимемся? - скучливо сказал он. - Вы же сами говорили - бои сорок четвёртого мы уже раскопали? Так чего ещё тут рыться? В сорок первом тут и боёв-то не было, нам в школе говорили...

- А как американцы Наполеона на его территории разбили - не говорили? - серьёзно спросил Сергей Анатольевич. Засмеялся, увидев, как лицо его младшего товарища стало обиженным, и сказал: - Лады, собирайся. Я сейчас ещё десяточек кину и вылезу.

- Ага! - обрадованно вскочил на ноги парень. Но он не успел сделать и пяти шагов - "ух!", раздавшееся из ямы, заставило его прыжком вернуться обратно. - Сергей Анатольевич, вы чего?!

Мужчина, широко расставив ноги, стоял на дне ямы и лихорадочно чистил рукавом куртки какой-то кружок. Парень заметил остатки медальной колодки - он был достаточно опытен в этих делах, чтобы понять смысл находки.

- Медаль? - напряжённо спросил он, почти ложась на край раскопа.

Сергей Анатольевич кивнул. - Какая?

Мужчина поднял голову:

- "За отвагу", - сказал он, показывая серебряный кружок.

- Ё!... - вырвалось у парня. - Полкуса баксами!

- Ну, это если коллекционера искать, - возразил Сергей Анатольевич. - А если так, побыстрому - сотни две, около того. Но всё равно неплохо, побольше пулемёта... Ну-ка, Саш, держи медаль, а я тут ещё покопаю...

Он врубил полотно лопаты в бок раскопа - туда, где виднелись коричневые кости и лохмотья формы, хорошо сохранившиеся во влажной пинской земле. Выпадавшие кости

Сергей Анатольевич внимательно осматривал, нагибаясь, и отгребал в сторону ногой. Потянул, выдёргивая, расползающийся перед гимнастёрки, ощупал его без какой-либо брезгливости.

- Ничего? - жадно спросил Саша. Зажав в кулаке медаль, он неотрывно следил за руками старшего напарника.

- Кажется... а, не, это медальон... - серая пластмассовая трубочка полетела на землю. Сергей Анатольевич ещё несколько раз ковырнул лопатой. - Нет, больше ничего. Наверное, хоронили. Держи лопату... Давай, помоги выбраться. Тяни.

Отталкиваясь от грязного дна правой ногой, мужчина наступил на медальон.

Хрупкая пластмасса коротко треснула.

Помогая Сергею Анатольевичу вылезать, Саша краем уха услышал что-то, похожее на лёгкий щелчок - и его напарник вдруг коротко охнул, странно потяжелел и, не удержав его, парнишка отпустил руку. Сергей Анатольевич мешком свалился на дно ямы.

- Вы чего? - Саша нагнулся над нею - и отшатнулся. Слева в груди мужчины торчала стрела. Чёрная, с зелёным широким оперением. - Сергей Анатольевич... - севшим голосом позвал Саша. - Сергей...

Короткий свист заставил его обернуться.

Около палатки, небрежно держа одной рукой взведённый арбалет, стоял высокий белобрысый человек, одетый в камуфлированную форму. Большой воронёный наконечник стрелы смотрел Саше в грудь.

- Не надо... - успел попросить парнишка, вдруг ПОВЕРИВШИЙ, что сейчас его убьют.

Человек нажал спуск.

ГЛАВА 1.

В Брест Валька Огурцов приехал с опозданием на полчаса - было около шести, и последний час он промаялся около окна поезда, глядя, как мелькают в общем-то привычные Вальке картинки - кусочки леса, поля, деревеньки, городки... Белоруссия мало чем отличалась от Воронежской области - разве что названиями станций и надписями на зданиях, сделанными на двух языках, русском и белорусском, причём читались надписи одинаково легко. Где-то Валька слышал, что все белорусы "акают" - говорят "грАзА", "гАлАвА" и всё такое прочее, но никто из его попутчиков не "акал" и даже не говорил на белорусском языке, по которому мальчишка начал с недавних пор считать себя большим специалистом, послушав кассету древнего ансамбля "Песняры" - втайне ото всех, чтобы не подвергнуться в классе жесточайшей обструкции или не стать объектом жалости: "Вэл спятіл, крэзанулся Огурец, ещэ бы романсы начал слушать..."

Кстати песни ему понравились.

Да и сама поездка на лето в Белоруссию, на границу Брестской и Гродненской областей, ему была по душе. Во-первых, он ещё никогда не уезжал так далеко от дома. А во-вторых...

Валька не помнил отца. Его ещё не было на свете, когда старший лейтенант Огурцов погиб, проводя в один из горных афганских кишлаков караван с продуктами - граната РПГ попала в кабину КаМАЗа, и тяжело раненый офицер, сумевший выбраться из огня, был зверски добит душманами - его облили бензином и подожгли. Мама тогда едва не умерла - а умри она, не было бы и Вальки. А кое-кто ещё потрепал женщине нервы, не желая признавать, что муж её "погиб при исполнении интернационального долга" - старлей Огурцов служил в Пянджском погранотряде, официально пограничников на войну "за речку" не посылали...

Тогда и появился старлей Короб. Для жены погибшего офицера, матери Вальки - просто Вовка, ещё училищный друг мужа, с которым они вместе служили в Пяндже - да вот только в той командировке Огурцов оказался один, так получилось... "Аркадий погиб из-за меня, - сказал Короб, - будь я с ним - этого не случилось бы. Но ты, Лен, не бойся - я вас не

оставлю."

И не оставил. Добился признания льгот, каким-то образом выбил квартиру в Воронеже, на родине матери Вальки, откуда она уехала за мужем. И потом часто приезжал - Валька даже смутно помнил его - пока не грохнул развал СССР, и Короб, белорус по национальности и советский офицер по профессии, пропал с горизонта семьи Огурцовых...

А вот вдруг - появился. Не лично, но прислал большое письмо - майор Короб, начальник погранзаставы белорусских пограничных войск. В письме он звал Вальку с матерью к себе на лето, писал, что "тут лучше всякой Анталии и даже Сочи, а воздух не то, что у вас в Воронеже."

Валька поехал один. Не потому, что денег не хватило - мать последние годы хорошо зарабатывала в частной фирме, просто у неё, кажется, наметились успехи на личном фронте, и она долго мялась, не зная, как объяснить это "маленькому сыну", пока Валька великодушно не перевёл разговор на другое - обрадованная мама взяла с него слово, что он "уговорит Вовку приехать в отпуск хоть на недельку".

Как уже говорилось, Валька помнил Владимира Владимировича Короба. Но помнил смутно и временами подозревал, что это больше не его память, а мамины рассказы. И теперь, когда поезд, тормозя, покати́л вдоль большого перрона, заполненного людьми и слышным даже в вагоне гомоном, Вальку, совсем не робкого мальчишку, вдруг охватило чувство неуверенности. Как он целый месяц будет уживаться с незнакомым фактически человеком? Жены у него нет, но есть дочь - кажется, ровесница Вальки, а девчонки в этом возрасте... Валька предпочёл бы драться с тремя парнями одновременно, чем общаться минуту с девчонкой, которой "шлея под хвост попала". Да и вообще - он вспомнил одну свою одноклассницу - поди пойми, что у них на уме - вообще и в данный конкретный момент... Легче за ночь выучить английский... Найти бы себе приятеля на каникулы... Так уж получилось, что друзей у Вальки не было. Приятелей - куча, а друзей - ни одного, и он даже не очень ясно представлял себе, что это за штука такая - настоящие друзья. Что-то из романов, которые Валька любил почитать - Майн Рид, Буссенар, Жюль Верн, Конан Дойл... Мало кто в классе читал такие книжки, и над Валькой одно время пытались не всегда безобидно посмеиваться. Но вскоре поняли, что у "пацана с прибабахом" крепкие кулаки и отнюдь не "ботанская" решимость. От него отстали, вчерашние противники превратились в приятелей... а вот друзей не появилось. А чего мы не знаем, по тому и не тоскуем...

С довольно беспокойными мыслями Валька выбрался на перрон, придерживая на боку спортивную сумку с кое-каким барахлишком. Вокруг по прибытии поезда воцарилась обычная в таких случаях суе́та, люди толклись, бежали и орали, как в сумасшедшем доме, даже если собеседник стоял рядом. В довершение всего горланил вокзальный репродуктор, а где-то на путях играл духовой оркестр. Было прохладно, солнце садилось в затянувшие полнеба неприветливые облака за зданием вокзала. Валька ози́рался, встревоженный непрощенной и неприятной мыслью: а что если его не встретили - куда он денется в чужом незнакомом городе? Среди толпы было несколько явных пограничников - таких же, как в Воронеже - но они занимались своими делами, откровенно служебными, и на мальчишку внимания не обращали... Впору было, как показывают в американских кино, заранее заготовить большую табличку и повесить на грудь - я такой-то...

- Валентин? Ты?

Валька резко обернулся - и увидел здоровенного мужика в камуфлированной форме, но в фуражке с зелёным верхом. Смуглое от ветра, солнца и воздуха лицо пограничника украшали усы - вислые, буквой П спускавшиеся аж под подбородок.

Нельзя сказать, что Валька его вспомнил. Но что-то такое шевельнулось в памяти, и он уверенно сказал:

- Здравствуйте, Владимир Владимирович.

- Здравствуйте, Валентин Аркадьевич! - серьёзно сказал пограничник

- и вдруг, тряхнув Вальку за плечи, захохотал, спрашивая: - А кто меня "дядя Воа" называл, помнишь?! Ну, кто меня "дядя Воа" называл, Валентин Аркадьевич?! Как вымахал,

ч-чёрт тебя дери! Вровень со мной!

Это было враньё. Гиганту в камуфлированной форме немаленький для своих лет Валька доставал макушкой до плеча. Но не рассмеяться в ответ было невозможно, и Валька так и сделал - искренне и немного облегчённо. Теперь ему казалось, что он и в самом деле помнит, как называл Короба "дядя Воа", хотя обычно Вальку раздражали любые умильные воспоминания о том, как он в детстве писался, коверкал слова и делал прочие глупости, которые почему-то приводят в такой восторг взрослых.

- Это всё твоё барахло? - спросил дядя Воа, кивая на сумку. - Молодец, это по-нашему... Ладно, пошли, "мерседес" ждёт, а время идёт... Я ведь, каюсь, вроде как со службы удрал, чтобы тебя встретить...

Но уйти с перрона вместе не удалось. Майора неожиданно окликнул бородастый мужик в выгоревшей камуфлированной форме, сошедший с пригородной электрички, только что "причалившей" позади поезда, на котором приехал Валька, и Короб смущённо обратился к мальчику:

- Вот такие дела, друг Валентин... Ты уж меня извини, но я задержусь на пару минут, а ты шагай на площадь перед вокзалом - не заблудишься? Прямо через двери, не сворачивая никуда... Там увидишь "мерседес" - который УАЗ с нашими эмблемами. Хочешь - около него подожди, хочешь - залезай внутрь, он не заперт, чтобы шпионов на секретные бумаги приманивать... А я сейчас поговорю и приду. Добже?

- Ага, - охотно согласился Валька. Ему нужно было сообразить, как вести себя с Коробом, который ему понравился.

- Вот и давай, а я быстро, - и офицер направился к бородачу, вполне благовоспитанно ожидавшему чуть в сторонке - тот оживился и полез в нарукавный карман камуфляжа, а Валька, не особенно спеша, пошёл через вокзал на площадь...

...Машин и людей на площади было полным-полно. УАЗиков тоже стояло несколько, но лишь один украшали пограничные эмблемы Беларуси. Как и говорил Короб, заперта машина не была - Валька зашвырнул сумку на заднее сиденье (внутри пахло собаками, но Вальке этот запах никогда не казался неприятным) и, прислонившись к капоту, принялся разглядывать площадь и людей - просто ради интереса, ни о чём особенно не думая.

Это бессмысленное занятие так его увлекло, что мальчик вздрогнул, услышав старческий голос:

- А товарищ Короб где?

Голос принадлежал подошедшему с другой стороны УАЗика высокому и прямому человеку, которому можно было бы дать лет пятьдесят, не больше, если бы не старческое лицо и редкие, седые, но аккуратно зачёсанные волосы. Выцветшие глаза с неприятной цепкостью разглядывали мальчика; пиджак неопределённого серо-зелёного цвета украшал большой щит орденских планок.

- Он на вокзале задержался, - помедлив, ответил Валька. - сейчас подойдёт.

- Ну, я подожду, - покладисто сказал старик и, достав из бокового кармана прозрачный портсигар, прикурил от пластмассовой зажигалки дешёвую папироску. Несколько раз затянулся - странно, пряча огонёк в ладонь - и спросил с неожиданной тревогой:

- А ты ему кто? Сынок? У него вроде дочка... Ты не вовремя приехал, - старик оглянулся по сторонам и нагнулся через капот:

- Не вовремя, внучек... Ты уезжай, уезжай, пока можно... ведь начнётся скоро! А они не посмотрят, что лет тебе мало - они командирские семьи всех под пулемёты ставят... Я помню, помню... - лицо его судорожно скривилось, глаза заблестели. От голоса старика - не от слов, а от того, как они были сказаны - Валька ощутил озноб и чуть отодвинулся. А старик снова огляделся и зашептал быстро, словно боялся, что его прервут:

- В Югославии-то что - знаешь, телевизор смотришь?! Вот и тогда так было - сперва в Югославии, а потом - у нас, скоро совсем... Опять то же будет, а мы не готовы! Я уж и к начальству ходил, требовал, говорил, а они смеются... "У нас, - говорят, - дедуля, мир!" А я помню, какой мир. Я всё помню, тогда тоже мир был...

Дед был явно сумасшедший, и Валька чуть отодвинулся, но с другой стороны, кроме безразличности он ощущал ещё и непонятную жалость - в глазах старика блеснули настоящие слёзы. Мальчик не знал, как с ним разговаривать, чтобы успокоить, и оглянулся - не идёт ли Короб. Старик истолковал движение мальчишки по-своему:

- Тоже опасаясь? Правильно... - кивнул он и, кривясь, словно воспоминания доставляли ему боль, заговорил снова: - Я ведь его видел. Фон Фелькерзама. Опять в гражданском ходит, как тогда. Приехал - инженером назвался и вот так тоже всё ходил, ходил... Не раскусили мы его, а он в первый день со своими волками связь порезал, командиров в постелях побил начисто... И потом всю войну прикидывался - то партизаном, то ещё кем, как оборотень ходил - не смогли мы его взять, ушёл... А теперь снова здесь. Молодой, как раньше, не стареет, зверюга... а я старый, не справится мне... сил нет совсем... А он ходит - небось, опять смотрит, что в первую голову жечь да взрывать, как начнут... Уезжай ты, внучек, уезжай. От них пощады не будет, а кому защищать? Была у нас страна, была армия, а теперь я старый, а молодые не верят, смеются, как мы тогда... - старик огляделся и вдруг почти выкрикнул, сильно покраснев:

- А я правду говорил! Я диверсантов в лесу побил, я! А мне и тут не верят... - он осекся, подтянулся - и Валька с облегчением увидел подходящего у машине Короба - следом шёл бородач в камуфляже:

- Товарищ майор! Разрешите доложить! Боец 14-го отдельного истребительного отряда прибыл в ваше распоряжение!

- Хорошо, хорошо, - кивнул Короб. - Но сейчас можете отправляться домой до особого сигнала.

- Не верите вы мне... - сник старик - и вдруг по-настоящему заплакал: - Не верите... как быть, что делать... нету сил - одному...

- Миш, - часто моргая и кривя губы, попросил майор, - уведи его, пожалуйста, проводи до дому...

- Без проблем, командир, - кивнул бородач и, осторожно взяв старика под руку, негромко заговорил: - Пошли, Сергей Витальич, пошли до дому...

Старик не сопротивлялся, переставлял ноги тяжело, но потом вдруг оглянулся и сказал:

- Мальца-то отошли обратно, командир! Отошли! Послушайся хоть сейчас!... - потом махнул рукой и поплёлся за бороатым Мишей.

- Вот чёрт, - глядя им вслед, сказал Короб. Смущённо посмотрел на Вальку: - Не напугал он тебя? Садись...

- Почему - напугал? - спросил Валька, усаживаясь на переднее сиденье, покрытое слоем пыли. - Жалко его... Сумасшедший, да, дядя Вова?

- То-то и оно... - майор врубил движок, задним ходом вывел УАЗик на площадь. - Ну, Брест ты, если захочешь, ещё посмотришь, а пока едем прямо на место.

- Далеко? - поинтересовался Валька.

- Почти шестьдесят километров, - ответил Короб. - Никогда на заставе не жил? Поживёшь...

Пока Валька оторопело переваривал сказанное, УАЗик выехал на широкую, заполненную машинами улицу. Майор сообщил:

- Вон перед тобой - э, справа, не слева! - памятник героям-партизанам, в народе известный как "Девушка в кокошнике с укрошником" - безобразие, конечно, почище Церетели в Москве...

- Вижу, - откликнулся Валька. Памятник его заинтересовал очень мало. - Дядя Вова, а этот старик о чём говорил? Я не понял...

Короб вздохнул, выпустил воздух на усы, покрутил головой и сказал:

- Ладно, слушай, чего темнить... Знаешь, кто такие чёрные следопыты? - Валька только наморщил лоб - название казалось ему знакомым, но смысл никак не давался, и мальчишка покачал головой. - Ну ты даёшь!!! Тогда с этого и начнём...

Так Валька узнал, кто такие чёрные следопыты. Эти люди... не хочется их так называть

- раскапывают места, где в Великую Отечественную были большие сражения. Они подбирают оружие, награды, кольца, драгоценности, не брезгают ничем - короче, делают мерзкое дело, за которое в средние века, например, казнили - глумятся над останками погибших. Но самое отвратительное в этом нечистом занятии - то, что они, раскапывая останки, выбрасывают за ненадобностью памятные медальоны наших и личные жетоны немецких солдат. А это единственное, что через полвека может помочь определить личность погибшего. Фактически, чёрные следопыты убивают убитых ещё раз, лишая их близких последней надежды узнать, где, как и когда погиб родной человек - а ведь многие ждут и надеются до сих пор! Чтобы хоть кости похоронить на родине, чтобы не жгло, не мучило холодное определение: "Пропал без вести." Милиция, поисковики, местные жители, даже зеки на зоне - все презирают и ненавидят чёрных следопытов. Но это подлое занятие - выгодный бизнес, сулящий иной раз миллионы в долларах, если удастся найти склад с оружием, пользующимся спросом до сих пор - винтовки "маузер", пулемёты ЭмГэ, "шмайсеры", боеприпасы, гранаты...

- Странно, что ты про них ничего не слышал - ведь у вас в Воронеже тоже шли бои, - прервал рассказ Короб. - Ну так вот... Мишка - ну, тот здоровяк в "комке"¹⁶ - это босс наших местных поисковиков, отряд "Звезда". Они ищут то же, что и чёрные следопыты, только затем, чтобы восстановить имена погибших солдат... Ну и к нам часто обращаются.

- А к вам-то зачем? - удивился Валька.

- Э-э, Валентин Аркадьевич, - серьёзно ответил Короб, - мы пограницы, без нас тут ни одна собака кутюков не крестила... - Валька засмеялся, Короб тоже хмыкнул, но через миг стал серьёзным и продолжал: - Вот. А где-то с начала мая, когда у чёрных сезон начался, стали их в лесу убивать. Да-да, не смотри так, по-настоящему - убивать. На данный момент одиннадцать трупешников...

- Ну и что? - не понял Валька. - Если они бандиты - так им и надо...

- Оно бы и правильно, - поддакнул майор, - да только не верно...

Айн - никто, Валентин Аркадьевич, не имеет права брать на себя функции палача даже в самом справедливом деле. Цвай - никто не поручится, что завтра этот благородный мститель не начнёт убивать... ну, например, вообще всех, кто войдёт в лес. И драй - для нас самое важное, что происходит всё это в приграничной зоне. А если в приграничной зоне начинает происходить что-то непонятное - пограничникам надо готовиться к неприятностям. Раньше-то это, Валентин, была спа-акойнейшая граница. Сонное царство. Польша по ту сторону, которая так же не заграница, как курица - не птица. А сейчас у нас по ту сторону что? - майор поднял палец и сам себе ответил: - Член миролюбивого блока НАТО. А это вам не чеченские сепаратисты, которые после передоза Грузию с Краснодаром перепутать способны...

Несмотря на юморной тон Короба, Валька вдруг понял, что майор в самом деле в сильном напряге и подумал, а не зря ли он сюда приехал правда - путаться под ногами у занятых людей... Но, в конце концов, Короб сам его пригласил... И, успокоив себя этими размышлениями, Валька спросил нетерпеливо:

- А этот старик тут при чём?

- Берёза Сергей Витальевич... - Короб нахмурился. - Это у него фамилия такая - Берёза, и ничего смешного, мы, белорусы, страшно обидчивые на это дело... Так вот, он в сорок первом командовал тут, в западной Белоруссии, одним из первых партизанских отрядов. Заслуженный человек, Валентин. А как начались несколько лет назад все эти гробокопательства - он в уме слегка повредился. Так - вроде нормальный, а иногда кажется ему, что война то ли не кончилась, то ли вот-вот начнётся... Метаться начинает, военкоматы будоражить, ментуру, к нам шастает... А тут ещё дурачки нашлись - посмеялись над ним как-то... Он вроде притих, а потом нате - является к нам и говорит: берите меня, я в лесу пятнадцать диверсантов побил... - Короб поморщился. - Конечно, дико пожилому человеку,

ветерану, такое видеть - как в могилах, можно сказать, его братьев, товарищей по оружию, всякая погань роется... Вот он себе и придумал такое...

- Дядя Вова, - осторожно сказал Валька, - а если это и правда он?

- Проверяла милиция, - вздохнул Короб. - Алиби у него. Сам себя оговаривает, да и не оговор это - для него всё война никак не кончится... Вот так-то...

- А вот он говорил, - вспомнил Валька, - что какого-то фон Фель... фамилия такая немецкая... фон Фелькерзам! Да, фон Фелькерзама какого-то видел.

- Не какого-то, - поправил Короб. - Был такой диверсант из, как бы сейчас сказали, спецназа гитлеровского - барон фон Фелькерзам, из прибалтийских немцев. Диверсант - от бога, много в начале войны натворил такого, от чего нашим долго чихалось... А во время войны прославился, если так можно сказать, созданием лжепартизанских отрядов - обычных банд, которые представлялись партизанами, а сами грабили, жгли, бесчинствовали - и на партизан сваливали. Большой талант был - так его наши и не поймали, пропал, как в воздухе растворился... погоди, а где дед его видел?! - спохватился Короб.

- В городе, говорит. Молодого, как раньше...

- Совсем плох дед... - покачал головой майор. - Ну ладно. Мишка за ним пока присмотрит...

УАЗ выезжал из города. Вдоль шоссе, по которому со свистом проносились машины, довольно большая группа людей под бело-красно-белыми флагами, выстроившись, дружно скандировала - Короб притормозил, и Валька услышал:

- Бялорусь - у Яуроупу! Президента - у... - и дальше в рифму. Несколько скупающих милиционеров, поглядывая на небо в ожидании дождя, стояли около двух патрульных машин с вяло и беззвучно крутящимися мигалками.

- Это кто такие? - Валька крутнулся на сиденье, чтобы рассмотреть манифестантов получше. Короб хмуро ответил:

- Сторонники независимости Беларуси от Москвы.

- Что-что? - не понял Валька.

- Объясняю популярно, - майор дёрнул углом рта. - Это те, кто думает, что все беды в Белоруссии от русского языка и дружбы с Россией. А если, мол, подружиться с... другими, то сразу всё станет отлично.

- Там священник был, - вспомнил Валька мелькнувшую среди манифестантов рясу.

- Вера - это, Валентин, не совесть. Она ещё никому не мешала наживать на чужом горе... - вздохнул Короб.

- На каком горе, дядя Вова? - тихо спросил Валька.

- А на таком, Валентин... Я вот - белорус. И я свою родину люблю. И всегда любил... А отец твой был русский... А водила, которого он из КаМАЗа вытаскивал, когда... - Короб не договорил. - Водила был хохол... Только твой отец об этом не думал. И когда мы с ним в училище подружились, не думал я, что он - русский, не важно это было, понимаешь? И я хочу, чтобы и дальше было не важно... - он помолчал, потом спросил: - Хочешь, притчу расскажу? Мне её там, где мы с твоим отцом служили, старик-таджик рассказывал, аксакал... Знаешь, кто такой Тимур Тамерлан?

- Завоеватель вроде бы... - неуверенно ответил Валька. - Да, точно.

- Правильно, великий завоеватель... Его ещё Железный Хромец называли - "Тамерлан" так и переводится: "Железный Хромец". А вот ДО того, как завоевателем стать, был он обычным бандитом, ему тогда-то ногу и перебили, отчего он хромал всю жизнь... Так вот - когда он был ещё просто бандитом, то, прежде чем напасть на кишлак, он всегда посылал разведчика - считать в кишлаке знаешь что? Тандыры. Это печи такие, в которых хлеб пекут... Если тандыров было много, Тамерлан сразу же нападал на кишлак. Если тандыр был один на три-четыре двора - нападал, но осторожно, выжидал момент. А если тандыр был один - не нападал вообще. Понимаешь, почему, Валентин?

ГЛАВА 2.

С широкого шоссе свернули километров через двадцать - к этому моменту по обе стороны дороги уже тянулся густой лес, и грунтовая дорожка с накатанными сырыми после недавних дождей колеями канула в него, как змейка в траву. Грунтовка была пустынна, часто делала повороты - и лес обступил её со всех сторон, даже наверху сомкнулся.

- Справа от нас, недалеко, начинаются знаменитые Пинские болота, - сказал Короб, - партизанский край... И наша нынешняя головная боль.

- Почему?- поинтересовался Валька, уважительно рассматривая проплывающую мимо чашу.

- А потому, Валентин, что тут в округе-десятки законсервированных оружейных складов, оставшихся ещё с двадцатых годов начиная. И наших, и польских, и немецких - и вообще неизвестно чьих.

- Ну уж и неизвестно? - хмыкнул Валька. Короб серьёзно так ответил:

- Слово офицера. В месяц - одна-две официально заявленных находки, а незаявленных сколько?! И оружие там такое, что питерской или вашей воронежской братве оно даром не нужно - громоздкое слишком. Зато вполне годится для того, для чего его создавали...

- Для войны? - тихо спросил Валька.

- Для неё, родимой... То же немецкое оружие - за "шмайсеры" с любого лидера национально-освободительного движения где-нибудь в Африке можно та-акие бабки срубить!...

- Неужели оно до сих пор годится - стрелять? - не поверил Валька.

Короб покачал головой:

- Не просто годится - лучше нынешнего стреляет, потому что не такое капризное... Я знаю, сам стрелял. "Шмайссеру" полвека, а лупит так, как будто его вчера с завода в Оберндорфе выпустили...

Поясняющее отступление для интересующихся тем, что стреляет

Если любого мальчишку спросить: "Знаешь автомат "шмайссер"?" - он тут же скажет, что знает и начнёт с жаром расписывать всем известное по фильмам оружие, даже не подозревая, что во-первых это никакой не автомат, а во-вторых - совсем не "шмайссер".

То, что показывают в кино, называется пистолет-пулемёт, и создал его инженер Фольмер с фирмы "Эрма", а правильное название этого оружия "машиненпистоле". Или, сокращённо, ЭмПи. Пистолет - потому что снаряжается знаменитыми пистолетными патронами "парабеллум" калибра 9мм. А пулемёт - потому что может стрелять очередями, по-пулемётному. В современной войне пистолет-пулемётами не воюют - пули у них слишком слабые, не пробивают бронежилеты и каски. Сейчас пистолет-пулемёт - оружие полиции и бандитов.

А вот в 1943 году конструктор Хуго Шмайссер создал совсем новое оружие - штурмовую винтовку "шмайссер". Это было не-обычное по тем временам оружие. Под промежуточный патрон калибра 7,62мм - намного сильнее пистолетного и намного слабее винтовочного. Таких патронов боец мог носить больше, чем винтовочных, а само оружие получалось мощнее и дальнобойнее, чем пистолет-пулемёт. Если кто-то хочет представить себе настоящий "шмайссер" - посмотрите на старый "калашников" АК-47, они очень похожи. А то, что у нас называют "автомат", на Западе называется "штурмовая винтовка".

Так что, если кто-то не понял - "шмайссер" вещь очень серьёзная.

* * *

Солнце давно село за вершины деревьев, и в лесу наступил глубокий вечер. УАЗик

дважды проезжал небольшие деревушки, надёжно затерянные в глуши, и пейзаж вокруг вкупе со своей неподвижностью успел утомить Вальку.

- Плеер с собой не взял? - осведомился Короб.

- Дебильник? Я его не люблю, - покривился Валька.

- И то слава богу, - майор крутнул руль, объезжая ямину на дороге. - А то как зарядите какого-нибудь "Шу'у" - слушать страшно... Или ещё чище что-нибудь, тоже ни уму, ни сердцу.

Валька не собирался вступаться за современную попсу, к которой никак не относился, потому что не слушал её, а только под неё танцевал - а когда танцуешь, всё равно не слышишь... Но всё-таки спросил:

- Не очень вам наше поколение нравится, да?

- Бывают экземпляры ничего, - серьёзно ответил Короб, - но в целом - что в нём хорошего? С одной стороны - позволяют слишком много, а с другой - головы такой ерундой забивают, что слов нет. Вот армию взять... Чуть что - поднимают крик о "несчастных мальчиках". А на гражданке эти самые "мальчики" нажрут, как свиньи, и давай друг в друга по углам ножичками тыкать... Вокруг какого-нибудь пятнадцатилетнего обормота вся семья на цырлах ходит, он и считает себя пупом земли - а сам инфантил инфантилом... Знаешь, кто такой инфантил?

- Знаю, - откликнулся Валька. - Великовозрастный ребёнок.

- Гм... - Короб с интересом посмотрел на мальчишку. - Коротко и точно... Ладно... Ну вот. Натворит что-нибудь - и в сопли: "А я не знаааааал, что человека по башке арматурным прутком бить нельзяаааа! А я не дууууумал, что это больно!" Когда самого треснут - сразу различает, что больно... Правда, тут и мы, взрослые, очень виноваты. Иного бандюгу пару раз в детстве выпороли бы - глядишь, и вырос бы нормальным человеком... У нас вот умиляются: ах, дети, дети, чистые, невинные создания... А ведь дети - существа очень жестокие. Только жестокость их - от непонимания, как себя положено вести. И если в раннем детстве за проступки уши не драть, то и вырастает чёрт-те-что. Причём уши-то драть не обязательно физически... Я вот, например, против того, чтобы за ложный вызов на пожар, ложное сообщение о теракте, вандализм на кладбище там, пацанов в колонию или спецшколу отправляли, ничего хорошего они оттуда не вынесут. Подростков вообще в заключение сажать нельзя. По-другому надо. Часиков в шесть утра, в каникулы, участковый всех проштрафившихся со своего участка собирает - и вперёд, на общественно-полезные работы: улицы мести, мусор вывозить, утки выносить из-под лежащих больных... а тех, кто охоч о терактах сообщать - есть такая мода сейчас, даже у нас - персонально в военные госпитали, чтобы посмотрели, что такое последствия теракта... И так по шесть часов в день все каникулы. Так что ты думаешь? Я недавно одному педагогу всё это изложил - просто так, в разговоре. Так у него очки на лоб переехали! "Да что вы, - говорит, - разве можно калечить неустойчивую детскую психику, да ещё использовать труд несовершеннолетних?!" видал? Выходит, заставить парня отработать вину и понять, что НЕЛЬЗЯ так делать - плохо, я даже вроде ЭсЭсовец какой получаюсь... А упрятать в колонию, где из него бандюгу сделают - это ничего. Можно. Ты вот как считаешь?

- Уж очень несовременно... - пробормотал Валька, слегка ошарашенный педагогическими выкладками дяди Вовы.

- А я вообще человек несовременный, - с какой-то несолидно, хулиганской радостью ответил Короб. - Не понимаю, например, почему преступнику должно быть удобно сидеть в тюрьме. Не понимаю, почему вместо "война" надо говорить "миротворческая операция". Почему убийцу или распространителя наркотиков нельзя казнить смертью. И почему люди на простые вопросы разучились отвечать "да" и "нет" - тоже не понимаю. Потому и сижу на заставе - тут всё проще, а особо неприглядных типов можно стрелять.

- Вы серьёзно? - поинтересовался Валька. Короб пожал плечами:

- Почти...

- Конкретно вы наехали на наше поколение... - Валька неловко усмехнулся - ему было

обидно. Сразу становилось ясно, что майор из тех людей, которым трудно что-то доказать разговорами о юридической и компьютерной грамотности подрастающей смены - приемлет только то, что можно "пощупать" руками.

- А как же Чечня?

- А что Чечня? - поинтересовался Короб.

- Хотите сказать, что наши там плохо воюют? Вы же военный, вы же должны знать!

- Не скажу, что плохо, - согласился Короб. - Только кто у вас в армии-то служит, Валентин?

- Кто? - воинственно спросил мальчик, которого всё-таки достал разговор.

- А я скажу - кто. Дети военных, рабочих и крестьян. Те, кто по жизни - так вы говорите? - ничем избалован не был. И для кого актуальны не трёхсотдолларовые джинсы, а мясо к картошке на обед - хорошо, если есть, а если нет - одной картошкой обойдёмся... А остальные где?

Дети бизнесменов, интеллигенции, политиков? Армия-то у вас в России - и впрямь рабоче-крестьянская...

- У вас получается, что раз сын военного, работяги или крестьянина - значит, весь из себя воспитанный и послушный, - возразил Валька, - а любой другой - чуть ли не изменник Родины. Разве так бывает, дядя Вова?

- ТАК не бывает, - согласился Короб. - Бывает ПОЧТИ так. И получается, что очень многие рассуждают: пусть, мол, родина мне обеспечит... дальше список на двадцать страниц - а потом я подумаю, стоит её защищать, или смыться куда-нибудь на Багамы, пока двадцать семь не стукнет... Вот послушай - в 20-х, кажется, годах, была такая история в Голливуде. Какие-то шутники по радио инсценировали роман Герберта Уэллса "Война миров"... читал?

- Это где марсиане на Землю нападают?- вспомнил Валька. - Читал, ну и что?

- Инсценировали, - продолжал Короб, - а не предупредили, что это именно инсценировка, подали всё, как реально происходящие события, чуть ли не как репортаж из зоны боевых действий... Так вот: из всей тогдашней, как говорится, богемы, только ТРОЕ почти тут же явились на вербовочный пункт с требованием срочно отправить их в зону боёв с пришельцами. А остальные "звёзды" в это время паковали чемоданы, и кое-кто успел даже за границу сбежать, прежде чем радиоккомпания объяснила, в чём дело...

- У нас в школе на 55-ю годовщину Победы проводили опрос, - вспомнил Валька, - как бы мы поступили, если бы сейчас - как в сорок первом. Ведь все сказали, что пошли бы добровольцами воевать!

- Э, Валентин Аркадьевич, - с лёгкой насмешкой ответил Короб, - да потому и сказали, что сейчас не сорок первый и никто на вас не нападает - говорить можно, что угодно, под ружьё-то не поставят! А обернись настоящим делом - не дай бог!!! - Короб постучал по деревянному лакированному корпусу установленной в кабине старенькой радиостанции и сплюнул через левое плечо, - обернись настоящим делом - половину призывников с семью собаками не сыщешь, чего уж там говорить - добровольцами... Поганое это, Валентин, дело - война, - вдруг с отвращением и омерзением сказал он, - только если к тебе в дом ло-мятся с автоматами - бесполезно ведь судом пугать или о своих правах кричать, в такие минуты право только одно - у того, кто стреляет лучше... А к войне надо быть готовыми, чтобы не получилось, как у Лескова: "Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистют, так чтоб и у нас не чистили, а то храни бог войны - а они стрелять не годятся..." Читал?

- Нет...

- Вот видишь... А статью-то ты кем хочешь? Ещё не думал?

- Думал, - коротко ответил Валентин. - Военным, как отец. Так что вы меня простите, дядя Вова. Но ваши разговоры - не в кассу. Не про меня.

- Военным?- Короб посмотрел на мальчика. - Ты у нас в каком классе-то?

- В девятом... перешёл в девятый, - поправился Валентин.

- Лена знает? Ну, мать?

- Нет, я пока не говорю, - признался Валька. - Она до сих пор отца вспоминает... Дядя

Вова, вы говорили, что отец вытаскивал какого-то водителя. Так значит он... ну, не просто выскочил из машины?

- Нет... - Короб несколько минут молчал, потом включил фары. В их свете сеялся непонятно когда начавшийся дождик. - В двигатель попала граната из РПГ - это гранатомёт, жуткая штука, особенно в умелых руках, ты его ещё увидишь... Водилу - рядового-срочника - ранило в ноги и в живот... Аркадий тоже был ранен, но легко. Он бы мог выскочить и броситься в кювет, да и обязан был - на нём форма горела. А он вместо этого потащил того парня... Второй наливник тоже был подбит, перегородил дорогу, духи вели шквальный огонь... Короче, прежде чем ребята пробились на помощь, на него уже навалились сзади. Били прикладами, а потом облили бензином и подожгли, а вот водилу добить не успели, он жив остался. Твой отец умер там же, прямо на дороге.

Впереди в свете фар возник полосатый шлагбаум, перегораживавший лесную дорогу, словно так и надо. Короб затормозил, опустил стекло - и в окно из лесной темноты, где тихо шуршал дождь, всплыл силуэт человека в камуфлированной форме и капюшоне поверх ярко-зелёного берета. Поперёк груди висел воронёный "калашников" с нарядным ярко-оранжевым магазином.

- Майор Короб, - сказал офицер, протягивая какую-то бумажку. - Это со мной, поднимайте шлагбаум.

- Есть, - козырнул солдат и растворился в темноте, а через несколько секунд полосатая металлическая трубка плавно ушла вверх, и УАЗик двинулся дальше. Валька успел заметить, что по просеке в обе стороны уходили ряды колючей проволоки.

- Откуда шлагбаум в лесу? - поинтересовался он, когда машина отъехала подальше.

- Это система, мы за неё выехали, - ответил Короб. - Застава моя не очень удобно расположена - по тылам подъезда нет, нужно выезжать за систему, потом - через ворота... Не понял? - белорус добродушно рассмеялся. - Ничего, поймёшь... Минут черед двадцать приедем, по-терпи.

А Валька в самом деле чувствовал себя очень усталым. Устал-ость навалилась сразу, как тяжеленный рюкзак в турпоходе под конец дневного марша, когда хочешь только одного - сбросить рюкзак и пару минут посидеть; просто посидеть, вытянув ноги... Мальчик вздрогнул и открыл глаза, поняв, что машина стоит, и Короб вылезает из неё, а впереди в свете фар металлически поблёскивают странные ворота из толстых прутьев. А подальше между стволов деревьев горела неяркая россыпь огоньков.

Застава. Лирическое отступление или Песнь о границе

Читать необязательно, потому что в книжке всё ясно и без этого.

Только для тех, кому интересно, чем и как живёт граница.

В прошлые - советские - времена о границе и пограничниках все знали много. Про них снимали фильмы, писали книги, на них хотели быть похожими мальчишки и за них мечтали выйти замуж девчонки. Потом на экранах появились Сигал и Шварцнеггер, на страницах - Слепой и Каменская, и пограничники остались только в выпусках новостей, где про них скороговоркой сообщают: задержали... отбили... арестовали... конфисковали... остановили...

И всё. А это довольно обидно, потому что средний пограничник круче Сигала на пять Шварцнеггеров и неподкупней Каменской на десять Слепых. Так что те, кому интересна пограничная служба, могут читать дальше. Остальные - шагом марш смотреть "Захват: территория тьмы" или "Командо"...

...Граница не признаёт лесов, болот, гор и пустынь. Она есть везде, она предупреждает: стой! Дальше - Россия! Если ты враг - лучше тебе не делать ни шагу, а если друг - шагай до ближайшего КПП.

КПП - контрольно-пропускной пункт - это место, где, если у тебя в порядке документы, можно официально войти в Россию или выйти из неё. Кстати - знаменитые пограничные столбы с гербом чаще всего стоят именно на КПП, а на самой границе их не увидишь...

Сама граница - это бесконечные ряды натянутой на Т-образные столбы колючей проволоки, называемой "система". "Система" стоит не просто так: по проводам пущен слабенький ток. Убить не убьёт, даже не ударит, но, если кто-то полезет через "систему", провода замкнутся, и на специальном табло на заставе высветится номер участка - это называется "сработка", так и докладывают: "Сработал участок такой-то!" Правда, бывает (и очень часто!), что проволоку замыкает трава, или зверёк какой-нибудь - всё равно надо ехать и проверять, что на участке. А все сработки и их причины заносятся в специальный журнал.

По другой стороне "системы" идёт КСП - не путать с КПП, КСП - это контрольно-следовая полоса. Широкий, аккуратно вспаханный участок земли, на котором даже опустившаяся птичка оставит след. А за КСП - пограничная тропа, по ней ходят наряды и вдоль неё стоят особые пронумерованные ящики - "блоки". Номера блоков - это и есть номера участков. Кроме того, в блоке есть штекер, в него можно врубить специальную "трубку" и говорить с заставой. Такие же штекеры спрятаны в разных местах участка заставы - под камнями, в дуплах деревьев...

Участок заставы - это... участок заставы. Пара десятков километров "системы", за которую застава отвечает (разделены они на правый и левый фланг) и на котором есть ворота - тоже специальные. Во-первых, они считаются центром участка, а во-вторых ворота нельзя открыть просто так - только по команде с заставы. Называется "дать питание". Плюс на участке есть "передок", наша земля, которая лежит уже ЗА системой, но ещё ПЕРЕД чужой колючей проволокой. Передок тоже нужно патрулировать.

Главное пограничное подразделение - не дивизия, не полк, а отряд. Там - штаб, тяжёлая техника, миномёты, мотоманевренная группа поддержки, командир отряда, оперативный и особый отделы (разведка и контрразведка), учебный пункт, госпиталь и многое другое - целый городок довольно далеко от границы. Отряду подчиняются ПУЦ - полевой учебный центр - транспортная база, подсобное хозяйство, вертолётная площадка даже имеется, но самое главное - несколько комендатур. Комендатуры ближе к границе и народу на них меньше, чем в отряде, но у коменданта тоже есть и группа поддержки, и фельдшерский пункт. А каждой комендатуре подчиняются несколько застав.

Застава - передний край границы, самая активная её часть, и служат там самые опытные офицеры и солдаты. Во время начала Великой Отечественной Войны Гитлер отвёл своим войскам 15 минут на уничтожение всех наших застав - а многие держались по нескольку дней и даже недель! Пограничники ходили в контратаки, отбивали у врага оружие, и заставы не сдавались, пока не падал убитым или израненным их последний защитник... А совсем недавно, уже в наше время, когда на одну из застав в Таджикиста - не напали афганские душманы, пограничники много часов отбивались в полном окружении от многократно превосходившего их по численности врага. Когда же почти все погибли или были тяжело ранены, а боеприпасов не оставалось - начальник заставы сделал последнее, что может сделать русский офицер, если враг со всех сторон и нет сил его отбить - вызвал на себя огонь артиллерии...

...Застава сама по себе - что-то вроде минипосёлка, тут и казарма, и столовая, и кухня, и квартиры офицеров, где они часто живут с семьями, и склады - ПФС (продуктов и снаряжения), АТР (оружия и боеприпасов), ГСМ (горюче-смазочных материалов), и гаражи, и конюшня, и вольеры для собак, и баня, и вышка для часового... Чаще всего эти здания образуют квадрат - так в случае чего удобнее обороняться... Техники на заставе немного: УАЗ (таблетка), ГАЗ66 (шишига), "Урал" с прожектором, да пара снегоходов "барс". Оружия - тоже не ахти. Кроме автоматов Калашникова с подствольными гранатомётами ГП25 - снайперка, несколько пуле-мётов, да гранатомёты - противотанковый РПГ-7 и противопехотный АГС17 (который очень похож на пулемёт и стреляет очередями - многие и думают, что это пулемёт, но это неправильно). Ну ещё - ручные гранаты.

Народу тоже немного.

Офицеры. Командует заставой не командир - а начальник заставы, капитан или старший лейтенант, бывает - майор. У него двое "замов" - замбой и замполит, капитаны или в одном из лейтенантских званий. Замбой отвечает за умение солдат воевать и за состояние оружия на заставе, а замполит - за моральное состояние солдат.

Ещё на заставе есть двое прапорщиков или старшин-сверхсрочников. Один - старший механик, с этим всё ясно. Другой - старшина, но по должности. Бывает звание "старшина" - широкая лычка вдоль погона - а должность означает, что он отвечает за продукты, питание, хозработы... Таким образом можно быть старшиной по званию и по должности, а можно по должности - старшиной, а по званию - прапорщиком. Солдаты ещё говорят иногда "страшина"...

А остальные 40-50 человек - сержанты, ефрейторы и рядовые. (Правда, полный комплект на заставах бывает редко - чаще всего там 25-30 человек, а то и меньше!) Все они делятся на несколько отделений: инженерно-сапёрное - отвечает за "систему", КСП, технику заставы; связи - радиотелеграфисты, радиотелефонисты, линейщики (которые по столбам лазят - военные монтеры, так сказать); автомобильное - ну, из названия понятно; а ещё - 1-2 стрелковых отделения, в которые входят и два повара, и собачники... Иногда ещё бывает свой фельдшер.

День на заставе начинается в... 7 часов вечера. В 19.00. заставка строится на "развод", и дежурный офицер сообщает каждому его обязанности до 20.00 следующего дня (вечера), причём раз в неделю каждому полагается выходной, когда можно делать всё, что хочешь. Служба бывает разная - но в любое время дня и ночи на заставе бодрствуют как минимум:

- а.) дежурный офицер;
- б.) дежурный повар;
- в.) дежурный по заставе;
- г.) дежурный по связи;
- д.) часовой заставы.

Повар, дежурный по заставе и дежурный по связи заступают в 8 вечера и дежурят до 6 утра, потом их меняет дневная смена, а ночная отправляется спать (Днём на заставе обязательно кто-то спит, поэтому в спальник заходить без крайней нужды не рекомендуется). Повар обязан готовить, дежурный по заставе следит за порядком, выводит часовых, встречает наряды, а дежурный связист сидит в напичканной техникой конурке- "связилке" и отвечает за то, чтобы заставка имела связь с внешним миром. (У каждой заставы два позывных. Один постоянный, красивое, запоминающееся слово - например, "Раскат" - для связи с отрядом, комендатурой и остальными заставами. Другой - для внутренней связи, и его меняют довольно часто. Например - "Колун". И каждый пограничник согласно своему номеру в списке, становится "колуном". Не нужно орать с границы по рации: "Петров, я Иванов!" - а достаточно сказать: "Колун 22, я Колун 16" - и всё всем ясно... кроме врага, он-то позывных не знает!)

Часовой заставы стоит 4 часа - с 20.00 и так далее. Пока светло - он на вышке, откуда видно весь участок в ТПБ - специальный сорокократный прибор. Стемнело - часовой спускается и начинает бродить по заставе и вокруг неё, пугая сослуживцев и возможных нарушителей, а пропускает на территорию только тех, кто знает пароль - его, между прочим, тоже меняют каждый день.

"Службы" бывают и другие. Самая обычная - "наряд на такой-то фланг". Два человека (или три), иногда с собакой, должны пройти (или проехать) фланг и проверить, всё ли в порядке, по пути связываясь по рации. Рация, ракетница и трубка связи - это с собой имеет каждый наряд. "Часовые границы" - ночной дозор. "Секрет" - засада на определённом направлении, не на кого-то, а для профилактики. Прожекторист ездит ночью "светить" - мощный морской прожектор с "Урала" бьёт на многие километры. Тракторист ездит пахать КСП.

На заставе постоянно находится в готовности "тревожка" - тревожная группа, 4-5

человек с собакой, во главе с офицером или прапорщиком. Если "сработал участок" - дежурный связист по внутренней связи объявляет: "Тревожная группа, в ружьё!" - и УАЗ мчится на сработку. И если оказывается, что нарушитель есть - или был - звучит уже другая команда: "Застава, в ружьё!" - это уже усиленный вариант охраны, тут нет выходных, хозработ и даже больных, если только уж совсем не загибаешься. Почти вся застава - ну, кроме тех, кто обязан на ней находиться (от "а" до "д") - поднимается на ноги. Две группы - "заслоны" - выдвигаются на край передка, а "тревожка" гонит нарушителя в их руки. Если же это не нарушитель, а нападение - заслоны сдерживают врага, тревожка и резерв организуют оборону заставы - и остаётся ждать подкреплений...

Служить на заставе трудно - и интересно. Пограничники народ дружный, а служба у них важная и нужная. Служба для настоящих мужчин... Пограничников ненавидят враги России. Пытаются их и запугать, и подкупить, и угрожают их семьям, и даже пробуют заставить людей поверить, что ни границы, ни пограничники нам не нужны - ни от кого они не защищают, только деньги на них тратятся... Но бойцы в зелёных фуражках будут, пока будет Россия. А Россия будет, пока есть они.

Могут спросить - но ведь всё это рассказано о русских, а не о белорусских пограничниках? Спрошу в ответ - а в чём разница?

ГЛАВА 3.

- Тревожная группа, в ружьё!!! - железным голосом проорал кто-то над ухом Вальки, и он вскочил с кровати, не понимая, что к чему, где он находится и что творится. В результате он больно ударился ногой о железную ножку явно не своей кровати и, как Волк в одной из серий "Ну погоди!" налетел грудью и тем, что ниже живота, на ребро открытой двери, оказавшейся совсем не там, где положено.

Скорчившись от боли, мальчишка рухнул на пол. В таком положении его и застал через секунду заглянувший в комнатку Короб - он застёгивал широкий офицерский ремень.

- Ты чего на полу? - быстро спросил майор. - Бомбёжка отменяется, ложись досыпай.

- Что случилось? - Валька с трудом поднялся.

- Да ничего, - беззаботно ответил майор. - Зайчик. Или зубр. Но не те, которые на деньгах¹⁷... А в общем - вернись и расскажу.

И он оставил Вальку в полном недоумении.

В большое окно комнатки вползал серенький рассвет. Звездобразные часы показывали 04.13. - Валька застонал сквозь зубы. За стеклом свисали ветки какого-то дерева и неспешно плавали нити тумана, поодаль слышались резкие, отрывистые голоса, потом зафырчал мотор УАЗика, гулко, солидно так брехнула собака...

Валька присел на край армейской кровати, посмотрел на свою неразобранную сумку, приткнувшуюся в уголке. А, ну да, вчера он так замотался, что едва добрался до комнаты, заранее, оказывается, приготовленной - и свалился, едва раздевшись. Больше в памяти ничего не всплывало, но зато очень хотелось жрать. Проблема... Это не дома, где можно было пойти на кухню и открыть холодильник. То есть, холодильник, конечно, есть и здесь, но вот лезть в него...

Вздохнув, Валька поднялся и отправился в рейд по незнакомым комнатам.

Сперва ему показалось, что он попал в довольно-таки обычную квартиру. На маленькой кухоньке, куда он сунул нос, была газовая колонка, плита, краны над раковиной - только в углу стояли два красных баллона с газом, Валька такие видел. Холодильник тут, между прочим, тоже был - здоровенный, как шкаф, "стинол" из рекламы. Ванной не было, но был душ и туалет оказался тоже не на улице. Открыв четвёртую по счёту дверь, Валька понял, что это комната Короба - ничего, если не считать разобранной постели, не говорило о том,

что хозяин ушёл в спешке, над кроватью - такой же, как у Вальки - висели несколько книжных полок, заполненных вперемешку и в неожиданном беспорядке книгами, видео- и аудиокассетами. Из привычной обстановки выбивался сейф - настоящий, вделанный в стену и пол, с кодовым замком.

За пятой дверью была ещё одна комната. И, едва сунув в неё нос, Валька понял - здесь живёт девчонка.

Дело было даже не в аккуратности, с которой содержалась комната. Вовсе не все девчонки аккуратны и вовсе не все мальчишки устраивают из своего жилья свинарник. И не в каких-то специфических вещах, и не в косметике на столике под окном - это Валька заметил не сразу. Просто... здесь жила девчонка. Это было видно сразу.

Он отметил, что над столом нет портрета ДиКаприо - и мысленно записал дочери Короба очко. Зато тут был магнитофон - двухкассетник с колонками, поставленными на полочки под потолком, как дома у самого Вальки. И кассеты лежали стопкой - без полки, но аккуратно.

В открытое окно тянуло сырым, но неожиданно тёплым воздухом.

Валька не удержался и вошёл - посмотреть кассеты. К его удовольствию, тут оказались любимые им "Агата Кристи" и "Любэ" - это обычно девчонки не слушают. Была тут и Ванэсса Мэй, которую Валька тоже не прочь был послушать - но были и несколько совершенно незнакомых групп и исполнителей, частично - на белорусском. И оказались две кассеты с записью "Джизас Крайст - Суперстар", в русском и английском вариантах, вещь! Тоже странно, что девчонка это слушает... Валька с удовольствием порылся бы в кассетах ещё, но в конце концов это была не его комната и не его вещи. И кстати - неизвестно, как хозяйка вообще отнесётся к тому, что он сюда впёрся без разрешения... Он вдруг подумал, что не помнит, видел ли вчера вечером дочь Короба. Кажется, нет. Может, её дома не было - или просто решила, что не велика птица - гость из Воронежа, нечего и встречать...

Он вышел из комнаты в коридор, раздумывая, стоит ли всё-таки залезть в холодильник, но вместо этого почти машинально пересёк коридор и, открыв дверь, вышел на крыльцо.

Некрашенные доски под ногами оказались сырыми и холодными, воздух утреннего сада тоже пробирал холодком - Валька вздрогнул и сунул руки под мышки, но остался стоять, поражённый... тишиной.

Такой плотной, полной, абсолютной тишины мальчишка ни разу в жизни не слышал. Было так рано, что даже птицы молчали. И - никаких звуков человеческой жизни вокруг, словно мир вымер или просто не проснулся ещё. В городе звуки есть всегда. Всегда были какие-то звуки даже когда Валька ходил в походы с краеведческим кружком. А тут - только капли, падая с веток, что-то шептали - так, что Валька прислушался, словно в их шёпоте и впрямь можно было что-то расслышать. Из рта у него вырывались облачка пара от дыхания - дыхания, которое Валька против воли сдерживал, оно казалось слишком громким...

И вдруг он услышал, как совсем недалеко, за яблоньками, переплетёнными посадками малины, девичий голос очень красиво, только очень грустно запел:

- Боже! Отведи от Беларуси

Зраду, негодыньство¹⁸

и войну...

Валька от неожиданности дёрнулся и подался назад. Но певшая девчонка уже вышла из-за кустов по тропинке, почти скрытой мокрой травой, неся в правой руке затянутое марлей ведро. Она ещё что-то напевала, уже не так громко и совсем непонятно, пробираясь к крыльцу и вздрагивая - холодные капли с травы падали ей в калоши, обутые на босу ногу, подвёрнутые выше колен голубые джинсы тоже промокли, и на красной тишотке капли расплылись чёрными звёздочками.

Девчонка была красивая. Это оказалось первое определение, пришедшее в голову окаменевшему на крыльце Вальке. Ну, окаменел-то он не от её красоты, всё-таки не в кино живём, а просто потому, что сообразил: торчит он тут в одних трусах и неизвестно - то ли так и стоять, надеясь, что она пройдёт мимо и не заметит, то ли бросаться в дом, наверняка привлечь к себе внимание и, может быть, стать потом объектом насмешек...

И всё-таки она была красивая. Светло-русые волосы подстрижены чуть выше плеч и лежат пышным облаком, фигурка стройненькая, тонкая в талии и гибкая, как свежий прут, а ноги... ну, если не от ушей, то немногим хуже. И остальное... При мысли об этом Валька всё-таки дёрнулся назад, но было поздно.

Девчонка, хотя и смотрела не в его сторону, уловила движение и, быстро поставив ведро на тропинку, выпрямилась.

Она оказалась похожа на Короба. Ничем конкретно - и всем, как часто бывает у детей и родителей. Казалось бы, глупо сравнивать здорового усатого майора - и эту девчонку, но Валька сразу понял, что перед ним именно дочь Короба и смутился ещё больше, словно она заранее знала, что он без разрешения вваливался к ней в комнату.

- Привет, - улыбнувшись, сказала девчонка - с неуловимым, но приятным акцентом, которого не было у Владимира Владимировича. Она смотрела прямо в лицо Вальке, в глаза, как делают вообще-то очень немногие люди. - Проснулся?

Валька пожал плечами - довольно глупо, если хочешь завязать разговор. Но девчонка не заметила его смущения - весело продолжала:

- Тебя, наверное, вызов разбудил? Он так орёт, я тоже всегда просыпаюсь, никак не привыкну... Бывает, подою Чёрную, вернусь, лягу, только усну - а он как гаркнет! Прямо зло берёт... Ну, ты чего стоишь? Помоги ведро тащить на кухню!

- А... сейчас, - опомнился Валька, спускаясь с крыльца и наступая ногой в лужу. - Уйй... чччёрт...

Он подцепил ведро и пропустил девчонку вперёд. Скинув калоши, та через плечо бросила:

- Ноги вытри, потом вымоешь... Ты прости, что я вчера не встретила, меня дома не было... Папка опять скрипеть будет... он у меня отличный, только боится, особенно последнее время, что со мной что-нибудь случится. Я удивилась, когда он решил тебя пригласить!

Она так и назвала Короба - "папка", а не "предок", не "фазер" и не "шнурок". И это получилось у неё естественно, без смущения.

- А где ты была, если не секрет? - просто чтобы не молчать, спросил Валька, шлёпая следом за девчонкой на кухню.

- По лесу катались с Димоном - это сын начальника соседней заставы, из-за него папка и боится меня отпускать...

- Он что - такой страшный? - хмыкнул Валька. - Сюда ведро ставить?

- Ой, нет, погоди... сюда. Почему страшный? Обычный. Просто его в прошлом году крали, вот папка и боится... ну, это долгая история, познакомитесь - он сам расскажет. Если я попрошу, - добавила девчонка, доставая из шкафчика чистую марлю, а ногой выдвигая из-под стола ведро. - Он вообще не любит про это.

- А кто крал - чеченцы? - уже с настоящим интересом спросил Валька.

- Почему чеченцы? - удивилась девчонка. - Марлю поддержи вот так, за края, надо молоко процедить... Это у вас чеченцы. Его в Гродно украли и аж в Албанию вывезли, требовали, чтобы он отцу чего-то там написал...

- А он?

- Димон? Да на него где сядешь - там и слезешь, он же из Полесья, а их знаешь как называют?

- Полесские пни, - улыбнувшись, сказала Валька. - Кино "Сын за отца" смотрела?

- Смотрела... Точно, вот он такой и есть. Его уже убивать собрались, да кто-то там его освободил и помог вернуться... Вот так, спасибо.

- Пожалуйста, - ответил Валька с лёгким огорчением, причины ко торого ему самому были не вполне понятны, отметив, что этот Димон девчонке, кажется, нравится. Да и не удивительно... Его, например, никакие албанцы не крали. Да и зачем он им нужен? - Я пойду оденусь.

- Ага, давай, а я пока поестъ приготовлю. Ты остывший шашлык будешь?

- Буду, - поспешно сказал Валька, потому что в животе у него прозвучали первые такты "Москва! Звонят колокола!..." И только у самого порога, оглянувшись, он спросил наконец: - Я Вале... Валька. А тебя как зовут?

- Олеся, - из-за открытой дверцы холодильника рассеянно отозвал ась девчонка. - Переодевайся скорей, я тоже есть хочу.

ГЛАВА 4.

За те несколько десятков секунд, пока Валька умывался, чистил зубы и влезал в джинсы, ковбойку и кроссовки, Олеся успела сервировать стол не только тарелкой с покрытыми белой каймой жира кусками снятого с шампура шашлыка, но и кружками с молоком, свежими огурцами и горчицей, а сейчас резала хлеб здоровенным охотничьим ножом, при виде которого Валька обмер от восхищения.

- Садись, - указала она ножом на табурет. - Огурцы невкусные, потому что парниковые. И хлеб чёрствый... - она бросила взгляд на часы. - Слушай, если ты не совсем помираешь, подожди - я сбегаяю за свежим.

- А далеко? - поинтересовался Валька. - В деревню?

- Зачем? - пожала плечами Олеся. - В казарму, там сейчас печь заканчивают. Подождёшь?

- А с тобой можно? - вскочил Валька.

- Конечно, погнали, - слегка удивлённо ответила Олеся. - Сейчас я кроссовки обую, а то калоши соскакивают...

...Казарма - здание из красного кирпича, буквой Г - стояла, примыкая "ножкой" к ДОСам. - ДОС, как на ходу объяснила Олеся, это "дом офицерского состава", где живёт Короб и двое лейтенантов, оба неженатые. Большой асфальтированный плац затягивал лёгкий туман, из него поднимались какие-то здания - с распахнутыми настежь воротами и наоборот - запертые на замки и даже опломбированные. На флагштоке тяжело висел белорусский флаг, около решётчатой вышки, увенчанной будкой под жестяной крышей, курил солдат с автоматом поперёк груди, ракетницей в кобуре и фонарём на плече.

- Привет! - кликнула его Олеся. - Тупишь, на вышку пора уже!

- Пора, - согласился солдат, подавив зевок. - Только заступил, - пожаловался он и лишь теперь кивнул Вальке: - Привет.

Потом он раздавил окурок носком высокого ботинка и, перебросив автомат за спину, ловко полез по узкой лесенке вверх.

- Пойдём, пойдём, - поторопила Олеся. Валька возразил:

- Ты это каждый день видишь, а мне интересно.

- Посмотришь ещё, - махнула рукой Олеся. - Я с голоду умираю!

И буквально насильно втащила Вальку в раскрытые двери. Но сама тут же распахнула первую дверь слева и сунулась туда со словами:

- Привет, что нового?

Из-за её плеча Валька увидел длинную узкую комнатку с двумя окнами в одной стене. Вторая стена была сплошь занята различной аппаратурой. Что-то прерывисто посвистывало; на пульте перед рыжим, как огонь, сержантом, сидевшим в удобном, хотя и вытертом, кресле, горели два оранжевых и зелёный огонёк.

- Лось, - буркнул сержант, не сводя глаз с огоньков. - Они там чинят, скоро велели не ждать... Шла бы ты отсюда, через нас отряд с "Грильяжем" разговаривает, а у меня "Азбука" барахлит...

- Ухожу, ухожу, - кивнула Олеся и прикрыла дверь.

- Что он говорил? - тут же спросил Валька. - Какой грильяж, это вроде же конфеты такие...

- Это позывной наших соседей, 4-й заставы, как раз где Димон живёт, - пояснила Олеся и, не дожидаясь вопросов, продолжила объяснение: - У нас позывной - "Дробот". А "Азбука" - это комутатор, тот пульт, за которым Колька сидит. Вот такой же пульт накрылся на 4-й, поэтому отряд на неё для связи не прямо выходит, а по цепочке - 1-я комендатура - наша застава - 4-я застава. А у нас "Азбука" тоже не очень хорошая, может сама отключиться в разговоре - и дежурному связисту фитиль вставят... Ну пошли за хлебом наконец!

- По-моему, я иду, а вот ты всё задерживаешься, - заметил Валька. -

Куда дальше-то? Налево?

- Налево спальник, - пояснила Олеся. - Давай за мной.

Как в своей квартире, она отодвинула дверь-гармошку и первой вошла в столовую - небольшую и вполне уютную, с цветами в подвесных горшочках. "Кашпо," - вспомнил Валька, рассматривая стены, обшитые панелями ДВП, обработанными паяльником. За крайним столом спал, уткнувшись лицом в руки, здоровенный сержант.

- Ему что, в спальнике места не хватило? - поинтересовался Валька.

- Дежурный по заставе, - мельком бросила Олеся и до половины всунулась в окошко раздачи, плюхнувшись животом на гранитную плиту, вделанную в стену под этим окошком. Оттуда в самом деле тянуло запахом свежее испечённого хлеба. Олеся дрыгнула ногами и с довольным видом соскочила обратно, держа в руке дымящуюся буханку - перебросила её в другую руку, потом кинула Вальке:

- Держи!

- Горячо же! - мальчишка поспешно прихватил буханку подолом ковбойки. Сержант за столом завозился, хрюкнул, завыл и, часто моргая, уставился на подростков. Олеся махнула ему рукой:

- Давай, спи. Если диверсанты убьют - разбужу.

Не отвечая, сержант посмотрел на часы, зевнул снова, с ещё более страшным звуковым сопровождением, по частям встал и двинулся наружу, уже от двери бросив:

- Нигде от вас покоя нет, пани майорша.

- Это он тебя так называет - пани майорша? - спросил Валька, когда они вновь шагали по тропинке мимо казармы.

- Ну не тебя же, - пожалла плечами Олеся и спросила: - Ты что делать собираешься? После завтрака, в смысле?

- А... я не знаю, - слегка растерянно признался Валька. - Я думал, дядя Вова что-нибудь предложит...

- Ты на папку особо не рассчитывай, - деловито сказала Олеся.

- Пригласил тебя, встретил - и хорошо, а в остальном он человек очень занятой, особенно последнее время... Сейчас около пяти? В полсёдь-мого Димон будет ждать... Поедешь?

Вальке нравилась решительность этой девчонки. Да и с Димоном, кто бы тот ни был, познакомиться он ничего не имел против - всё-таки с парнем поинтересней будет... Но приехал-то он не к Олеся и не к Димону, а к дяде Вове - тот появится, а гость тью-тью... Чтобы протянуть время, Валька спросил:

- А на чём ехать?

- Верхов, - Олеся нахмурилась. - Эй, а ты верхом ездить умеешь?

- В городском парке ездил, - слегка растерянно ответил Валька. Девчонка вздохнула:

- Ясно, значит - не умеешь... Ничего, научишься, это легко.

- А я себе шею не сломаю? - вырвалось у Вальки. Олеся, уже поднявшись на крыльцо, серьёзно ответила ему:

- Скорее всего - нет. Так ты поедешь?

- Поеду, - решил Валька...

...- А где же "застава, подъём!?" - с интересом спросил Валька, когда они после завтрака вышли в сад. Солнце поднялось, было совсем светло и уже довольно тепло, но вокруг царила прежняя дремот-ная тишина. Разве что птицы разорялись.

Олеся возилась с ремнём, которым она перетянула великоватую камуфляжную куртку - возилась упорно, закусив нижнюю губу: ремень 38. был новенький, дырки узкие. Похоже, она не услышала, а Валька не стал повторять вопрос - смотреть на Олеся оказалось неожиданно очень приятно - как она пыхтит, отбрасывает волосы с лица и сердито моргает. Валька поймал себя на том, что глуповато улыбается, и еле успел убрать улыбку с лица - Олеся наконец справилась с ремнём и вскинула голову. Оказывается, она слышала вопрос:

- А нет никакого "застава, подъём!". Это только в старых кино... Во-первых, подъём вообще в 6.30. А во-вторых, всё равно все встают и ложатся в разное время, у каждого своя служба, так чего ребят зря беспокоить? Ну, пошли.

На этот раз они пошли другой тропинкой - вдоль старинного каменного забора. Вернее, это Вальке так показалось, что старинного, по-тому что, как только он спросил, выяснилось, что забор и часть заставы построены в 50-х годах, а остальные - ещё позже.

- Вот 6-я, где димонов отец начальником - она старая, - добавила Олеся. - Ещё при царе построена...

- Олесь, - Валька пререскочил через протянувшийся по тропинке корень, - а как же школа? Вот ты, Димон этот - где вы учитесь?

- Вообще - в интернате, в Волковыске, это город такой... А Воронеж - большой город? - чисто по-девчоночьи перескочила она с темы.

- Не маленький, - пожал Валька плечами. - Если хочешь - приезжай следующим летом. В гости. Мама будет рада, - он неожиданно смутился и добавил: - Я тебе тогда покажу город. Он правда красивый.

- В прошлом году мы с папкой ездили на Чёрное море, - вспомнила Олеся, - вот там здорово! А в этом году ему отпуск на осень обещали, наверное, поедет в Воронеж, к вам, только без меня... Ты поможешь его уговорить, чтобы он летом меня к вам отпустил?

- Попробую... - не вполне уверенно пообещал Валька. - А я не был на Чёрном море... В Карелии был, с мамой. И на Алтае, с классом... Там как - на море?

- Я же говорю - здорово! - Олеся вздохнула. - Только папка в милицию попал. За драку. Ему вообще-то драться нельзя...

- Почему? - поинтересовался Валька.

- Он у меня зарядку знаешь с чем делает? С двумя пудовыми гирями, - гордо сказала Олеся. - Вместо гантелей... Там, в гостинице, был ресторан - хороший и недорогой, мы в нём завтракали и ужинали, а обе-дали в городе или на пляже... Вот мы туда спустились как-то, а там человек пять каких-то... - Олеся покрутила в воздухе пальцами. - Татары или ещё кто-то такой. Не пьяные, а орут так - сперва просто орали, а потом начали приставать к женщине с дочкой, маленькой ещё, не понравилось, что они по-русски говорили. Начали обзывать её по-всякому, потом хватать, девочка заплакала... Я сразу сказала: "Папка, давай уйдём, не надо!" Он вроде сперва поднялся уходить, а когда они стали её трогать, а потом кто-то сказал, что она свинья русская, и матом... Папка к ним подошёл и говорит сразу: "Извинитесь перед женщиной, мерзавцы!" - глаза Олеси заблестели. - А они и его обругали. Он говорит: "Ну давайте пойдёмте выйдем, если вы мужики." Они вроде согласились, папка повернулся, а один, такой вертлявый, его ударил сзади бутылкой. Ну, хотел ударить, я крикнула, папка обернулся, и этого, с бутылкой, за стойку бросил, он больше не вылезал... Потом он остальных начал бить. Вернее, троих начал бить, а четвёртого не успел - он на фонтан запрыгнул, и папка его не достал, в воду лезть не захотел...

- На какой фонтан?! - Валька еле сдерживал смех.

- Там, в зале, фонтан есть... А оказалось, кто-то уже милицию вызвал, они быстро приехали и думали, что папка и есть хулиган. Только разобрались быстро. Папка всё смеялся потом, говорил, что за такое удовольствие два часа в милиции - не цена... А твой отец тоже

офицером был? Папка рассказывал.

- Был, - подтвердил Валька. И вспомнил фотопортрет в комнате мамы. Живого отца он не видел никогда, но сейчас ему - против всех законов природы - казалось, что он может вспомнить... - Он погиб в Афганистане.

- Папка не любит вспоминать про Афганистан, - сказала Олеся. - Только если немного выпьет, всегда песни про него поёт. И ещё повторяет из ДДТ - он очень Шевчука любит:

- Если был ты, старик, на неправой войне -

Что ответить тебе?

Я тебе не герой, не судья и не врач...

Я одно знаю точно: ты не был неправ,

Умирая в грязи чужой!...

- Олеся примолкла, а потом спросила: - Ты тоже, наверное, хочешь стать офицером?

- Офицером, - подтвердил Валька. - А ты?

- Я бы хотела стать военной лётчицей, - ошарашила его Олеся. - Нет, правда! Только папке я не говорю, а Димон хохочет... - она обиженно нахмурилась, - и говорит, что женщин в военной авиации нет.

- Нет, кажется, я фотографию видел... - вспомнил Валька. - Только это, по-моему, американки были.

- А! - Олеся махнула рукой. - У нас мало военных самолётов, в Бе ларуси. Может, в Россию поеду, теперь опять можно у вас учиться.

Димон тоже раньше хотел стать офицером.

- А теперь раздумал? - поинтересовался Валька. Этот загадочный Димон интересовал его всё больше и больше.

- Его сейчас не поймёшь... Он злой стал, как вернулся, - вздохнула

Олеся. - Говорит: закончу школу, военный ВУЗ, а служить не буду. Говорит - уеду куда-нибудь, где справедливая война, как недавно у сербов в Косово, помогать, и даже денег мне не надо... Так, ладно это всё разгооры, а конюшня - вот она. Готовься - начинаем учиться ездить верхом!

...Видно было, что Олеся коней очень любит, и они ей отвечают тем же. Сухое, чистое помещение, где по обеим сторонам от широкого прохода стояли в загонах два десятка коней, встретило девчонку по-фыркиваньем и похрапываньем. Олеся шла по проходу, поглаживая большие головы, нагибавшиеся к ней через загородки с написанными именами, а Валька остановился у дверей, делая вид, что внимательно рассматривает развешенную на специальных стойках сбрую - половину предметов мальчишка даже в кино не видел.

- Выбирай, - предложила Олеся, широким жестом обводя конюшню.

- М? - Валька переступил с ноги на ногу.

- Ну, пройдишь и выбери, - пояснила Олеся.

- Да? Сейчас, - Валька набрал побольше воздуха в грудь и двинулся проходом, стараясь держаться точно посередине. Серый лобастый конь потянулся к плечу мальчишки, и Валька поспешно отскочил, треснув-шись плечом в дверь загородки напротив.

Олеся громко и звонко расхохоталась, глядя, как Валька, покраснев до корней волос и заставив себя криво улыбаться, потирает плечо, бросая на серого свирепые взгляды.

- Не бойся, они это чувствуют!

- Ага, это не трудно... - пробормотал Валька. - Ну вот пусть этот серый и будет мой. Как его зовут-то?

- На дверце посмотри, - Олеся прислонилась к загородке. Рыжий сухоголовый конь положил морду ей на плечо, и девчонка рассеянно почесала ему надглазья, наблюдая за манипуляциями Вальки.

Серый оказался Шпиком.

- Почему такая кличка? - удивился Валька.

- Он, ещё когда жеребёнком был, всегда встречал любого, кто входит в конюшню и потом мимо загонов с таким видом, словно всё про всех знает. Так берёшь его?

- Пожалуй... Эй, а он никому не понадобится? Влетит ещё...
- Не влетит, их тут с запасом, - успокоила его Олеся.
- А что с ним делать? - задал Валька наконец самый насущный вопрос.
- Смотри, - девчонка подошла к стенке. - Вот это - сбруя. Вот удила.

Делай, как я, - она повернулась к рыжему. - Вот эта штука называется трензель, её вставляют в рот... оп!

- Мммм... - Валька попытался засунуть железку на ремнях в рот коню, но Шпик с абсолютно равнодушным видом стоял, сжав зубы. В его глазах отчётливо читалось: "Чхать я на тебя хотел, па-ацан!" - Олесь! Оне не хочет!

- Ерунда, он дурит, - откликнулась девчонка. - Зажми ему ноздри.

- Вот так? - Валька выполнил совет, и Шпик открыл рот с таким видом, словно собирался сказать: "Ох и утомил ты меня, парень!" - А дальше?

- Дальше вот эту бляшку - сюда, в центр лба, а ремни - за уши... так, да не бойся, он пугает! - она хихикнула, глядя, как Валька отдернул руку от внезапно открывшихся конских зубов.

- Ничего себе пугает! - вырвалось у Вальки. - Он же руку откусить может!

- Руку не знаю, а пальцы - запросто, - согласилась Олеся. - Но это только если разозлится, а сейчас он пугает, тебе говорю! Застегни пряжку... Вот так. Теперь можно править. Так... Вон то седло - его, и потник - тоже, тащи сюда.

- Это ТУДА входить придётся?! - уже отправившийся за указанными предметами Валька остановился. - Он же меня расплющит!

- Не станет, хотя и может, - улыбнулась Олеся. - Он весит семьсот килограммов.

- Сколько?! - выдохнул Валька. - Олесь, мне всего четырнадцать лет. И я хочу жить. Или хотя бы написать завещание.

- Можешь сказать устно, - предложила Олеся.

- Хорошо, - покорно согласился Валька. - Я завещаю тебе пятьсот рублей...

- Немного, но в пересчёте на "зайчики" пойдёт, - согласилась Олеся.

- ...долгов, - закончил Валька. - Слушай, а может, ты его мне это... оседлаешь?

- Ты собираешься всё время сидеть на заставе - или выпросишь у папки УАЗик? - вопросом ответила Олеся. - Пешком ты тут ноги сотрёшь. Тащи потник и седло!!!

От серого потника из ворсистого материала и от седла пахло лошадьми - странновато, но не неприятно. Держа сбрую перед собой, Валька мысленно попрощался с белым светом и вошёл внутрь стойла.

В первую секунду он ничего не соображал от самого настоящего страха. Но потом увидел, что конь не проявляет по отношению к нему никакой враждебности. Рядом был тёплый, мерно вздымающийся бок, и Валька, помедлив, положил на него ладонь.

Бум. Бум.Бум.В ладонь мальчика отдалось размеренное, сильное биение мощного, здорового сердца. Валька, осмелев, провёл рукой по боку и положил на широкую спину потник.

- Как следует его отряхни и разгладь, - инструктировала Олеся. - Если там окажется сор или щепочка, конь взбесится. А складки сотрут ему кожу. Учти: если что - лечить будешь сам... Так, теперь - седло... это задом наперёд, несчастный... угу. Затяни подпругу... это ремень с пряжкой, он внизу болтается.

- Затянул, - через несколько секунд усилий сообщил Валька.

- Да? А теперь дай ему коленом в брюхо и затяни ещё, - посоветовала Олеся.

- Коленом в брюхо? - распрямился Валька, глядя вверх конской спины на девчонку.

- Ну да, - серьёзно и терпеливо пояснила она. - Они хитрят, кони-то, когда чувствуют, что их седлают новичок. Надуваются, а потом подпруги болтаются, как... чёрт-те-что.

Валька скорее не дал, а пихнул коленом в брюхо Шпики. Тот оскорблённо убрал живот, мальчишка перетянул подпругу и с некоторым удивлением посмотрел на дело рук своих. Олеся ловко закончила сед-ловку рыжего и скомандовала:

- Выводим, пошли.

Не веря в то, что эта живая махина сдвинется с места, Валька по-тянул узду, толкнул дверцу... и услышал, как мягко застучали копыта за его спиной. Мальчишка опасался, что Шпику взбредёт в голову укусить его или грохнуть передними копытами по голове, но конь шёл за ним абсолютно спокойно.

Снаружи Олеся забросила поводья за бревно коновязи и внимательно осмотрела Шпика, после чего благосклонно кивнула:

- Неплохо. Ладно. О-оп! - Валька не успел и глазом моргнуть, а девчонка ловко, не коснувшись стремян, взлетела в седло и засмеялась: - Не пробуй так пока. Держи повод короче. Взялся? Рукой за луку седла... да спереди! Левую ногу в стремя, неглубоко, не всаживай... На счёт "три!" - изо всех сил толчок правой - три!

Валька поразился, но он в самом деле оказался в седле и sudo-рожно нашарил носком правой ноги второе стремя. Выяснилось, что всё это время он не дышал, и сейчас мальчишка было вздохнул с облегчением, но тут же заорал:

- Э! Куда?! Стой!!! - Шпик спокойно зашагал куда-то в одном ему ведомом направлении.

- Повод! - крикнула Олеся. Валька вцепился в повод, и Шпик тут же остановился.

- Запомни, - Олеся подгадывала поближе, рыжий под ней красиво ходил, закидывая голову, - ты правишь удилами, коленями и пятками, причём пятками ТОЛЬКО шпоришь коня, а ДЕРЖИШЬСЯ коленями, новички сплошь и рядом об этом забывают и виснут на стремянах. Если ощутил, что конь понёс - закрой ему глаза. Чем угодно, хоть ладонями. Он тут же остановится, только из седла не вылетит. Дальше. В стремяна ты ТОЛЬКО упираешься. Ездить на коне просто. Нужно, едва седло по-йдёт вверх, подниматься с ним. Остановилось - начинаешь опускаться. Тяжелее всего это на рысях, но этому тоже можно быстро научиться. А пока поедem шагом... Поехали?

- Поехали, - решил Валька, сжав повод.

ГЛАВА 5.

Ехать на коне оказалось... странно. В парке он ходил по кругу, по одному и тому же маршруту, и Валька ни разу не думал о конях, как о транспорте. Скорость, конечно, не ахти... но в то же время ни на каком транспорте Валька не испытывал такого странного ощущения. Ощущения, что его транспорт - ЖИВОЙ. Шпик шёл равномерным шагом, Валька ощущал, как перекачиваются могучие мышцы коня. Олеся придержала рыжего и оказалась колено в колено с Валькой.

Они обогнули стену и оказались на мостике через заросший травой ров. Дальше начинался лес, откуда веяло прохладой и сыростью - туда уходила еле заметная тропинка.

- Это в тыл, - указала рукой Олеся. - Можно добраться до просёлка, а там - в деревню, но нам сейчас не туда... Пригнись к гриве и держись.

И, прежде чем Валька успел сообразить, что она задумала, рыжий под Олесей рванулся с места в галоп, а Шпик прынул за ним.

"Господи - помоги!" - успел сказать мысленно Валька... но галопом скакать оказалось не так уж и трудно. "Та-татт, та-татт, та-татт," - мягко стучали копыта по земле. Пронеслись первые деревья на опушке, потемнело - со всех сторон всадников обступил лес. Валька был уверен, что с минуты на минуту - да что там, с секунды на секунду! - вылетит из седла и переломает себе всё, что только можно переломать. Изо всех сил сведя колени, он вцепился в отпущенный повод и припал к гриве коня, проклиная чёртову девчонку, даже не предупредившую его, что она собирается пустить своего рыжего чёрта в галоп. Шпик, сообразив, что всадник на его спине - нечто вроде мешка - окончательно перестал обращать на Вальку внимание и мчался, ориентируясь на хвост рыжего. По спине со свистом прошла ветка, обожгла ударом через рубашку... Мальчишка вдруг представил, как позорно он выглядит со стороны - седло поддаёт под зад, на каждом скачке коня его мотает из стороны в сторону... Так и вправду можно слететь - и не столько будет больно, сколько стыдно -

Валька скорее согласился бы вытерпеть боль, любую, даже самую сильную, чем насмешки... а уж насмешки от ЭТОЙ девчонки - тем более.

- Ладно, скотина, - процедил он сквозь сжатые зубы, - посмотрим...

Он плотнее сжал колени и, пробуя примериться к ритму конской скачки, чтобы опускаться и подниматься вместе с седлом, поёрзал в нём. Потом чуть выпрямился - не совсем, чтобы не получить веткой в лоб, но так, что смог видеть дорогу.

- В конце концов, я человек, а ты - конь, хоть и здоровый, как... конь, - обратился Валька к Шпику и, укоротив поводья, потянул их на себя.

Последующего он никак не ожидал. Шпик, ощутив покушение на свою свободу со стороны болтавшегося на спине груза, удивился примерно так же, как удивился бы человек, вздумай рюкзак за плечами им командовать. Но своё удивление и возмущение выразил чисто по-конски - закинул голову и встал на дыбы.

В кино это выглядело здорово. В жизни Валька не полетел с коня через круп только потому, что инстинктивно сжал колени (кавалеристы говорят - "взял в шенкеля", но мальчишка этого не знал и очень удивился бы, скажи ему кто-нибудь, что он проделывает такой мудрёный манёвр) и чуть отпустил повод. Вставший дыбом мир вернулся в нормальное положение, Шпик рванул было снова галопом, но Валька укоротил повод, и здоровенный серый конь послушно встал, пофыркивая и мотая головой. Он ещё долбанул копытом мокрую землю, дёрнулся вперёд, но мальчишка повёл узду на себя и негромко сказал.

- Пр. Стой.

Шпик совсем затих. Он был верным вредным, но не норовистым конём и ощутил, что с его всадником произошло то же, что со многими, кого он носил на своей спине - всадник освоился, из груза превратился в хозяина. Ладонь человека похлопала по шее знакомым жестом.

- Молодец. Умница.

Переведя дух, Валька осмотрелся. Олеси не было, и у него появилось подозрение, что всё произошедшее было проверкой - можно ли с ним иметь дело. Что-то вроде крещения. Валька не обиделся - тем более, что проверка ещё не кончилась, он готов был дать голову на отсечение. И всё-таки позвал негромко:

- Олесь!

Молчание. Так и есть, хочет, чтобы он её нашёл - и, конечно, уверена, что городской мальчишка или заблудится в лесу или, в лучшем случае - проплутает несколько часов. Хе. Ладно. Я, конечно, городской, но я не такой уж валенок, как некоторым кажется...

Он неспеша пустил Шпика медленным шагом по сумрачной полутёмной тропке. На мокрой земле было несколько цепочек конских следов, не поймёшь, какие свежие, и Валька всё внимание переключил на кусты по обочинам, сплошь покрытые росой. Задача решалась быстро и просто - в одном месте росы не было начисто, а ветки в нескольких местах поломаны. Причём росу сбили не только невысоко над землёй, но и на высоте двух с лишним метров - определённо всадник...

Валька свернул в чащу, ориентируясь по хорошо заметным следам - всё тем же согнутым и поломанным веткам и сбитой росе. Не прошло и минуты, как Шпик вынес его на прогалинку, посреди кото-рой кособоко стоял гранитный валун. Чья-то рука уже давно выбила на его поверхности - серо-зернистой - рисунок, хорошо понятный Вальке: треугольник, основание которого превращалось в стрелку, указывавшую на два дерева, образовывавшие в конце прогалины живую арку-проход, свободный от кустов подлеска. Из-под валуна выбивался ручеёк, камень с этой стороны оброс мхом, как подушкой, а ещё выше мха виднелся второй рисунок: просто треугольник.

Первый значок читался: "Лагерь там." Второй: "Вода пригодна для питья." На мокрой земле возле камня отчётливо отпечатался свежий след копыта, и Валька, решив не проверять второй значок, пустил Шпика между двух деревьев.

Тут неожиданно снова обнаружилась тропинка - она вела всё ниже и ниже, скоро слева

и справа от мальчишки, как сумрачные стены, встала земля, деревья шумели очень высоко. Стало душно, сырость буквально висела в воздухе. Валька посматривал вокруг, временами понукая Шпика - тому не нравилось место, в которое они заехали.

Лощина кончилась как-то сразу - открылась на большую солнечную поляну, окружённую дубами: невысокими, но страшно кряжистыми, толстыми, со множеством узловатых веток. Оказалось, что солнце совсем уже взошло, на траве здесь высохла роса. Рыжий, рассёдланный и без узды, бродил по опушке, а посредине поляны стоял танк.

Валька даже ойкнул негромко от изумления и захлопал глазами.

Уроженец Воронежа, он не раз бывал на площади у знаменитого Арсенала, где выставлялись советские бронетехника и артиллерия времён Великой Отечественной Войны, конечно же, лазил и на Т-34, и на ИС, и на СУ-100, но та техника - выкрашенная и снабжённая пояснительными табличками - воспринималась именно как экспонаты, хотя и очень интересные. Здесь - не то. Совсем.

Давно потерявший всю окраску, рыжий от ржавчины, неумолимо разъедающей броню, танк был неподвижен, мёртв. И казалось, что поляна и возникла тут потому, что лес отшатнулся от монстра, не пожелал расти рядом с многотонной машиной. Угловатый корпус, гранёная большущая башня, неожиданно короткий огрызок пушки - всё это было предельно чужим, и Валька сразу понял - танк немецкий. Он стоял ровно, на обтянутых ржавыми лентами гусениц катках и непонятно было, что же уничтожило этот сгусток огня и брони, превратив его в метал-лолом.

Валька тронул каблуками Шпика, и тот, бесшумно ступая по сочной траве, послушно вынес всадника на поляну. Тогда Валька увидел в корме танка, сбоку, аккуратную чёрную дыру, словно начерченную циркулем. Больше полувека назад туда вошёл броневой снаряд неизвестно как оказавшейся в чаще пушки. Валька понял это, хотя в остальном можно было только гадать - как и зачем танк попал в лес, почему его не вывезли, а бросили подбитым...

А ещё мальчик увидел спину Олеси. Она сидела, не замечая и не слыша его, возле танковой башни, сзади, скрестив ноги - листала толстый блокнот.

- Нехорошо гостей бросать в лесу, - сказал Валька. - А если бы я не знал значков? Или в следах запутался бы?

Он позволил себе рассмеяться, увидев, как девчонка взвилась с места, заозиравшись по сторонам - а потом на её лице появилось изумление. Она молча следила за Валькой, пока он, соскочив наземь, рассёдлывал Шпика и снимал с него сбрую - только когда Валька, уже хозяйски хлопнув коня ладонью по крупу, влез на танк, Олеся обрела дар речи:

- Здорово, - признала она, всё ещё недоверчиво глядя на Вальку, который устроился на башне (люк был открыт, из него пахло сырым металлом)

- Ни за что бы не подумала... Я вообще боялась, что Шпик тебя сбросил и укакал, а ты по-настоящему заблудишься...

- Мы с ним договорились... - Валька изменил голос и добавил, кинув пальцовку:

- Чисто по-братски.

Белоруска, кажется, не поняла этого прикола, но ещё раз повторила:

- Здорово.

- А что это? - Валька повёл рукой вокруг.

- Ну... место. Наше с Димоном и Лёвкой, - Олеся пожала плечами. -

Только Лёвку... ой, то есть, отца его, конечно, перевели в Минск, теперь мы вдвоём. Димон скоро должен подъехать.

Валька осмотрелся внимательней - и вдруг увидел хижину. Моргнув, присмотрелся - точно, она стояла на опушке, так здорово замаскированная живыми деревьями, составлявшими часть её стен и маскировочной сеткой, что сразу не увидишь. Крышу застилала обомшелая берёзовая кора, дверь держалась на ремённых петлях.

- Тоже ваша? - спросил Валька с интересом.

- Заметил? - улыбнулась Олеся. - Наша. Мы там... разное храним.

- Пулемёты? - пошутил Валька, но Олеся не приняла шутки.

- Пулемётов нет. Мы находили два раза оружие, но совсем в никудышнем состоянии. Оно вообще-то тоже там, но пользы от него... А так там луки.

- Луки? - переспросил Валька и удержал на языке насмешку: мол, в нашем возрасте уже несолидно в индейцев играть. Но Олеся, кажется, поняла и, соскочив с танка, загадочно сказала:

- Сейчас.

Валька остался сидеть. Из лука-самоделки он стрелял пару лет назад. Согнул просто ради интереса - и очень быстро разочаровался. Будучи начитанным парнем, он с тех пор считал, что настоящий лук может получиться только если сделать его из тиса, как у Робин Гуда и прочих английских стрелков, или из турьих рогов, как у богатырей. Но тис под Воронежем не рос, а туры не водились вообще нигде. Кроме того, Валька был уверен, что даже настоящий лук - так, забава, если в мире существуют "калашников", М16 и прочее огнестрельное оружие.

Олеся отвалила дверь хижины и скрылась внутри, но через пол-минуты, не больше, выбралась обратно, держа в одной руке большой, красиво расшитый бисером колчан, из которого торчали ярко-алые оперения десятка стрел. В правой руке у девчонки, как показалось Вальке, была удочка - удилище выше хозяйки и толстая леска. Но Олеся аккуратно поставила колчан на землю и потянула за леску. Оказалось, что это всего лишь чехол, надетый на красную тетиву с кожаной петелькой на свободном конце.

- Смотри, - коротко приказала Олеся и, уперев конец лука - уже бы ло ясно, что это лук - в землю, плавным, но быстрым движением на-дела тетиву на свободный конец - кожаная петелька скользнула в глубокий вырез, а на лбу у Олеси проступила голубоватая жилка.

В руке у девчонки оказался лук, совершенно не похожий на дворовые самоделки из веток американского клёна: высотой с саму Олеся, толстый, обмотанный каким-то ремнём в центральной части и суженный к концам. Выглядел лук солидно.

- Сколько вон до того сухого дуба? - не поворачивая головы, спро-

сила Олеся, указав рукой на серое мёртвое дерево. Валька прикинул на глаз и ответил:

- Метров полста.

- Семьдесят. Сто шагов, - поправила Олеся, - проверено. Теперь смотри.

Не глядя, она достала из колчана стрелу - длинную, ровную, с тускло блеснувшим наконечником. А дальше - дальше Валька за ней не уследил. Вот только что стояла - лук в опущенной левой руке, стрела - в правой... и вдруг послышался короткий, какой-то зловещий стук. Тетива мелко вибрировала, отчётливо гудя, как струна гитары. А стрелы в руке Олеси не было. Она торчала в том сухом дубе.

- Посмотри, - предложила девчонка. Валька соскочил с танка, почти бегом подошёл к дубу, машинально считая шаги.

Стрела вонзилась в дерево на высоте Валькиной груди. Не просто вонзилась - она ещё подрагивала, словно живая, трепетало длинное, аккуратное алое оперение. Валька заметил, что стрела не простая - в конец её, за оперением, была вставлена вроде бы пластмассовая развилка - очевидно, туда ложилась тетива. Мальчишка взялся за древко, потянул, покачал.

Казалось, стрела срослась с дубом.

- Не мучайся, - слегка насмешливо сказала Олеся, тихо подойдя и опершись на лук. - Сантиметров на пять вошла, наконечник так там и останется... Я потом выну.

- Дай, - без объяснений, даже грубовато, потребовал Валька, протягивая руку.

- Не урони, - Олеся протянула лук, и пальцы Вальки легли поверх её руки. Валька вздрогнул. - Что, тяжело?

- Я... нет... - пробормотал он и перехватился за другое место. Олеся разжала пальцы.

Валька не уронил лук только потому, что успел схватиться другой рукой, изумлённо вытаращив глаза:

- Сколько он весит?!

- Двенадцать килограммов, - с удовольствием объяснила девчонка.

Валька осторожно повернул лук, взялся за него для стрельбы. - Это можжевельник.

- Я попробую? - спросил Валька и потянул тетиву, как видел в кино - к уху.

Сперва - несколько сантиметров - тетива шла легко. Потом... потом Вальке стало казаться, что он пытается поднять растущую с каждым сантиметром тяжесть. Не выдержав, мальчишка отпустил тетиву и вскрикнул - она беспощадно и резко полоснула по руке.

- Осторожней, - Олеся вскинула ладонь. - У него сила натяжения - сорок килограммов. Вдвое больше, чем у спортивных...

В замешательстве Валька посмотрел на довольно тоненькую девчонку и качнул лук в руке, неожиданно ощутив, какая огромная, равнодушная и убийственная сила таится в этом предмете. Валька несколько раз стрелял из охотничьих ружей - в них ничего подобного не таилось. Лук, казалось, жил своей, глубоко спрятанной, жизнью, целью которой было метать стрелы - куда захочет хозяин; мальчишке вспомнился фильм "Отважное сердце" с Мэлом Гибсоном и град взлетающих стрел английской пехоты. И ещё - слова из учебника истории для 7-го класса - о том, что стрела лука пробивала насквозь рыцарские доспехи за ДВЕСТИ шагов!

- Как ты из него стреляешь? - спросил Валька, возвращая лук Олеся.

- Так получается, - пожала она плечами. - Вообще-то первый лук мы с ребятами сделали три года назад. Лёвка принёс книжку, там написано, как всё делается. Ни у кого из ребят так хорошо, как у меня, не получается, хоть они и сильнее... Стрелу видишь? Кукушечьи перья. А видишь, как близко оперение к тетиве? Это для меткости. Чем дальше оперение - тем быстрее летит стрела, чем ближе - тем метче...

- В войну играли?... - спросил Валька и осекся. И точно - Олеся поглядела на него даже немного испуганно:

- С ЭТИМ? Смеёшься... В марте знаешь, что было? Мы на зиму отсюда всё уносим, а тут пришли посмотреть, как там наша штаб-квартира. На лыжах и с луками... - она слегка смутилась, и Валька понял, что они всё-таки немножко играли с этим Димоном. - Вот... И на нас прямо тут напал шатун. Медведь. Я упала, запнулась за валежник... А Димон в него - стрелой, метров за тридцать. И наповал.

Валька верил и не верил. Для него даже само слово "шатун" было чем-то из сказки - ни в походах, ни просто в лесу он медведя ни разу не видел, а мишки в зоопарках были унылыми и нестрашными. Но зачем ей врать - это же легко проверить...

- И вам ничего не было? За медведя? - с недоверием спросил он.

- Ё, - мотнула головой девчонка. - Он напал, самозащита... И ещё оказалось, что он уже в деревню наведывался. Тёлку задрал прямо на скотном дворе... Башка у Димона над кроватью висит, а шкура - на диване...

- Покажи стрелу, - попросил Валька. Олеся нагнулась к колчану - и в этот же миг Шпик, пасшийся рядом с рыжим, вскинул голову, а из леса донёлся резкий, громкий свист.

ГЛАВА 6.

Встречая в книгах выражения типа "он перестал замечать, как летят дни", Валька всегда усмехался. Да, время может идти по-разному - зависит от того, чем ты занимаешься (и занимаешься ли вообще - или бездельничаешь). Но не замечать, как проходят дни - такого за ним прежде не водилось. И вдруг нате - он понял, что книжная фраза имеет совершенно определённый смысл.

Он просыпался рано утром - и спохватывался, когда рушился в постель уже в темноте. Именно рушился - лечь не хватало сил, как и вспомнить, чем они втроём занимались в этот день. А на следующее утро всё начиналось сначала.

Интересного хватало и на самой заставе, но майор Короб в самом деле был занят, а в одиночку шляться там, где люди делали дело или отдыхали, Вальке казалось неудобным. Для Олеси же застава была чем-то совершенно привычным, и гид из неё получался плохой, она просто не понимала интереса Вальки. Впрочем, на третий, кажется, день Валька

вспомнил, что не видел границы, как таковой и обратился с этим вопросом всё к тому же Коробу.

Майор был очень озабочен, что-то искал в своей комнате, по временам заглядывая в столовую, чтобы кинуть в рот кусочек того или дольку этого, а потом снова скрыться. Олеся с лицом великомученицы наблюдала за его метаниями, а когда в комнате неожиданно наступила тишина, шепнула Вальке, который никак не мог улучшить минутку и обратиться к майору со своей просьбой:

- Внимание...

- Вредительница!!! - послышался полный муки рёв Короба (так, подумал Валька, ревел циклоп, когда Одиссей вышиб ему глаз). - Где пыль с тумбочки?! Там же телефоны были записаны!!!

- Что я говорил? - удовлетворённо спросила Олеся и повысила голос: - Папка! Они на бумажке переписаны, а бумажка - на сейфе, посмотри!

Несколько секунд молчания, потом - вздох вроде тех, что выпускают вынырнувшие на поверхность киты. Бумажка нашлась... Валька вообще заметил, что дом держится на Олесе - без неё могучий майор в хозяйственном отношении был совершенно беспомощен. Только вот непонятно, когда она всё успевала... Через минуту Короб появился в столовой вполне спокойный, и Валька смог наконец спросить:

- Дядя Вова, а можно как-нибудь передок посмотреть - ну, там, где польская территория начинается?

Короб почесал свои вислые усы и замялся:

- Я вообще-то в отряд собирался... может...

- Папка, - вмешалась Олеся, - да пошли ты с ним Витьку, пусть покажет. Я бы сама съездила, да ведь ты не разрешишь...

- Не разрешу! - всполошился Короб. - Не вздумай! Глазом моргнуть не успеешь, как вы уже под Варшаву закатитесь, а потом скажете, что хотели костёлы¹⁹. посмотреть!

- Вот и пошли с ним Витьку, - терпеливо повторила Олеся, - а из отряда привези две пачки соли и бутылку уксуса, лучше русского.

...Лейтенант Витас Лацетис был личностью совершенно неконтролируемой. Во-первых, он откликался на "Витьку", во-вторых, носил бандану из перевязочной косынки, тёмные очки и перчатки с обрезанными пальцами, в третьих - говорил с небольшим прибалтийским акцентом. Прибалтов Валька, насмотревшись телевизора, не любил, но Витас эту нелюбовь с ходу распознал и почти рассеял её при первой же встрече словами из "Талисмана" Стивена Кинга:

- Знаешь, парень, в Долинах есть и хорошие волки. МНОЖЕСТВО хороших волков.

Валька читал "Талисман" и оценил слова Витаса, а окончательно примирился с ним, когда посмотрел, как он тренирует молодых пограничников в рукопашном бое - один против троих. Поэтому против поездки с ним Валька ничего не имел.

Витас, похоже, тоже, хотя у него и был выходной. Он вооружился автоматом и пистолетом (старлей Гразевич, бывший в этот день дежурным офицером, только хмыкнул), и сразу за "системой" навьючил автомат на Вальку, предупредив, что оружие заряжено (он, правда, не добавил, что затвор не взведён и сам автомат стоит на предохранителе). Потом Витас посоветовал:

- Послезавтра стрельбы. Просись с майором, побабахает.

- А можно?! - удивился Витька, даже повернувшись к лейтенанту.

Тот с ужасом спросил:

- Быть на заставе и не пострелять?! Да ты знаешь, что твоя Олеська ни одних стрельб не пропускает?!

- Почему "моя"? - смутился Валька.

- Ну Димонова, - легко согласился Витас.

- Почему "Димонова"?! - взвился Валька.

- Или Димонова, или твоя, - невозмутимо пояснил Витас, - третьего не дано, товарищ нацмен²⁰.

На нацмена Валька не обиделся - было не до этого. Он сосредоточенно обдумывал обозначенную Витасом проблему, причём потратил на обдумывание немалое время и опомнился только когда Витас негромко попросил:

- Дай-ка ствол, Валёк... Смотри и не дёргайся. Эффектно?

Придержав коня, он быстрым движением приготовил автомат к бою, но опустил его в вытянутой вниз руке. А Валька увидел зубров.

Два могучих, коричнево-серых животных бесшумно и неспешно проплыли за деревьями метрах в двадцати от остановившихся всадников, даже не повернув лобастых мохнатых голов, украшенных короткими, но массивными, крутыми рогами. Мальчишка не испугался, хотя зубры были громадны - чувствовалось, что до людей им нет никакого дела. Они жили в своём лесу - и в этом лесу не было существа сильнее этих медлительных на первый взгляд гигантов.

- Когда такая махина чего-то испугается и прёт на систему - уносит с собой целые секции, - задумчиво сказал Витас. - Красивая тварь.

- А ты что, боялся, что они нападут, поэтому автомат взял? - спросил Валька, поглаживая ладонью шею Шпика.

- Шутишь? - усмехнулся Витас. - Да ему наши автоматы так - всё равно что дробинка из пневматички... Напомни, я тебе потом расскажу, как на 7-й кабана завалили... Нет, просто мы приехали. Вон Польша.

- Где? - Валька заволновался, привстал в стременах.

- Вон, - указал Витас вперёд.

- Где, где?! - Валька смотрел во все глаза, и лейтенант засмеялся:

- Да они в Польше и шли, зубры-то!

И Валька вдруг понял, что это правда. В десяти метрах от него и Витаса начиналась ДРУГАЯ СТРАНА. Вот это дерево - дуб - в Белоруссии. А вон то - тоже дуб - в Польше. Так значит, вот настоящая граница - не система, а просто... Валька хотел поинтересоваться, как же пограничники узнают точно, где начинается Польша, но не успел.

Из-за деревьев - тех самых, откуда вышли зубры - появились два человека.

Они шли бесшумно, шагах в десять один от другого - в пятнистой форме, со снаряжением на ремнях, с автоматами Калашникова поперёк груди - в сущности, такие же, как пограничники с 5-й заставы, на которых Валька уже насмотрелся... и всё-таки НЕ ТАКИЕ. И пятна на форме были иными, и снаряжение - вроде бы то же, но какое-то не такое, и даже привычные "калашниковы" немного другие, длиннотвольные, и фуражки - хоть и с зелёным верхом, но небольшие, четырёхугольные... "Поляки!" - с идиотским удивлением понял Валька и обмер вдруг - недаром Витас взял у него автомат и взвёл, а что если... Но Витас, подняв руку, весело сказал:

- День добжи, ропаки!²¹

Поляки остановились. Оба оказались молодые, как и солдаты на 5-й заставе. Шедший первым только кивнул и отвернулся, шедший вторым ответил:

- День добжи, пан поручник.²² Показываете мальчику... до войска?²³

Не... подучаете до войска?

- Показываю армию, - согласился Витас. - Готовлю к армии.

Несколько секунд все четверо просто рассматривали друг друга. Потом Витас повернул коня и попрощался:

20

21

22

23

- До видзення, жолнежи!²⁴

- До видзення, - отозвался разговорчивый поляк, но Валька, тронувшийся с места чуть позже лейтенанта, услышал, как до сих пор молчавший солдат негромко сказал - словно железный прут перекусил:

- Здрадник, пся крив.

Мальчишка обернулся, но поляки уже исчезли в кустах. Нагнав лейтенанта, Валька помялся и спросил:

- Вить, а что такое "здрадник, пся крив"?

- А ты где это слышал? - осведомился Витас, вроде бы оставшись абсолютно спокойным.

- А тот, который всё молчал, так сказал, - мотнул Валька головой назад.

- Изменник, собачья кровь, - перевёл Витас и сузил глаза.

- Про кого он так? -допытывался Валька, и Витас неохотно пояснил:

- Про меня... - и, опережая вопрос,добавил: - Изменник - потому что я литовец, а служу белорусам - они всё одно, что москали. Знаешь, кто такие москали?

- Знаю, - хмуро ответил Валька.Больше он ничего не спрашивал. Витас сам начал рассказывать про то, как на 7-й заставе наряд решил застрелить кабана и выпустил по нему два магазина из автоматов калибра 5,45, но кабан начал на стрельбу и обратил пограничников в постыдное бегство, причём преследовал их до самой заставы, где и был застрелен из снайперской винтовки тамошним замбоем. Девятнадцать автоматных попаданий, насчитанных позднее, не нанесли кабану заметного ущерба... Витас рассказывал смешно, и неприятный осадок от брошенных в спину слов совсем рассеялся. Тем более, что вечером Короб сам предложил поехать на стрельбы - Валька и рта насчёт этого не успел раскрыть...

Вообще-то он надеялся, что и Олеся поедет, но она буквально в последний момент пресыщенно заявила, что ей "надоела эта пальба" и что она останется дома, чтобы "в кои-то веки спокойно послушать магнитофон". Валька огорчился, но отказаться от поездки было выше его сил.

Он думал, что поедет вместе с солдатами, набившимися в кузов ГАЗ-66, но выехал позже, вместе с Коробом на УАЗике. Майор пояснил это так:

- Пусть ребята отстреляются и разъедутся, нам просторней будет.

Честно говоря, Валька заранее побаивался большого количества офицеров на стрельбище, но то ли к их приезду и правда все разъехались, то ли их там много и не было, но только на бруствере траншеи - стрелкового рубежа - покуривали двое молодых лейтенантов с 6-й заставы и майор - отец Димона.Автоматы мирно стояли около места для осмотра оружия после стрельбы. Тут же лежали два прямоугольных зелёных ящика - цинки с патронами - и ключ для их вскрытия, похожий на консервную открывалку. Димон стоял около грибка для часового-го.

- Ну как мои отстрелялись? - поинтересовался Короб, выскакивая на землю, а Валька вылез с другой стороны и пошёл к Димону.

Этот парнишка в самом деле был странноватым. Валька это понял при первой же встрече - там, в лесу, около танка, когда худощавый, одетый в армейскую форму Димон только соскочил с коня. Почти беловолосый, с решительным подбородком, неулыбчивый и хмурый, он сперва показался Вальке ограниченным, но уже в тот же день стало ясно, что это не так. Димон просто был взрослее, чем выглядел. Обычно попытки подростка выглядеть взрослее оказываются глупыми и смешными, но Димон не ПЫТАЛСЯ выглядеть взрослее. Он БЫЛ взрослее своих пятнадцати.

- Приехал пострелять? - спросил Димон, пожав руку Вальки. - Сейчас, погоди... А где Олеска?

- Не поехала, - сожалеюще ответил Валька и поймал быстрый взгляд Димона.

- Сказала - хочет от нас отдохнуть.
- Ладно, пусть отдыхает... Пап, разреши?
Такой же худощавый и светловолосый, как сын, начальник 6-й заставы бросил окурок в окоп и флегматично спросил:
- Я тебе скажу "разрешаю", а ты возьмёшь автомат, треснешь кого-нибудь по башке прикладом и скажешь: "Мне разрешили." Так?
- Товарищ майор, - серьёзно сказал Димон, - разрешите приступить к выполнению стрелковых упражнений?
- Вот это другое дело... Не разрешаю. Поперёк батьки в пекло торопиться не надо. И вообще помолчи - про вас вспомнят, когда надо. Стрелок.
- Если молчать - никто не вспомнит, - возразил Димон, - под лежащий камень...
- ...торопиться не стоит, - невозмутимо закончил майор. Офицеры засмеялись, потом Короб сказал:
- Да ладно, пусть стреляют... Твой Вальку проконтролирует. А ты мне пока... - он понизил голос, и начальник 6-й отмахнулся от мальчишек:
- Давай, Дмитрий. Покажи гостю.
Лейтенанты тоже перестали обращать какое-либо внимание на ребят и присоединились к тихому разговору начальников. Валька даже слегка обалдел от такой бесконтрольности, а Димон спокойно направился к автоматам...
...В тот день Валька пострелял не только из автомата. Один из лейтенантов приволок с заставы снайперскую винтовку и здоровенный пулемёт Калашникова с двумя цинками лент - мальчишкам тоже досталось попробовать. Результаты Вальки по сравнению с результатами Димона были более чем скромными... и, похоже, отец Димона НЕ БЫЛ доволен успехами сына. Потом офицеры с оружием направились на заставу, а Димон и Валька остались сидеть на краю траншеи. Димон на-брал старых гильз и кидал их в бруствер. Валька стащил ковбойку, постелил её на травку, вытопанную солдатскими ботинками и улёгся, закинув руки за голову. Они не знали, о чём друг с другом говорить - Олеся была как бы катализатором в общении двух плохо знакомых ребят, в её отсутствие разговор не клеился.
Кажется, Валька задремал. И его разбудил голос Димона:
- Хочешь, я расскажу тебе, что со мной было?

ГЛАВА 7.

Димку украли весной прошлого года - в Гродно, прямо на вок-зале, когда он приехал к бабушке. Похищения людей в Белоруссии были редкостью, и большинство российских детей никогда бы не купились на фокус с просьбой сесть в машину и показать, где находится улица какая-то-там. Димка сел - и следующее, что он осознал, бы-ло то, что вокруг него тесный ящик, дышится с трудом, всё вибрирует и гудит. Мальчишка начал лупить кулаками и ногами в крышку и стенки. Никто не появился хотя бы для того, чтобы его выругать, а потом Димке стало очень плохо. Позже он понял, что его везли на самолёте...

Так тринадцатилетний сын белорусского офицера оказался на Балканах, в Албании, недалеко от озера Скадар. В местах, где как раз начиналась война...

Никто не думает, что может оказаться жертвой похищения. Это просто трудно себе представить, как трудно представить и то, что же ты всё-таки будешь делать, если это случится. Сперва Димке всё казалось просто идиотским сном или даже розыгрышем, мальчишка не желал понимать, что всё вокруг - на самом деле.

Люди, с которыми он прибыл в Албанию, так и остались для него неизвестными - а забрали его из самолёта боевики Освободительной Армии Косово, двое из которых очень хорошо говорили по-русски. Два "хаммера" с вооружёнными людьми долго ехали по горным дорогам, где было бы даже красиво, не начни до Димки доходить весь ужас ситуации - он и вправду был похищен! Но этот ужас не парализовал мальчишку, как произошло бы со многими его ровесниками. На разъезде дороги "хаммеры" остановил блок-пост - стоял

бронетранспортёр, два пулемёта в укрытиях из мешков с песком, висел чей-то флаг и ходили солдаты - в куртках с закатанными рукавами, с винтовками наперевес и чёрными перьями на касках²⁵. Это выглядело немного смешно, но Димка понял одно - эти солдаты не имеют отношения к его похитителям! Больше того, похоже, те, кто его вёз, сами зависели от солдат в пернатых касках - остановились сразу же, засуетились, как-то подтянулись, двое тут же вышли из машин...

И Димка заорал!!! Заорал истошно, причём - по-английски, припомнив школьные уроки, от которых кое-что в голове сохранилось: "Сэйв ми!" Итс киднэппинг! Хэлп!"²⁶. Конечно, бандиты были вооружены, но их же меньше, чем солдат, у тех имелся бронетранспортёр и пулемёты под надёжной защитой...

Тут его ждало ещё одно потрясение. На его вопль солдаты просто не обратили внимания. Как в страшном сне - ты кричишь, а тебя не слышат! Они проверили у албанцев какие-то бумаги и отпустили, так и не взглянув на Димку.

Албанцы, кстати, мальчишку тогда не тронули, только посмеялись над его криками, и этот смех был обиднее побоев... Не били и потом, когда привезли в горный бункер - вполне благоустроенный - и предложили ему только одно: написать отцу. Не сняться на камеру, а именно написать, чтобы тот в ближайший после получения письма выходной приехал в Гродно по адресу, который они вложат в письмо... Димка отказался. Он не знал, зачем это нужно, но хорошо понимал, что от майора-пограничника ничего законного и приятного бандиты потребовать не могут. Было очень страшно, но он сказал: "Нет!"

Его не тронули и тут - оставили в комнате, предложив подумать до утра и ничем не пригрозив. Димка сбежал тут же, вытолкнув оставленный в дверях снаружи ключ на подостланную под дверь газету.

Из бункера он выбраться сумел. Но Димка не имел представления ни о географии, ни о языке, ни об обычаях мест, где он оказался - его поймали сразу после рассвета. Не тронули опять, но конкретно потребовали ответа - будет он писать отцу, или нет? Димка, выведенный из себя неудачной попыткой побега, обозвал похитителей нехорошими словами и начисто отказался писать и вообще говорить с ними.

Вот тогда-то его начали бить. В тесной пустой комнате, куда три-надцатилетнего подростка втолкнули, содрав с него всю одежду, четверо здоровенных лбов принялись избивать его методично и безжалостно. Если мальчик терял сознание - отливали водой из шланга и опять били. Кулаками, ногами и резиновыми палками, после ударов которыми всё внутри словно обрывалось. Время от времени задавали всё тот же вопрос: будет ли он писать?

Димка не знал сам, откуда у него взялись силы, чтобы выдержать. Он кричал, стонал и плакал, но что-то делать для бандитов упорно отказывался. Тогда его привели - притащили - к подземному колодцу, какой-то брошенной шахте, поставили на колени на краю чёрного провала, откуда дул холодный сырой ветер и, приставив к затылку писто-лет, сказали, что сейчас расстреляют. Димка продолжал плакать и твердить, что ничего писать не будет. Потом щёлкнул боёк - и мальчик потерял сознание.

В пистолете не было патронов. Бандиты "пошутили", надеясь, что похищенный сломается.

Ему дали отлежаться и куда-то повезли. По дороге Димка снова бежал - на повороте при торможении выскочил из машины, благо, "хаммер" был открытый. И снова подвело незнание местности - мальчик вышел на овечью отару, пастухи схватили его и выдали погоне...

На этот раз его избили прямо на дороге и, привязав за бампер, около километра тащили по дороге - правда, на не очень большой скорости, но этого хватило, чтобы он вновь потерял сознание.

Димку привезли на плантацию. На самую настоящую плантацию, где выращивали помидоры. Тут его передали с рук на руки хозяевам плантации - албанцам-братьям Райхату и Ченте, предложив поработать и подумать над предложением...

...Плантация была обыкновенным адом. Полторы сотни подростков в возрасте от 10 до 15 лет - в основном, албанцы же, но были и сербы, и цыгане, и болгары, и македонцы - работали по 14 часов в сутки, фактически не получая никакой еды, кроме отвратительной бурды - её "подавали" в котлах без ложек или мисок, приходилось черпать варево руками и следить, чтобы не остаться вообще голодным. По ночам обкурившиеся "травкой" охранники - их было около полутора десятков - устраивали по баракам стрельбу; пули прошивали фанерные стенки, и Димка увидел, как умирают его ровесники, как раненых достреливают перед бараками в живот, оставляя потом мучиться по многу часов... Били же и по поводу - и просто так, под настроение...

Большинство малолетних рабов давно отупели от страха, голода и мучений. Но были и другие - и через неделю Димка бежал с работ, присоединившись к двум албанцам и сербскому парнишке, который и повёл их к границе с Черногорией... Их поймали на вторые сутки. Один из албанцев был убит, а сербу отрубили голову лопатой уже в лагере, на глазах у всех... Димку и второго албанца избили. Через два дня после этого Димка сбежал один - шёл по памяти. Его схватил и доставил обратно на плантацию итальянский патруль. Теперь мальчик был брошен в карцер - яму, по колено полную полужидкой грязью, где уже сидели болгарин и македонец. Бандиты не рассчитали - ночью подростки выбрались наружу, построив живую пирамиду и бежали в третий раз. Теперь бежали в Македонию - через всю Албанию. Преследователи не ожидали такого - беглецов поймали только на пятые сутки. Димку не убили только потому, что он был нужен тем, кто стоял намного выше хозяев плантации - а его товарищей по побегу повесили прямо тут же, на дереве у дороги.

Димка не плакал. Он больше не хотел плакать. Или разучился.

В следующий раз побег состоялся через несколько недель, в начале мая - Димка, один албанец и один серб прокопали ход прямо под стенку барака. Тут им не повезло на месте - их схватили сразу за бараком. Но дальше невезение сменилось везением - именно в этот момент пролетавший с гуманитарной бомбёжки очередной "воин свободного мира" - НАТОвский пилот - вывалил над плантацией оставшийся груз бомб. Под их грохот ребята ускользнули.

Их поймали через два дня.

Очевидно, Димка достал своих "хозяев" конкретно. Братья-бандиты решили кончать с ним, справедливо полагая, что этот "поганый славянин" рано или поздно сбежит - так и так неприятностей не оберёшься. Но просто расстрелять или повесить мальчишку было бы слишком легко и неинтересно. Отупевшие от анаши и способные лишь на жестокость Райхат и Чента решили живьём скормить Димку крысе - закопать его по шею в землю и пустить крысу под надетый на голову ящик.

Дальше получилось, как в хорошем кино - и как не так уж и редко бывает в жизни. Именно в момент зверской казни на плантацию нагрянул отряд "Белых Тигров" - сербской негосударственной патриотической организации, не связанной никакими уставами и соглашениями и давно подбиравшейся к бандюгам. Они скрытно перешли границу - и...

Изуверов-рабовладельцев ждал конец скорый и справедливый. Большая их часть, не успев (да и не пытаясь) оказать сопротивления, легла под огнём "тигров" - в их числе оказались Райхат и Чента. Полдесятка взятых живым, воющих и причитающих бандитов согнали к барaku и зарубили тесаками. Потом - покинули плантацию, освободив рабов. Часть из них - сербы и черногорцы - решила уходить со своими спасителями в Черногорию. Димка пошёл с ними - тем более, что в отряде оказались не только сербы и черногорцы, но и македонцы, и болгары, и поляки, и даже албанцы! И были двое русских...

...Но быстрого возвращения не получилось. В горах Паштрик отряд обложили албанские боевики и спецназовцы НАТО. Начались затяжные бои - тяжёлые, кровопролитные, жестокие схватки в горных лесах. Два месяца отряд прорывался к своим, потеряв почти две трети бойцов - и вышел в Сербию уже в конце июня, когда война

официаль-но закончилась!

Среди вышедших был и Димка - но теперь уже Димон-Рус. Ничуть на себя прежнего не похожий, оборванный, со сбитыми в кровь босыми ногами - и сжимающий обеими руками трофейный автомат. Странно,но именно за эти два месяца подросток навсегда полюбил Балканы - их гордый и честный народ бойцов и верных друзей. И возненавидел врагов этого народа. Он не хотел уезжать - но лично Желько Ражнятович позаботился о том, чтобы все уцелевшие подростки были отосланы из отряда по домам... Так Димон вернулся в Белоруссию - туда, где его уже никто не ждал...

... - Воевать - это как? - тихо и словно бы виновато спросил Валька. Димон - он сидел бледный, с капельками пота на верхней губе - так же тихо ответил:

- Если услышишь от кого, что это романтично или интересно - плюнь тому в морду. Это страшно.

- И всё-таки ты не хотел уезжать? - уточнил Валька. - И... Олеся говорит, что ты мечтаешь вернуться...

- Наболтала уже, - неодобрительно заметил Димон.

- А что, неправда?

- Правда, - подтвердил Димон. - Понимаешь... У меня там друг был.

Серёга. Уже взрослый, но настоящий друг... Он уже под конец погиб. Вот он так говорил: "Если другие воюют за правду, а ты - нет, значит, они воюют за тебя." И четверостишье читал...

И можно жизнь свою прожить иначе,

Можно ниточку оборвать...

Только вырастет новый мальчик -

За меня, гада, воевать...

- Это Башлачёв, - вспомнил Валька. - У меня мама любит его слушать.

- Олеська говорила, что твоего отца убили в Афгане? - спросил Димон. Валька кивнул. Спросил, глядя в сторону:

- Дим... ты убивал?

- Убивал, - вздохнул Димон. - И того гада, который Серёгу штыком заколол... Я его из пулемёта, из трофейного - надвое... - он вдруг передёрнулся и добавил: - Вроде забылось, а вот сейчас тебе рассказал - всплыло, как будто сегодня было...

- Он был албанец? Извини...

- Ничего... Не, албанцы слабаки против братушек²⁷ в рукопашной. Немец, инструктор.

- Ясно, - сказал Валька. Что ещё-то можно было сказать? - Слушай, но ведь есть какая-то эта... конвенция. Чтобы не достигшие пятнадцати лет не участвовали в боях. И чтобы их не трогали...

- Да плевать все хотели на эти конвенции, - пояснил Димон. - Все, и наши, и ихние... Понимаешь, на войне всё это до фонаря. Просто - до фонаря, что есть, что нет... Да ты и сам подумай, что там было делать, если вопрос стоял так: или меня убивают просто - безоружного и бесполезного - или я беру в руки оружие и, может быть, остаюсь жив. При чём тут конвенции какие-то... Тот, кто их писал, ни разу, наверное, разбомбленной колонны с беженцами не видел. А я видел. Тут нужно каменное сердце иметь, чтобы за оружие не схватиться... или заячье... - Димон ожесточённо напрягся, сказал: - Вот бы мне посмотреть на того, кто на эту колонну бомбы сбрасывал! Неужели у него дом есть, жена, дети?!

- К нам в школу по обмену приезжали американцы, - вспомнил Валька. - Может, у кого отец и был лётчик, я не знаю... Но сами они - обычные ребята. Туповатые, правда, но нормальные...

- Все они... нормальные, - сплюнул в траншею Димон. - Жаль, я не видел ни одного. Ездят по миру, как туристы, а их папочки шариковые бомбы на людей сбрасывают и фосфор валят! Это фашисты, Валь. Настоящие фашисты, про каких мне дед рассказывал.

- Весь народ не может быть виноват, - вспомнил Валька, что говорили им на занятиях по политологии. Димон скривился, будто куснул лимон:

- Да ну... Ерунда это, Валь. Библию читал?

- Немного...

- Христос неправильно говорил: не бывает на свете тех, кто "не ведает, что творит" - помнишь, он так про легионеров, которые над ним издевались, сказал? Каждый сам что-то делает. И сам отвечает. Он сам выбирает. И сам идёт по своей дороге. И если армия какой-то страны разбойничает, а простые люди этого не замечают - значит, все виноваты. И чёрт его знает, кто больше - лётчик, который трактора вместо танков бомбил, или люди, которые его встречали, как героя. Это, Валь, самая большая подлость на свете - быть сильным за счёт слабых. Собрать тысячу современных самолётов и бомбить города, колы, больницы, электростанции, пока не "победишь". Я это здорово понял.

От жестоких, взрослых слов Димона Вальке было немного не по себе. Да, пожалуй, Олеська была права - он злой. Но это была не прос-то злость, а злость, уверенная в своей правоте. Злость, против которой нечего возразить. Вальке случалось злиться - на учителей, приятелей, каких-то посторонних людей, даже на маму. Но это всё было не то. Как будто сравнить горе человека, потерявшего любимую собаку - и горе того, у кого умерли родители... Мальчик вдруг вспомнил виден-ные год назад кадры хроники - тогда он на них как-то не обратил внимания, а сейчас они всплыли из памяти: как горит дорога, горят сброшенные взрывами в кюветы прицепы и трактора. И ещё что-то горит - такое, о чём не хочется догадываться, ЧТО ЭТО. И мальчик на переднем плане - ровесник нынешнего Вальки - прижав к животу почерневшие руки, раскачивается и даже не плачет: ВОЕТ. Неужели Димон всё это видел по-правде?! И что тогда ему можно возразить?

- Я тебе это рассказал, - Димон встал, одёрнул куртку, - потому что ты, по-моему, хороший парень.

Валька смутился:

- Правильный пацан, - со мехом сказал он, тоже вставая. - У нас так говорят.

- Ты тоже говоришь? - спросил Димон, бросив последнюю гильзу.

- Говорю, хотя и не люблю.

- Тогда зачем говоришь?

ГЛАВА 8.

Вот такой разговор был пять дней назад на стрельбище 6-й зас-тавы. Именно после него ледок между мальчишками окончательно растаял, и все трое фактически не расставались с рассвета до темноты. Бывает так, что ты знаком с человеком несколько лет - а дружбы нету всё равно, так - приятельские отношения. А бывает, что достаточно не-дели - и ты чувствуешь: вот друг на всю жизнь.

Если честно, ничто не доставило бы Вальке большего удовольствия, чем мысль, что у него появился настоящий друг. Но ощущение этого портила одна мелочь. Так, ерунда.

Валька влюбился.

У него оставалось немного времени для самоанализа, да мальчишки к нему и несклонны. День был забит очень плотно. И всё-таки на такой простой вывод время нашлось.

За свои короткие сознательные годы Валька встречался с неско-лькими девчонками. И целовался с несколькими. И в кино ходил, и на дискотеки, и в кафе. И... ну, было и ещё кое-что. Не СОВСЕМ уж, но так - близко. И ему даже казалось, что он влюблён в одну из них.

Теперь он понял - чепуха на постном масле. Ни в кого он не был влюблён, потому что все те девчонки и рядом не колыхались с Олесей, с которой он не целовался, в кино, кафе и на дискотеки не ходил, да и встречаться конкретно с ней - не встречался, всегда рядом был Димон.

И это как раз было самым неприятным.

Стивен Кинг утверждает, что любовь - это вид наркотика, и влюблённый озабочен

поисками встреч так же, как наркоман - поисками кайфа... а всего остального он не замечает. И всё-таки Валька хорошо видел, что Димон неровно дышит к Олеся. Видел это так же отчётливо, как и свою собственную влюблённость - чувство, ухитрившееся в немалой степени отравить ему весьма клёвое пребывание на 5-й заставе. Не мог Валька определить другого - знает ли что-нибудь о его и Димона чувствах сама Олеся. И что знает Димон. Не приходилось сомневаться, что тот, стоит ему понять, как обстоят дела с "его девчонкой", полезет выяснять отношения. Валька знал, что в этом случае будет бит, и бит жестоко... но это его не пугало. Пугало другое - о дружбе с Димоном после этого можно будет забыть навсегда.

Валька не подозревал, что попал в вечную, как род человеческий, ловушку: два друга и девчонка. Может быть, отец или майор Короб... или даже собственная мама Вальки! - могли бы ему рассказать, как найти из неё выход, но Валька сгорел бы на месте, узнай кто-нибудь из взрослых о его проблемах. Да и что они - 30-35-летние старики! - могут понимать в жизни четырнадцатилетних?!

А пока любое случайное прикосновение к Олеся было словно удар током от оголённых проводов - у костра, в ДОСе, на тропе, когда они ехали колено в колено, во время стрельбы из лука... На лесных озерцах, где они купались в коричневой, загадочной торфяной воде, Валька вообще старался на неё не смотреть.

И поражался тому, как Димон может ничего не замечать...

...Девятый день пребывания Вальки на заставе выдался солнечным и жарким. Все трое долго и свирепо сражались в футбол с деревенскими мальчишками, и Валька показал, что такое воронежская футбольная школа. Собственно, он это показывал уже не в первый раз, и обе команды старались заполучить "русского" к себе. Его так и называли - "русский", и он не обижался: среди здешних деревенских ребят были поляки, литовцы, конечно - белорусы, но русских не было. (Что, как объяснил Короб, на западе Белоруссии не редкость.)

После ожесточённого матча и короткого купания в озере все трое поехали лесом обедать - на Димонову заставу, которая была ближе. Ехали, болтали, потом Димон вдруг взялся рассказывать анекдоты - с абсолютно серьёзным лицом и такие, каких Валька никогда не слышал. Разная смешная чушь просто лилась из обычно серьёзного Димки потоком - Олеся и Валька почти выпадали из седел от хохота...

- Ну вот... Пропал в зоопарке слон. Начальник милиции вызывает подчинённых и говорит им: "Два часа - слон у меня в кабинете, или ищите себе новую работу." Прошло полчаса - вваливается в кабинет толпа, все радостные, тащат поднос, а на подносе скорчился большой заяц. "Вот, нашли, товарищ начальник!" "Так, вы что, издеваться надо мной?! Это ж не слон!!!" "Как не слон?! Слон, товарищ начальник, слон - вы его сами спросите!" Начальник на зайца орёт: "Ты что, слон?!" А заяц ему в ответ: "Слон я, слон! Только сапогами больше не бейте!!!" - Димон переждал хохот и начал: - А вот ещё... - но тут же сам себя оборвал: - Эй, это что?

Теперь и Валька услышал неподалёку резкие мужские голоса, перебивавшие друг друга то ли в споре, то ли в ссоре. А Олеся сказала:

- Папкин голос, - и направила рыжего в ту сторону, откуда голоса неслись - на поляну, светившуюся за стеной деревьев. Мальчишки, шпоря коней пятками, поскакали следом...

...На большой поляне, как сперва показалось Вальке, разбили лагерь туристы. Стояли палатки разного размера, цвета и формы - от самодельных брезентовых "памиров" до навороченных ярких синтетичек. Человек тридцать мужиков, молодых парней и подростков, несколько молодых женщин и пятеро пограничников, в том числе майор Короб, собрались около большого кострища. У многих были лопаты, а потом Валька узнал бородатого Мишу, командира отряда поисковиков "Звезда" - и понял, что это и есть лагерь поисковиков, причём разбитый недавно.

На ребят, выехавших из леса, никто не обратил внимания - стоял жуткий галдёж, и в его центре на земле сидел даже не бледный, а какой-то синеватый парень лет 18-ти - голый

по пояс, в камуфляжных штанах и кроссовках, заляпанных грязью. Он трясся, как отбойный молоток и что-то нечленораздельно объяснял хмуро кивавшему Коробу. Что - услышать было невозможно из-за ора, поднятого поисковиками:

- Да чего там, возьмём ружья, нагоним и побеседуем по душам!
- Они тебе беседуют... из пистолетов, если не хуже!
- Верно, не наше это дело! Пусть пограницы ловят! Или менты!
- Да ну тебя! У них что - сто рук?!
- Давно пора сволочей этих проучить!
- Да не догнать их теперь уже - сказали же, час прошёл!
- Догоним, мы лес хорошо знаем!
- Они тоже, наверное...
- Вы как хотите, а я этих гадов хочу найти и руки им вырвать!
- "Копачам" поделом, нечего в могилах рыться!
- За это и надо убивать!
- Да чего ты всякую... несёшь?!
- Ты чё, сильно умный?!
- Кто - я?!
- Ну не я же!
- Что-то произошло,- обеспокоенно заметила Олеся. Димон покосился на неё:
- Да? Я как-то не заметил...

Майор Короб обернулся - лицо у него стало рассерженным. Кивнув на трясущегося, как желе, парня одному из пограничников, он быстрым шагом направился к друзьям, поспешно слезшим с коней.

- Так, вас сюда чего принесло? - сердито спросил майор, кивком ответив на приветствие Димона. - Давайте отсюда живо, юные следопыты.

- Да мы просто обедать едем на 6-ю! - возмутилась Олеся. И тут же спросила: - Папка, а что случилось?

Короб оглянулся на толпу и коротко ответил:

- Снова убийство, - но, поняв, что этим не отделается, быстро изложил последние события.

Час назад в лагерь поисковиков, как раз отдохавших после утренних работ, влетел совершенно невменяемый парень, что-то бормотавший о трупах и нападении. Мишка по рации связался с 5-й заставой и, взяв с собой несколько человек с охотничьими ружьями, отправился в указанном парнем направлении - тот, услышав предложение провести группу к месту происшествия, взвыл и впал в истерическое состояние, но и без него Мишка со своими быстро нашёл искомое - классический лагерь "чёрных следопытов", больше похожий на бойню в разгар сезона. Пять человек были перебиты абсолютно беспощадно и с потрясающей жестокостью - их, только-только продравших глаза, порубили тесаками. Никаких толковых следов обнаружить не удалось - нападавшие на лагерь люди ушли по галечной отмели вдоль реки.

К моменту прибытия пограничников уцелевший более-менее пришёл в себя и смог рассказать, что ещё в Гродно, откуда они приехали, к их старшему подваливал какой-то тип с предложением - точнее, с ультиматумом - работать на некое "третье лицо". В случае отказа - грозил репрессиями. Старший только посмеялся - все территории между чёрными следопытами давно были поделены, на чужое никто не зарился и не мешал другим делать бизнес. А слухам об убийствах на границе старший просто не поверил...

Парень остался жив только потому, что вышел из палатки раньше других по естественной надобности - и со стороны видел, как его поделщиков за несколько секунд убили трое быстро и бесшумно вынырнувших из лесной чащи людей. Никто из "чёрных следопытов" не успел даже схватиться за находившееся под рукой оружие. Всё это привело парня в такой ужас, что он бросился бежать, не разбирая дороги - и влетел прямо в лагерь "Звезды". Кажется, сейчас он больше всего мечтал оказаться в камере на заставе или в

отделении милиции.

- И чтоб духу вашего тут не было, - сердито сказал майор Короб. - Нет, стойте! Сейчас пошлю с вами двоих - проводить...

- Папка, ты чего? - удивилась Олеся. - Мы верхом, они нас только держать будут! Да ты не беспокойся, мы же быстро, галопом - туда и...

- ...и только туда! - заключил Короб. - Оттуда - ни ногой, пока я за вами не приеду!

... - Поехали, посмотрим?

Это было первое, что спросила Олеся, едва они отъехали на сотню метров от лагеря поисковиков. Мальчишки переглянулись. Потом молча повернули коней, ориентируясь по примятой траве и поломан-ным веткам - следы почти десятка ходивших туда-сюда людей были заметны даже неопытному человеку.

В общем и целом Валька был совершенно спокоен. Трупы пограничники убрали, конечно, нападавшие сейчас далеко, а посмотреть на место работы "чёрных следопытов" было интересно. И нечего дяде Во-ве так уж беспокоиться. Хотя его можно понять - снова убийства в заставских тылах. Скорее всего, кто-то просто хочет подмять под себя этот весь бизнес - для выросшего в России Вальки это казалось хотя и грязной, но с точки зрения бандитов - вполне логичной вещью...

...Лагерь могильных воров напоминал лагерь "Звезды" - только палатка была одна, хоть и большая, и поставлена прямо рядом с тремя длинными и глубокими раскопами буквой П, окружёнными валами выброшенной земли. Одна сторона палатки была целиком в бурых пятнах разной формы и размера - нетрудно было догадаться, что это такое. Но задуматься над этим никто из троих просто не успел - из раскопа ловко выпрыгнул человек. Выпрыгнул - и застыл на его краю, не сводя глаз с всадников, выехавших на полянку.

Высокий светловолосый мужчина лет тридцати был одет в мелкопятнистый камуфляж, перетянутый поясным и двумя плечевыми ремнями. Сзади на поясе висела объёмистая сумка, тоже из камуфляжной ткани, спереди - длинный нож и, хотя больше никакого оружия у незнакомца, возникшего из раскопа, не было видно, все трое почувствовали себя неуютно под его внимательным, холодным взглядом.

Первым пришёл в себя Димон. Он внушительно сказал с высоты седла:

- Это пограничный район. А вы находитесь на месте преступления.

Кто вы такой и что вам нужно?

Осталось неизвестным, что собирался ответить мужчина - и собирался ли он отвечать вообще, потому что, едва Димон кончил говорить, из кустов чуть левее ребят вынырнули двое пограничников. Один замер возле большого дуба, а второй, в котором Валька узнал Витаса, мельком посмотрев на ребят, сделал три шага вперёд и заговорил официальным тоном:

- Лейтенант Витас Лацетис, погранвойска Республики Беларусь. Я повторю вопрос мальчика: кто вы и что делаете в пограничном районе?

Светловолосый мужчина, повернувшийся к пограничниками, едва они появились из кустов, сунул руку в карман камуфляжа. Лейтенант остался неподвижным, но второй пограничник вздёрнул ствол автомата, а Витас негромко, но внушительно сказал:

- Руки.

- Простите, господин лейтенант, - у мужчины оказался резкий, звучный голос, - я лишь хочу предъявить разрешение на пребывание здесь, подписанное командующим вашими погранвойсками, а так же моё удостоверение личности... Ваше начальство на заставе должно быть предупреждено обо мне. Разрешите? - и, не дожидаясь разрешения, он достал из кармана какие-то бумаги. Витас не двинулся с места, и мужчина неожиданно командным тоном, повысив голос, добавил: - Чёрт возьми, да посмотрите бумаги, лейтенант! Подойдите и посмотрите - я имею право требовать это от вас, как старший по званию! Я - капитан БНД²⁸ Айзек фон Фелькерзам!

ГЛАВА 9.

- Тишшшш... - прошипела Олеся, когда Валька, совершенно ничего не видевший в темноте кинобудки, опрокинул какой-то ящик, буквально чудом успев его подхватить в последний момент и наощупь вод-рузить на стол... или другой ящик, не поймёшь. Все трое, предводительствуемые Олесей, пробирались куда-то вперёд, пока девчонка не скрипнула чем-то - немного посветлело, и на уровне глаз в стене образовались два квадратных окошка, предназначенные для показа кинофильмов в комнате отдыха. - Наше счастье, что в канцелярию не пошли, - еле слышно сказала Олеся, и они сгрудились у окошек. Точнее, сгрудились Валька и Димон, второе окошко по-рыцарски предоставив в полное распоряжение Олеся.

В комнате отдыха находились начальники трёх застав: майор Короб, отец Димона майор Бидара и начальник 4-й капитан Станчевский. Сидя возле стола для настольного тенниса, они внимательно слушали фон Фелькерзама...

- ...мой дед, - немец прохаживался по комнате, деликатно не заходя за спины пограничников, чтобы не заставлять их вертеться. - Это, к сожалению, правда, и я понимаю, как тяжело вам может быть разговаривать со мной. Тем более - вам, белорусам, чей народ потерял в той войне каждого третьего жителя... Это наша вина, вина немцев, и я не стану ссылаться на давность случившегося, мне известно, что у славян долгая память. Но известно так же, что они не злопамятны и, может быть, вы не станете судить внука за дела деда, тем более, что так получилось - сегодня мы в одной лодке. Не стану я и отрешиваться от моего деда. Я любил его, он много мне рассказывал о войне - и поэтому сегодня именно я выполняю это задание, а не кто-то другой...

- Так это вас Берёза видел в Бресте? - перебил фон Фелькерзама Короб.

- Берёза? - капитан секунду подумал. - А, старик, который вцепился в меня и стал звать милицию? Он?

- Он самый, - кивнул Короб. - Он принял вас за вашего же деда. Бывший партизан, у них старые счёты...

Фон Фелькерзам с сочувствием покивал, потом пояснил:

- Мы очень похожи с дедом. Я бы даже сказал - как две капли воды...

Ну так вот: в конце войны мой дед воевал уже не здесь. Его перебросили в Арденны, на запад, где он был ранен во время операции "Вахт ам Райн"²⁹ и попал в английский плен, откуда вернулся только после войны. Ему повезло больше многих - он вернулся живой и не искалеченный. Но дело не в этом периоде его службы, а именно в том времени, когда он служил в Белоруссии, у вас. По службе деду часто приходилось иметь дело с абверкомандой "Восток", которой командовал фон Кори, непримиримый охотник за партизанами и страшный человек - солдат, спортсмен и убийца. В некотором роде дед был его другом. Незадолго до переброски деда на Запад - где-то осенью 43-го - фон Кори совместно с ним проводил одну операцию. Тут, в этом районе, было спрятано такое количество оружия и боеприпасов, которого хватит на вооружение целой бригады и неделю активных боевых действий. Оружие предназначалось для наших... - фон Фелькерзам смущённо улыбнулся, - для нацистских диверсантов и боевиков "Бялоруская Национальная Самопомощи". На тот случай, если... когда придётся отступать. Но это оружие так и не было использовано. Дед уехал на Запад и попал в плен, как я уже говорил, а "Восток" зимой 44-го пропал в Полесье - по некоторым данным, абверкоманда уничтожила засада ОМСБОНа³⁰. Никто из егерей не вернулся. В том числе - и сам фон Кори. Склад можно было считать погребённым. Дед не раз повторял, что оружие лежит там надёжней, чем в швейцарском банке. Но Советский Союз распался - и вопрос о "кладе" обрёл новую остроту. Ещё раз повторяю - он очень велик и

вполне пригоден для ведения современной войны. А главное - за ним нет никакого следа. Давно не существует страны, для армии которой он выпускался, нет завода, на котором он делался - и, попади это оружие в руки любых бандитов, некого будет обвинить в сотрудничестве с ними... - фон Фелькерзам надолго замолчал, и молчание его не было театральным жестом. Немец что-то обдумывал, и мысли эти не были приятными. Наконец он заговорил снова: - К сожалению, ни в одной организации нашего профиля невозможно до конца избавиться от людей нечистых на руку... или просто по-своему понимающих цели и задачи спецслужбы. Есть такие и у нас. Зимой прошлого года нам стало известно, что один из высокопоставленных чиновников БНД поддерживает контакты с боевиками УЧК - у вас их называют боевиками ОАК, Освободительной Армии Косово.

Через этого чиновника УЧК получала деньги, инструкторов и оружие. А потом, к нашему величайшему удивлению, речь зашла о складе моего деда. Более того, мне стало известно, что кое-кто информирован о нём куда лучше, чем у нас принято считать. Недаром прошлой весной был похищен именно ваш сын, господин Бидара.

- Так Димку похитили потому... - майор отъехал вместе со стулом на метр от стола.

- Потому что оружие находится где-то в тылах вашего участка, - закончил фон Фелькерзам. - Предполагалось заставить мальчика на-писать вам, а на личной встрече убедить вас, шантажируя сыном, закрыть глаза на некие "археологические работы", ведущиеся на вашем участке. Но ваш сын оказался настоящим героем, а налёт людей Оркана помог ему вновь обрести свободу...

Валька подтолкнул Димку локтем, но тот даже не пошевелился - не отрываясь, он смотрел в комнату расширенными глазами.

- Эта часть операции сорвалась, а вскоре человек, развернувший её, был арестован и снят с должности. Сейчас он безопасен, но мы так и не смогли выяснить всех его связей. Между тем они, кажется, очень обширны - во всяком случае, от затеи с добычей оружия наш противник не отказался. Теперь он решил опереться на местные шайки кладбищенских гиен - у вас их называют "чёрными следопытами" - и, пользуясь их опытом и знанием местности, найти склад. Несогласных работать на него этот противник просто убивает. Каюсь - после ареста руководителя этой операции мы слегка успокоились, думая, что она заглохнет сама собой. Но вышло иначе. Тогда моё руководство, согласовав свои действия с вашими спецслужбами, решило послать сюда меня. Моя цель - найти этот склад и вывезти его на территорию России, где он будет утилизирован на одном из заводов. Таким образом, оружие больше не будет представлять опасности, ... а я в некоторой мере искуплю вину деда, десятки лет назад поместившего в вашу землю смерть... Команда утилизации вылетит по первому моему сигналу с аэродрома в Польше. Ваши ПВО предупреждены. Теперь я сказал всё, господа офицеры.

- Человек, который руководит операцией с ТОЙ стороны, - сказал майор Короб, - вы его знаете?

- Да, - кивнул фон Фелькерзам. - Он серб по национальности, давно объявленный в общеевропейский розыск.

- Серб работает на албанцев? - спросил капитан Станчевский.

- У вас говорят - в семье не без урода, - пожал плечами фон Фелькерзам. - Я не друг сербам, но хорошо понимаю, что появление каждой новой партии оружия на Балканах только подталкивает события в сторону дальнейшего разжигания конфликта...

- Который вы гасили бомбами, - задумчиво добавил Короб. - Всё равно что пожар гасить бензином... Ну да ладно, сейчас не об этом. Кстати, вам не кажется, что ваши действия пахнут... ну, авантюрой, что ли? Одни, в чужом лесу, никому не сказавшись...

- У меня большой опыт, господин майор, - пожал плечами немец. - Я часто действовал именно так - и всякий раз это давало хорошие результаты...

- Ну что же, это ваше дело. - покривился Короб. - Нам приказано оказывать помощь и поддержку...

Валька почувствовал, как Олеся потянула его за рукав, и бесшумно отодвинулся от

окошка. Увлекаемые девчонкой, ребята прокрались к выходу и выскользнули наружу, где ярко светило солнце, и по голубому небу над заставой проплывало облако, похожее на МиГ-29.

- Слышали? - слегка даже выпучив от возбуждения глаза, спросила Олеся, словно можно было сидеть там и не слышать.

- Слышали, - кивнул Валька, а Димон сказал:

- Чушня это, - голос его был мрачным. - Не может серб...

- Ой, Дим, ладно тебе! - сморщила нос Олеся. - Ну можно прямо подумать, что они там все святые!

- Не святые, но я не верю, - упрямо повторил Димон. Олеся отмахнулась от него и мечтательно сказала:

- Вот бы найти этот склад! Это не ржавые обломки...

- Можно подумать, ты бы его себе оставила, - хмыкнул Валька.

- Не весь, - быстро ответила Олеся. - Три "шмайсера". И патроны к ним. А что, никто же точно не знает, сколько там всего - значит, никто ничего и не заметит!

- Агрессивная вы девица, пани майорша, - подколот её Валька. - За-чем тебе "шмайсеры"?

- Чтоб были, - мгновенно отреагировала Олеся. - И не говорите, что это, мол, неженское дело - с оружием возиться. Это мужики придумали, чтобы конкуренции со стороны женщин избежать. Лучшие снайперы, например, женщины.

- Белая колготка³¹, - иронично заметил Валька.

- Не колготка - колготня, - добавил Димон.

- Ах так?! - фыркнула Олеся и быстрым решительным шагом удалилась в обход заставы, даже не оглянувшись на мальчишек, которые, посмеиваясь, зашагали следом.

- Что ты об этом думаешь? Только без твоих закидонов, - предупредил Валька. Димон вздохнул:

- Найти такой склад было бы здорово. Только немцу этому я не верю всё равно.

- Это ты зря, - помотал головой Валька. - Хороший мужик. И нужное дело делает. Я, конечно, понимаю тебя, но нельзя всё время и всех мерить военными мерками - здесь войны нет.

- А убивать - убивают, - напомнил Димон. Они свернули на тропинку, ведущую мимо спортплощадки, где старшина Кунцевич занимался с пятью молодыми солдатами, прибывшими на заставу позавчера. Мальчишки услышали, как он распекает выстроившихся перед ним рядовых:

- Захожу в казарму - никого нет! Спрашиваю: "Где все?!" Молчат!...

Короче, сейчас мы бежим три километра по кругу - и углы не срезать! Бегом шагом марш!!!

- Может, возьмёмся? - гнул Валька своё в то время, как Димон, достав из чехла на поясе нож, начал стругать подобранную палочку.

- Искать? - быстро спросил Димон, чиркнул по пальцу, отбросил палочку и прижал порез к куртке. - А как, ты подумал? Мы же не знаем ничего.

- Как не знаем? - удивился Валька. - На участке вашей заставы...

- Он здоровый, как не знаю что, - усмехнулся Димон. - Где-то пятнадцать километров на девятнадцать, и всё это - лес и болота. Если уж "чёрные следопыты" до сих пор ничего не нашли...

Но Валька видел, что у Димона загорелись глаза. И усилил нажим:

- Ты подумай! Во-первых, Олеська права - кое-что можно по-тихому оставить себе. Во-вторых - этот немец прав: оружие не достанется разным там козлам на Балканах или ещё где...

Для обычного мальчишки было бы достаточно первого довода. Но Димона сломил

именно второй. Он стиснул зубы на секунду и решительно кивнул:

- Согласен. Пошли искать Олеську.

- Подслушивали? - раздался за их спинами насмешливый голос.

Мальчишки повернулись. На тропинке стояла Олеся. И рядом с ней - фон Фелькерзам.

ГЛАВА 10.

- Мальчишки, я ничего не говорила! - жалобно возопила Олеся. Немец успокаивающе помахал рукой:

- Фаш фроляйн зовсем не есть при чём, - неожиданно с диким акцентом сказал он. - Ми не есть пытал её, - и рассмеялся так весело, что Валька улыбнулся тоже. - Так, кажется, говорят немцы у вас в кино?... Но я в самом деле догадался. Вы все в паутине. И так громко обсуждаете дела, о которых велась речь на заставе... Вам разве не говорили, что подслушивать нехорошо?

Но строгим голос немца не был, и Валька снова подумал, что он вполне приятный человек. А фон Фелькерзам между тем шагнул вперёд и подал руку мальчишкам:

- Айзек. Можете называть меня просто Айзек.

Валька пожал крепкую ладонь немца и назвал его. Но Димон убрал ладони за спину нарочито медлительным движением и процедил:

- Димон...

- Я догадался, - кивнул фон Фелькерзам, - и я не в обиде. Надеюсь, и ты поймёшь, что на меня незачем обижаться. Как я понимаю причины твоей неприязни... Знаете, я родился в Зиммеринге. Это маленький городок в Шварцвальде, на юге Германии - тогда она была ФРГ. Когда я был чуть помладше вас, мы с приятелями тоже искали оружие. И нашли... - он чуть сдвинул брови. - Мы остались живы чудом. Это был склад "Вервольфа"³², и они хорошо позаботились в своё время, чтобы никто чужой не сунул в него свой нос. Ещё немного - и мы бы угодили точно под взрыв. Нас откапывали двое суток - обвалился весь коридор подземного хранилища, наше счастье, что мы успели войти в одно из складских помещений - очевидно, время нарушило механизм, он сработал не сразу... Вот такие истории бывают в благополучной Европе... или ещё вы называете её "зажравшейся"?

- Называем! - с вызовом сказал Димон. - Если вы такой хороший - почему вы...

- Дима, - жёстко перебил немец, - я не хороший. И не плохой. Мне дали задание - и я его выполняю. И так уж получилось, что вы мне можете помочь.

Фон Фелькерзам всё-таки сумел ошарашить всех троих. Только что читал им мораль о вреде поисков оружия - и вдруг... Или он имеет в виду что-то другое? Даже Димон промолчал, ожидая, что же скажет немец.

Фон Фелькерзам жестом предложил Олесе, Димону и Вальке пройти на скамейку около курилки, где никого не было. Дождавшись, пока они рассядутся, не спуская с него глаз, немец оперся руками на ограждение курилки, пошатал его, словно примериваясь сорвать и заговорил:

- Честно сказать, я боюсь, что мой соперник меня опередит. Он ищет уже давно, "чёрные следопыты" хорошо знают местность... Кроме того, он серб.

- Ну и что? - зло спросил Димон.

- Ничего... В Белоруссии многие люди сочувствуют сербам. Я думаю, он будет бить именно на это, чтобы организовать вывоз оружия. представит дело наоборот - будто он и есть человек, которому поручено уничтожить склад. Возможно даже - покажет рекомендации от правительства Югославии... Теперь всё решает время - а у него огромная фора. Я очень боюсь опоздать, ребята, очень...

- Потому что вам влетит? - усмехнулся Димон. Немец покачал головой:

- Потому что я видел то, что видел ты, - спокойно и грустно сказал он. - И я все силы

положу на то, чтобы если не прекратить, то хотя бы уменьшить масштабы кровопролития... Чтобы выполнить задание - я не пожалею ничего. Даже своей жизни.

Он сказал это так просто и искренне, что Валька вдруг ощутил какое-то пощипывание в носу и потупился, заметив, что Олеся часто моргает, глядя в сторону. Димон покусывал щёку изнутри, потом спросил хмуро:

- Вы ТАМ были? Да?

- Да, - сразу ответил фон Фелькерзам. - На ТОЙ стороне. На враждебной тебе стороне, парень. И я стрелял в тех, кто стал твоими друзьями. А ты, наверное - в моих друзей. Поверь, у отрицательных героев тоже есть друзья. Настоящие. И больно, когда их убивают...

Вальке на секунду показалось, что Димон сейчас расскажет про убитого им немца-инструктора. Но Димон молчал, и фон Фелькерзам сам продолжал говорить:

- Но иногда случается так, что вчерашние враги становятся друзьями.

Или, по крайней мере, союзниками. Я предлагаю вам союз. В течение двух или трёх дней пограничники выдворят с этой территории всех кладбищенских гиен, и поиски под охраной военных начнёт отряд "Звезда". Но я опасаясь, что нас всё-таки опередят, поэтому хочу просить вас присоединиться к поискам. По себе знаю это - подростки любопытны и нетривиально мыслят. Может быть, вам повезёт. Только об одном прошу - если вам удастся что-то обнаружить, то не хватайтесь за эту находку обеими руками. Их может оторвать... Достаточно сообщить мне или вашим родителям. Если вы мне не пообещаете этого твёрдо - я сам с ними поговорю и здорово ограничу вашу свободу.

- Неплохое сотрудничество!!! - возмутилась Олеся.

Фон Фелькерзам невозмутимо ответил:

- У нас, немцев, есть пословица, которая на ваш язык переводится так: "Или ты будешь мне хорошим другом, или я снесу тебе голову." И так?...

... - Он просто связал нас по рукам и ногам, - горько сказала Олеся, когда они, сидя на броне танка, закусывали бутербродами - про обед так и позабыли. - Все взрослые одинаковы, даже разведчики.

- Да-а, - протянул Валька, - это точно. Теперь мы и шагу без его контроля ступить не сможем. А я-то обрадовался - хочет дать нам задание! Дал - чтоб под ногами не путались... Мне даже искать расхотелось; найдём - а он тут как тут: "Спасибо, ребята, а погружу это я сам."

- Нет, искать будем, - неожиданно заявил Димон. - Давайте так: вечером соберёмся здесь. Я привезу карту участка заставы. И... будем думать.

- О чём? - не понял Валька.

- О деле, - отрезал Димон, но потом объяснил: - Где ты собираешься искать? Нужно хотя бы приблизительно прикинуть, куда могли запрятать такой склад.

- А пока давайте постреляем, - предложила Олеся...

...Майор Короб, сидя дома, с кислым видом перебирал какие-то бумаги. Ими был завален весь кухонный стол.

- Это что, папка? - сунулась к нему Олеся, в то время, как Валька нырнул (уже без сомнений, терзавших его в первый день) в холодильник.

- Повестка на службу, - ответил майор, пихнув дочь пальцем в нос.

- Так ты ж вроде в армии? - спросила она.

- А я о чём? - вздохнул Короб, откладывая бумаги. - И здесь достали!

Ставя на стол - сбоку от бумаг - тарелку с колбасой, Валька краем глаза заглянул в них. Это были какие-то ведомости на горячее. Большого Валька понять не успел, потому что Короб сгрёб листки в охапку и вздохнул:

- Ладно, вы лопаите, а я к себе пойду. Поем потом, - добавил он, предупреждая вопрос Олеси.

Обычно Валька лопал и без советов майора, но в этот раз он рассеянно жевал колбасу с таким видом, словно это был картон. Олеся не выдержала и толкнула его под столом ногой:

- Ты чего такой задумчивый? - исковеркала она слово.

- Не верю, что склад не смогли найти за последние полвека, - ответил Валька, шлёпнув на кружок колбасы горчицу и размазывая её пальцем, который затем задумчиво облизал.

- Каждый год находят новые, - напомнила девчонка. Она жевала, в отличие от Вальки, с аппетитом. - Тут столько всего напрятано...

- Склад-то громадный, если правда то, что говорят, - Валька положил колбасу обратно на тарелку. - Неужели никто на него не наткнулся? Даже случайно по теории вероятности были просто обязаны наткнуться!

- То теория вероятностей, а то - жизнь, - мудро заметила Олеся. -

Ничего, вот Димон карту притащит - прикинем, где он мог быть.

- Да ну её, эту карту, - покривился Валька. - Олесь, неужели ты думаешь, что мы первые, кто по ней "прикидывал"? Ты не забывай, КТО этот склад ищет и какие у них у всех возможности! А до сих пор не нашли... Тут что-то... - Валька посмотрел в окно. - Как в "Бронзовой птице".

- Что? - не поняла Олеся. Валька усмехнулся:

- Ты кино такое смотрела? "Бронзовая птица"? Там тоже пацаны - ну, в старые времена, ещё до Великой Отечественной - по карте клад искали, пока не оказалось, что карта - туфта, а всё дело в рисунке с краю карты, в гербе каком-то - он зашифрованный был... Я на сто процентов уверен - клык даю! - Валька прищёлкнул ногтем по белому зубу, Олеся хихикнула, - что "чёрные следопыты" за последние недели весь участок перекопали и обследовали от и до. Нашли что? Нет. И "Звезда" не найдёт.

- Ну а что ты предлагаешь-то? - уже сердито спросила Олеся.

- Подумать, - невозмутимо сказал Валька. - Сегодня вечером. Втроём - подумать.

ГЛАВА 11.

Солнце давно село за верхушки деревьев, но полной темноты так и не получилось. Около костра, разожжённого возле старого танка, бы-ло темнее, чем в десятке шагов от него, где ночь казалась прозрачно-серебристой. Чёрные тени леса, словно вырезанные из тяжёлого непроглядного картона, лежали на траве. Вот там, в лесу, жила и плавно двигалась настоящая темнота - вечная, глухая и вкрадчивая, как едва различимый шёпот... Валька старался туда не глядеть - становилось не по себе, и он снова подумал, что Димон и в самом деле смельчак; он будет добираться до заставы по ночному лесу в одиночку, а они с Оле-ськой поедут вдвоём...

Похоже, Димона это несколько не волновало. Устроившись возле танковой гусеницы с гитарой, он подыгрывал себе и негромко, печально напевал - Валька никогда раньше не слышал такой песни...

Берегу я, как могу я,
И храню, и почитаю,
как родителей,
Птицу Жалость, птицу Верность,
птицу горестную Совесть,
Птицу Честь!
От обиды улетают, от обмана умирают
Эти преданные ангелы-хранители,
Но лишь они на слабых крыльях
Могут жизнь мою пронести...

Олеся сжалась по другую сторону костра - обняла руками колени, поставила на них подбородок и казалась такой маленькой, беззащитной, что Вальке вдруг остро захотелось просто встать, подойти, сесть рядом с ней и обнять за плечи. Не затем, чтобы поцеловать, а... просто чтобы она улыбнулась и посмотрела на него. И ещё ему вдруг стало так тоскливо, что

заболело в груди. Сердце, что ли? Может, от темноты вокруг костра, может, от того, как сидела Олеся, может, от печальной Димоновой песни... Но странно - Вальке не хотелось, чтобы Димон пел что-то другое или замолчал. А хотелось ему, чтобы так было если не всегда, то долго-долго - костёр, ночь, пламя в почерневших глазах Олеси, бронзовые тени на скулах Димона, склонившего голову к гитаре - и его приглушённый голос...

- Спой ещё, - попросил он, когда Димон замолчал, а Олеся, зашевелившись, потянулась.

- Спою, - пообещал Димон, не ломаясь. - Только давайте сначала поговорим. Что ты там надумал, Валь?

Валька коротко изложил всё, что уже рассказывал Олесе. Димон расстелил у костра карту, несколько секунд изучал её, потом решительно сказал:

- Чёрт, я и не думал, что так может быть - но ты прав. Большой склад ДОЛЖНЫ были найти.

- Не нашли - значит, его нет? - спросила Олеся. Валька замотал головой:

- Не нашли - значит, он спрятан по-хитрому. Как-то по-вывихнутому. И, чтобы его найти, нужно...

- Вывихнуть себе мозги, как они у тех немцев были вывихнуты, - dokonчила Олеся. - А как вывихивают мозги?

Оба они уставились на Димона, и тот засмеялся:

- Ясно! Думаете, что у меня они уже вывихнуты?

- Дим, - жалобно сказала Олеся, - ну ты же почти ветеран... Ну подумай, а?

- Склады часто устраивали в старых бункерах и пещерах, - неуверенно сказал Димон. - Я видел даже два немецких истребителя - с войны стояли...

- Не годится, - отверг Валька. - Пещер тут нет, а бункер такого размера и с таким количеством железа нашли бы миноискателем...

- Хорошо, - сердито сказал Димон, - а что бы ты стал делать, будь немецким спецназовцем?

- Я? - озадаченно спросил Валька и уставился в огонь. - Ну...

В голове было пусто. Ничего, кроме тривиального: "Закопал в землю," - туда не приходило.

- Вот то-то же... - буркнул Димон. Над поляной воцарилось угнетённое молчание.

Валька средито морщил лоб. Получалось обидно - они, находившиеся у себя дома, не могли догадаться, где заныкал тысячи единиц оружия какой-то фриц. За сотни километров от своего дома, кстати. От своего дома... Дома... ДОМА.

- Димон, Олеска, - услышал Валька свой голос - неверящий и запинаящийся, - есть. Я ЗНАЮ, где оружие.

Две головы разом повернулись к нему. С нарочитой медлительностью, напустив на себя равнодушный вид привычного к открытиям опытного поисковика, Валька пододвинул к друзьям карту и ткнул в неё:

- Димон, покажи мне место, которое "чёрные следопыты" обшарить не могли. Которое **ВООБЩЕ НИКТО** обшарить не мог.

Димон склонился над картой. Олеся любопытно заглянула ему через плечо - и еле успела отшатнуться, когда Димон, вскинув голову, едва не врезал ей по зубам. В его глазах светилось недоверие и восхищение.

- Точно, - выдохнул Димон. - Отцова застава.

- Что-что-что?! - протараторила Олеся. Валька ткнул в карту пальцем:

- Смотри! Ты же мне сама говорила - 6-я застава СТАРАЯ! Дим, что там было у вас во время войны?

- Ничего, - замотал головой Димон. - Её как разрушили в начале, так и восстановили только в сорок пятом, почти в конце войны. Один фундамент торчал.

- Во! - Валька вскинул палец, и его друзья заворожённо поглядели на этот палец, как на основное доказательство правоты Вальки. - Лучше места и не найти! И искать не надо! И в голову никому не придёт! И помещение наверняка уже было!... В общем так, Димон, тебе

задание - прямо сегодня провести обследование помещений. На предмет какого-нибудь хода. А завтра возьмёмся вместе! И пусть "Звезда", фон Фелькерзам и весь погранотряд отлавливают "чёрных следопытов", а потом ищут в лесу до посинения - склад найдём МЫ!

- Валька! - взвизгнула Олеся и, подскочив к мальчишек, опрокинула его в траву, чмокнула в нос, а потом так же быстро отскочила. Валька поднялся, посмеиваясь и смущённо глядя на Димона, но тот всё ещё рассматривал карту и качал головой. Потом он пружинисто встал:

- Песни на сегодня придётся отложить! Я поехал!

Фактически не попрощавшись, он нырнул в темноту, а через несколько секунд глухой конский топот уже растял в ночной тиши.

- Поехали, наверное, тоже, - встала Олеся.

- Иди, седлай коней, - попросил Валька, - а я пока костёр затушу.

- Не обожгись, - она понимающе хихикнула и скрылась за танком...

...Кони тихо ступали бок о бок по лесной звериной тропке. Валька задумался - и вздрогнул даже, когда услышал голос Олеси:

- А ведь те, кто "чёрных следопытов" убивал - они ведь тоже где-то здесь. В лесу.

- Боишься, что ли? - спросил Валька. - А, до нас им и дела нет. Да и вообще - скоро их всех выловят.

- Может, надо было Димку проводить? - задумчиво пробормотала Олеся. Валька успокоил:

- Да он уже дома наверняка. Ищет. Или уже нашёл.

- Если нашёл - звякнет связисту, - сказала Олеся. - Только вряд ли он так вот с ходу разыщет... Валь, ты через две недели уезжаешь?

Валька ответил не сразу. До него только после слов Олеси дошло, что и вправду половину своего времени на заставе он уже пробыл. Это оказалось неожиданно грустно - и не только потому, что придётся разъехаться с Олесей и Димоном.

Валька успел полюбить леса Белоруссии.

- Две недели - это ещё до фига времени, - наконец ответил он. - И потом вообще - я буду ждать, когда вы в Воронеж приедете ко мне, мама не будет против.

В ответ Олеся ничего не сказала, только развернула коня в сторону.

- Куда ты? - спросил Валька, поворачивая за ней.

- Хочу тебе показать место, где люблю бывать. Одна, - откликнулась Олеся. - Это близко.

Минут пять они ехали лесом молча, пока впереди не послышался ровный шум - шумела вода. Олеся соскользнула с седла и, бросив повод, показала вперёд:

- Смотри.

Темнота леса кажется полной лишь со стороны. Валька увидел чёрный силуэт - и через секунду понял, что это - дуб. Невысокий, как и все здешние дубы, но жутко кряжистый, распростёрший свои ветви - каждая сама с хорошее дерево толщиной - вширь, словно шатёр. Правее текла речушка - именно там шумела вода.

- Ему несколько тысяч лет, - тихо сказала Олеся. - Сойди ты с коня!

Валька послушно спешился. Он и в самом деле готов был поверить, что стоящему перед ним дереву не одна тысяча лет.

- Хочешь посмотреть в Ведьмин Котёл? - шепнула Олеся. - Лезь за мной...

Она быстро разулась и, подпрыгнув, уцепилась за нижнюю ветку дуба, которая даже не пошевелилась. Подтянувшись, легла на ветку и вытянула вниз руку:

- Цепляйся...

Валька, ничего не ответив, тоже стащил кроссовки и носки, чтобы было удобнее карабкаться - и оказался на ветке так же быстро и ловко, как и девчонка. Она чему-то засмеялась и ловко полезла вверх с ветки на ветку - молча. Так же молча, словно во сне, Валька следовал за ней.

Чёрная ночная листва скрыла всё вокруг. Мерно и глухо шумела вода. Мальчишка

карабкался наощупь - выше и выше, не испытывая страха: он не видел земли и даже приблизительно не мог бы сказать, насколько поднялся. Потом вдруг потянуло прохладным ветерком - и Валька увидел звёзды над головой, крупные и чёткие, словно нарисованные серебряным карандашом.

- Всё, дальше очень тонкие ветки, - выдохнула Олеся рядом, и Валька понял, что они стоят на одной из веток дуба, словно эстакада, протянувшейся над потоком. Взяв Вальку за запястье и придерживаясь другой рукой за ветки над головой, Олеся сделала несколько шагов вперёд - дерево под ногами начало подрагивать. - Смотри. Вот он - Ведьмин Котёл.

Валька посмотрел вниз - и застыл.

Чёрно-серебристая вода, покрытая хлопьями пены, медленно и неостановимо бурлила внизу, метрах в пятнадцати. Они стояли на ветке над омутом на высоте пятиэтажки! Не совсем над омутом, но Валька похолодел, не в силах отвести взгляд от тяжёлого круговорота водяных струй. Ещё секунда - и он полетел бы вниз, замороженный и околдованный этим движением, но Олеся тронула его за плечо, и Валька с трудом поднял глаза. Посмотрел в её лицо и трудно ответил:

- Я... чуть... не грохнулся...

- Туда многие падали, - шепнула Олеся. - Или бросались... - она вдруг низко нагнулась над водой, и Валька вцепился ей в плечо: - Ты чего? Я не упаду, потому что я боюсь. Я часто здесь стою... - Валька выпустил её, и Олеся повела плечом: - Теперь синяки будут...

- Извини, - пробормотал Валька. - А кто бросался туда?

- Давным-давно вон там, за рекой, жила ведьма. Люди ходили к ней из всех сёл и деревень в округе. Иногда она помогала. А иногда - нет, особенно влюблённым. Тогда их всех принимал Ведьмин Котёл, - тихо ответила Олеся.

- Сказка, - выдохнул Валька. Олеся пожала плечами:

- Может быть... Валь, раньше мне казалось, что я буду всегда-всегда.

А той весной, когда украли Димку, я поднялась сюда и подумала вдруг, что и я умру. Мне так страшно стало... - она вздохнула. - Знаешь, я про это никому не рассказывала. И место это не показывала тоже никому. Ты первый.

- Спасибо, - не придумал ничего лучшего Валька, да Олеся, кажется, и не ждала ничего.

- Давай спускаться, - она гибко прогнулась, придерживаясь за ветку, шагнула - и оказалась за спиной у Вальки, ближе к стволу, задев мальчишку по щеке прядью волос.

На миг Валька почувствовал, что у него остановилось сердце - а потом забилось снова, отчаянно и быстро, толчками застучала в висках кровь. Он глянул вниз и шагнул вперёд, чуть разведя руки.

- Ты чего? - обернулась на дрожь сука Олеся.

- Хочу погулять. - ответил мальчишка, делая пешё шаг.

- Ты... - Олеся осеклась, потому что Валька медленно шёл по ветке - всё ближе и ближе к её подрагивающему концу, шёл уже над самым Ведьминым Котлом, глядя себе под ноги!!! Её крик мог...

Она представила себе, как этот чокнутый русский падает... летит вниз. И исчезает в белой кипени пены, в медленном и беспощадном вращении струйных жерновов. Олеся быстро шагнула вперёд, вытянула руку к Вальке, балансировавшему в шаге от того места, где ветка уже не могла выдержать вес даже подростка:

- Дай руку, я... - но осеклась снова, потому что Валька, чуть повернув голову, улыбнулся:

- Пройдусь, - повторил он и сделал ещё шаг.

Валька не знал, чего он хочет. Я никогда бы не пошёл на это в нормальном состоянии - не будь этого дуба, этих звёзд и глаз Олеси. Сейчас ему казалось, что он и упасть не может - если сорвётся, то по-летит над рекой, над лесом, в звёздное холодное небо...

... - Вернись, дурак! - закричала, замерев на месте, Олеся. - Вернись сию секунду!

Шум воды внизу почти глушил её голос. Валька развернулся лицом к ней, на миг

замерев на одной ноге - и застыл. Застыли расикнутые руки, застыла белозубая улыбка, застыли волосы, которые ворошил ветерок. И застыли глаза, глядящие на Олесю. Потом губы зашевелились, и до неё долетело:

- ...бя!

- Что?! - закричала она. Этот идиот снова что-то проорал в ответ:

- ...тебя!

- Я не слышу! Вернись, ненормальный!!!

... - Я люблю тебя! - кричал Валька снова и снова, ощущая, как раскачивается ветка, кричал снова и снова, шалея от безнаказанности, с которой он мог произносить эти слова, обмирая при мысли, ЧТО он говорит, ЧТО это значит - для него, для Олеськи, для Димона...

- Я! ТЕБЯ! ЛЮБЛЮ!

И по тому, как изменилось лицо Олеси, понял - на этот раз она услышала.

...Олеся ждала с окаменевшим лицом, протянув одну руку вперёд, к нему. Валька остановился в полушаге от её руки:

- Иди сюда, - сказала она напряжённо. Пальцы дрожали.

- Я приду, - ответил Валька, - если ты меня поцелуешь.

- Хватит молоть чушь.

- Тогда я прыгну в омут, - спокойно, не отводя от неё глаз, сказал мальчишка.

- Там я недолго промучаюсь, наверное. Гораздо меньше, чем здесь...

Это не походило на шантаж или игру. Олеся, глядя в почти равнодушные, лишь неожиданно горькие глаза Вальки, поняла - он прыгнет через секунду, если она...

- Я согласна! - вскрикнула девчонка. И Валька одним прыжком оказался возле неё.

В ту же секунду Олеся закатила ему оплеуху, которая едва не сбросила его всё-таки вниз. Валька качнулся, но ничего не сказал. Олеся ещё секунду глядела на него, а потом заплакала.

- Идиот, - выдохнула она сквозь слёзы. - Кретин безмозглый...

- Да, - жёстко сказал Валька. Щека горела. - Я действительно идиот.

Извини за эту страшную глупость... - он вдруг скривился, словно испытывал сильнейшую боль и терпел её из последних сил. - Я уеду. Я завтра уеду. Навсегда. Ты права. Я кретин.

И Олеся поняла, что она... умрёт. Умрёт, если он уедет. Может быть, бросится в омут. С этой вот ветки.

Валька улыбнулся и, взяв Олесю за руку, поцеловал её ладонь, словно в кино. Губы у него были влажные и горячие. И они дрожали.

- погоди! - отчаянно вскрикнула Олеся. - Постой! - и, перехватив его руку своей, потянула к себе.

- Нельзя... - выдохнул Валька. - Подло... Димка, он... я только теперь...

Слова гасли в вечернем воздухе, как тусклые, неживые искры гнилушек гаснут в свете большого, жаркого костра. Валька увидел беззащитные, приоткрытые губы Олеси и её медленно закрывающиеся глаза...

...Они целовались, стоя на высоте пятиэтажного дома над землёй, над шумом Ведьминога Котла - не переставая, отрываясь только затем, чтобы вздохнуть и досадуя на эту дурацкую вещь - необходимость дышать...

ГЛАВА 12.

Валька спал - словно лежал в чёрном омуте, без снов и без ощущений. И проснулся молниеносно - от того, что в глаза ему ударил луч света.

Олеся открывала окно. Приподнявшись на локте, Валька посмотрел на постель рядом с собой.

- Да один ты спал, один, - засмеялась она, поворачиваясь. - Вставай,

позавтракаем и поедем на б-ю, - наклонившись, она поцеловала Вальку в угол губ.

- А Димон? - прямо спросил он. Олеся помрачнела: - Ты знаешь, что он...
- Знаю, - вздохнула она. - Только я-то его не... - она тоже не договорила.
- А меня? - в упор спросил Валька.
- Да, - откликнулась она уже с порога.

Тихонько завопив, валька скатился с постели и сделал стойку на руках. Потом бросился натягивать джинсы, чтобы сбегать в ванную. С Димоном он решил поговорить сам - и даже предчувствие того, каким тяжёлым будет этот разговор, не могло испортить мальчишке утреннее настроение...

...Через полчаса они уже галопом скакали в сторону соседней заставы, подгоняя коней выкриками и ударами ладоней. За две недели Валька превосходно научился держаться в седле - Короб лично приз-нал, что у него талант "от бога", и мальчишка думал, что Шпики ему будет не хватать в Воронеже.

Димона на заставе не было. Беспокойство развеял его отец, бывший как раз дежурным офицером - оказывается, Димон с утра ускакал в деревню по каким-то делам. Это было не вполне понятно и даже слегка обидно, но Валька и Олеся уселись в канцелярии ждать своего друга. В нетерпении, гадая, не был ли связан отъезд с какой-нибудь находкой.

Однако, скучать им пришлось минуты три, не больше. Пискнул вызов комутатора и, едва майор Бидара нажал кнопку, голос дежурного связиста зачастил:

- Тщ мао, секрет на 17-й захватил бегунка, везут сюда!

Бидара тут же вызвал дежурного по заставе - и через две минуты в канцелярии были двое солдат с автоматами: один встал у окна, другой - сбоку от двери. Бидара скользнул взглядом по подросткам, но выгнать их просто не успел - в коридоре застучали шаги, кто-то грубо выругался, дверь распахнулась - и невысокий ефрейтор, втолкнув впереди себя человека со связанными за спиной руками, козырнул и взвинченным, почти мальчишеским голосом доложил:

- Товарищ майор, докладывает старший секрета-17 ефрейтор Строчко! Полчаса назад при несении службы в нормальном режиме был обнаружен бегу... виноват, подозрительный. Двигался из тыла заставы в направлении госграницы. Задержан силами секрета. Сопротивления не оказал. Документы на пребывание в пограничной зоне имеет, но категорически отказался сообщить цель пребывания и то, как оказался за системой. Называет себя Семёном, по документам совпадает - Семён Анатольевич Коляба. Мною было принято решение, оставив для несения службы рядового Маниченко, доставить задержанного на заставу. Это всё, товарищ майор.

Валька во все глаза смотрел на первого виденного им в жизни нарушителя. Рослый, плечистый, совсем ещё молодой парень - лет 20-25 - одетый в брезентовую куртку на рубашку, в джинсы и кеды, стоял спокойно, только дёргал связанными руками. Он был темноволосый, с карими глазами и худым, узким лицом. Ефрейтор выложил на стол перед майором пистолет и охотничий нож в чехле.

- "Беретта", - отметил Бидара, тронув пистолет. И поднялся из-за стола. - Ну, так что же вы тут делаете и кто вы на самом деле?

- Я всё объясню, - спокойно ответил нарушитель по-русски. - Прошу вас только развязать мне руки. Связали очень сильно, а я ничем не подавал повода к такому обращению.

- Развяжи, - кивнул Бидара ефрейтору. Тот достал штык-нож...

...В тихо открывшуюся дверь канцелярии шагнул фон Фелькерзам. Валька и не знал, что он на заставе! Немец действовал без промедления. Оттолкнув плечом ефрейтора Строчко, он рванул задержанного за плечо и, развернув к себе, нанёс ему страшнейший удар обеими ладонями по вискам. Коляба рухнул, как сноп, а немец неожиданно заорал в лицо оцепеневшему Бидаре:

- Вы знаете, кто это?! Знаете, кто это?! Химмельдоннерветтер! У-ух-хху, цум тойфель!³³. Это он, он... вот, смотрите! Какое счастье, что я пришёл, и он не успел

одурачить вас! Смотрите, вот, вот!

Крича всё это, он лихорадочно рылся в карманах камуфляжа и наконец выхватил блокнот - как пистолет. Из блокнота он достал свёрнутый в несколько раз листок плохой бумаги, который ткнул в лицо Бидаре. Майор со слегка ошарашенным видом взял листок и развернул:

- Симо Йованич, - прочёл он, - разыскивается... террорист и бандит...

Так, кажется? Я не очень хорошо по-английски...

- Именно так, - фон Фелькерзам слегка успокоился и покачал головой. - Это и есть человек, о котором я говорил вам и другим господам офицерам! Это он похитил вашего сына! Он искал оружие! По его приказу в лесу убивают! И это ему УЧК поручило вывезти склад на Балканы! Я не сомневаюсь, что все документы у него в порядке, и он легко легализовался бы в приграничной полосе - так же, как и я! Вы не подозреваете, что сделали, господин майор! Этого подонка ждёт трибунал в Гааге!

- Надо немедленно сообщить в комендатуру и отправить его туда, - Бидара поднялся, но дверь распахнулась снова, и появился Димон:

- Па, а Валька и...

Он не договорил - почему-то вдруг метнулся за дверь, и окрик Бидары: "Сынок!" - остался без ответа. Но внимание майора тут же переключилось, потому что фон Фелькерзам снова заговорил:

- Вы правы, его нужно как можно скорее увезти. Кроме того, я прошу у вас разрешения воспользоваться вашей связью и вызвать моих людей прямо сейчас. Сюда. Вы их сможете разместить? Я очень опасаясь, что с поимкой главаря его боевики пойдут ва-банк... Боже, чего бы я только не дал за сведения об оружии!...

- Дежурный по заставе - конвой для сопровождения нарушителя на комендатуру! - крикнул Бидара в селектор. - Да, господин капитан, - кивнул он фон Фелькерзаму, - я сейчас же свяжусь с отрядом и не сомневаюсь, что вашим людям будет дано разрешение на прибытие. А где их разместить - мы найдём.

- Валь, - шепнула Олеся, - надо сказать. Не до игрушек.

- Надо. - кивнул Валька. Помедлил и добавил: - Неохота, а надо.

Раз пошла такая пьянка - режь последний огурец, - и он подал голос, с трудом удержавшись от желания поднять руку, как в классе: - Товарищ майор!

- Чёрт, вы всё ещё здесь?! - вскинулся Бидара, было о чём-то заговоривший с вошедшим в канцелярию прапорщиком - наверное, начальником конвоя.

- Понимаете, товарищ майор, - Валька посмотрел на лежащего на полу без сознания бандита. - Мы, кажется, знаем, где оружие.

...Наверное, многие сложные вещи делаются просто. Тянется, тянется годами какая-то история, кажется, что нет ей конца, а финал бывает такой скучный, что о самой истории вспоминаешь, как о счастливом времени. Ну скажите на милость - что романтического в том, как несколькими ломами раздолбали фундамент в том месте, где миноискатель показал большую металлическую массу - кусок стены обрушился внутрь, и один из солдат даже хрюкнул от удивления:

- Ого, а я и знать не знал, что тут подвал есть!

- Думали, он цельный, фундамент-то, - поддержал ещё кто-то. Валька и Олеся сунулись внутрь, но фон Фелькерзам преградил им путь:

- Стоп, - сурово сказал он. - Пойду я. во всяком случае - первым пойду я. Это мой долг.

- Может быть, подождать минёров из отряда? - предложил Бидара.

Немец качнул головой:

- Я хороший сапёр. И немало обезвредил боевых мин. Дайте фонарь.

Ему принесли мощный следовой фонарь, и фон Фелькерзам ловко скользнул в дыру. Послышались гулкие шаги.

- Где же Димка? - процедил Валька. Олеся сопела рядом. В полном молчании все не сводили глаз с дыры. Наконец - после длинного, в пол-жизни, перерыва, в ней показалось

лицо немца.

- Здесь, - сказал фон Фелькерзам. - Оно здесь.

К дыре шарахнулись разом все. Впереди - Валька, и немец поднял руку:

- Прошу сначала наших героев! - он добавил. - Не беспокойтесь, тут безопасно. Мин нет. Только мокрицы.

Олеся застопорилась на краю дыры, пробормотав:

- Надо было с собой лук взять.

- Мокриц стрелять? - насмешливо спросил Валька. Олеся метнула на него сердитый взгляд:

- Ты шутишь, а я их боюсь до смерти! - и всё-таки скользнула в дыру - под смешки пограничников. Валька пролез следом.

Свет фонаря в руке фон Фелькерзама неподвижно застыл на штабеле ящиков - серого цвета, помеченных чёрным, широко распростёршим крылья орлом, державшим в лапах круг со свастикой. Ящиков было много, они загромаждали почти всё пространство подвала и странно было думать, что больше полувека над всем этим, ничего не подозревая, ходили люди...

- Вот он - склад моего деда, - тихо сказал фон Фелькерзам. - Я увезу его и выполню свой долг. Аллес ин орднунг. Генуг. Генуг³⁴... Пойдёмте наружу, молодые люди. Вы даже не представляете, какую услугу мне оказали.

- Подождите, - попросил Валька. - Можно... посмотреть?

- Можно, - кивнул фон Фелькерзам и направился к ящику, стоящему ближе всего, но шум наверху заставил его остановиться: - Что там?

Все трое сунулись к дыре. То, что они увидели, как две капли воды напомнило Вальке фильмы про войну. Двое солдат поддерживали сержанта с окровавленной головой. Сбиваясь и путаясь, он хрипло говорил:

- В пяти километрах... дерево - точно на передок... Товарищ прапорщик - головой в стекло, я - об баранку... а в окно - дымшашка... дымище... а этот - одного локтем под горло, другого - кулаком по виску... без сознания он притворялся, гад... и в лес... Меня - сюда... остальные - преследуют...

- СБЕЖА-А-АЛ!!! - нечеловечески взревел фон Фелькерзам и, яростно оттолкнув Вальку, рванул наружу.

ГЛАВА 13.

Когда вас берут за шкуру и вышвыривают "в безопасное место" в самый интересный момент - это обидно. Очень обидно. Валька и Олеся промолчали всю дорогу до заставы, окаменев на заднем сиденье УАЗика - им даже верхом не позволили ехать, навязали конвой! А кони рысили следом за неспешно идущей машиной, явно удивляясь, по-чему хозяева ведут себя как-то странно!

Попробуй тут вести себя по-другому.

В довершение всего их, словно грудных младенцев, сдали с рук на руки Коробу, а он посадил обоих под домашний арест, сгоряча пообещав выпороть и дочку, и гостя, если только они осмелятся высунуть голову из ДОСа без его на то специального разрешения. Это было обидно и несправедливо вдвойне - ведь они ещё ничего не успели натворить! Валька и Олеся обосновались в комнате Олеси, в знак протеста прикрыв за собой дверь, но майор Короб на протест просто не обратил внимания - умчался на заставу...

...Сидя на постели, Олеся то ли читала, то ли просто перелистывала какую-то книжку. Валька, устроившись около раскрытого окна, тоскливо созерцал сад. Время тянулось, как подсохший "момент", над заставой царил обычная тишина, только изредка нарушаемая звуками из гаража, где запускали для пробы недавно отлаженный дизель.

- Ну и что делать? - нарушила наконец молчание Олеся. - Ты мужчина, ты и придумай... Может, мы зря про оружие сказали?

- Да ну... - сумрачно ответил Валька. - Дело-то серьёзное... Но, конечно, могли бы с нами и не как с грудничками обойтись.

- Папка просто боится за меня. И за тебя, - рассудительно заметила Олеся, закрывая книжку и ставя её на полку.

- А Бидара за Димона, значит, не боится? Его-то не заперли в комнате...

- Во-первых, и мы не заперты, - напомнила Олеся. - А во-вторых - где он, Димон?

- Нет, вообще-то он себя как-то странно повёл, - вспомнил Валька. - Он же нас искал - и вдруг шарахнулся и пропал...

- Слушай... - Олеся расширила глаза. - А если он как-то про... ну, догадался? И искал, чтобы...

- Чтобы мне рыло свернуть, - закончил за неё Валька. - Может... Ну и ладно, я же ему сам хотел всё рассказать.

- Ва-аль... - протяжно позвала Олеся. - А это правда... ну, то, что ты говорил там. На дубе.

- Угу, - неловко ответил Валька, снова отворачиваясь к окну.

- А в Воронеже что - нет красивых девчонок?... Ну ты повернись, я же не с затылком твоим разговариваю, наверное!

- Есть, - Валька и не думал поворачиваться. - Только тебя нет. Я не видел, во всяком случае.

- Я же почти деревенская, - валяла дурака Олеся. - Немодная. У вас говорят - не прикинутая, да? И папка у меня не богатый. Не этот - не новый русский.

- Зато старый белорус, - отшутился Валька, а Олеся рассердилась:

- Да повернёшься ты, или нет?!

- Ну вот, повернулся, - Валька сел на подоконник лицом в комнату.

Олеся сидела на кровати, привалившись спиной к стене. Неожиданно задумчиво она сказала:

- А как же нам быть? Если я хочу стать лётчицей - а ты пограничником?

Валька понял, о чём она. И слегка обалдел. Но это было приятное обалдение.

- Ну... как! - деловито сказал он. - Придумаем что-нибудь... Если ты серьёзно.

- Я серьёзна, как памятник героям-партизанам, - заверила Олеся. - И я не обижусь, если ты подойдёшь и сядешь рядом. Только поставь там что-нибудь.

- "Агату"? - спросил Валька, пробежав пальцами по кассетам.

- Давай "Агату", - одобрила Олеся. Валька ткнул кассету в магнитофон, нажал кнопку, и солист "Агаты" Глеб Самойлов запел под вкрадчивую музыку:

- Бедному холодно зимой,
Бедному - волком вой -
Пустите бедного домой...

Валька присел рядом на кровать. Олеся смотрела на него с улыбкой, потом сказала:

- Без глупостей?

- Ты способна на глупость? - во рту у Вальки пересохло, как в пустыне Каракумы. Олеся помедлила секунду и призналась спокойно:

- Для тебя, наверное, способна.

- Без глупостей, - кивнул Валька. - Согласен.

- Тогда... - и Олеся осеклась.

Музыка резко сменилась, и Валька, оглянувшись, успел удивиться, как это смена музыки подгадала под события в жизни...

- Волку так холодно зимой!

Волку - хоть овлком вой!
Пустите бедного домой!...

- напористо пел Самойлов. А в открытом окне по пояс был виден Димон. Подошедший совершенно бесшумно, он стояли смотрел - даже не бледный, а какой-то зеленоватый, с мгновенно выступившими под глазами синяками.

- Дима, - тихо сказала Олеся.

- Так, - Димон положил на подоконник кулаки, сжатые до белизны на загорелых косточках. Валька встал и, не сводя глаз с лица Димона, негромко спросил:

- Где драться будем?

- Не... - начала Олеся, но Валька, даже не оглянувшись, остановил её раскрытой ладонью:

- погоди... Димка, так получилось. Я себя виноватым не чувствую. Она тоже не виновата. Мы трое уже почти взрослые - и... так получилось. Ну так где?

Димкины губы скривились. Он что-то прохрипел, потом усмехнулся, кашлянул и с той же кривой усмешкой сказал чужим голосом:

- Отдыхайте, я сам. Всего хорошего.

Произнеся эти нелепые и жалкие слова, он повернулся и бесшумно исчез в саду.

- И смеемся мы,
И хохочем мы -
Раз хи-хи,
два хи-хи,
три хи-хи!
- И всё ближе к нам
За деревьями
Огоньки,
огоньки,
огоньки...

- Ч-чёрт! - Валька ударил по кнопке "СТОП", и кассета выскочила наружу. - Надо догнать...

- Не надо, - мудро остановила его Олеся. - Сейчас ты ему ничего не объяснишь. Вечером съездим на заставу, а потом - на наше место.

- Как съездим-то? - буркнул Валька, тем не менее оставляя попытку вымахнуть через подоконник. - Мы же под арестом!

- Пхе, - заявила Олеся. - Или ты боишься, что тебя выпорют?...

...И всё-таки настроение было испорчено конкретно. Часы тянулись, а к ним никто не заходил. Это могло означать лишь одно - на участках развернулась операция, требующая участия всех сил застав. Сейчас пограничники обшаривают леса, болота, заросли вдоль озёр и речушек - и, может быть, уже и перестрелки идут... Валька достаточно хорошо представлял себе теперь, как живёт граница, чтобы понимать, что происходит в тылах. Наверное, и люди фон Фелькерзама уже на заставе - грузят оружие. На вертолёте прибыли, скорее всего.

Олеся волновалась. Это было по ней видно - и, едва солнце село в скопившиеся над лесом тучи, обещавшие дождь ночью, командовала:

- Поехали. Пора.

- Не напоремся? - для порядка спросил Валька.

- Если нет усиленного - не напоремся, - уверенно ответила девчонка, влезая в плотную куртку с капюшоном. Валька кивнул. При усиленном режиме часовой вместо того, чтобы кричать: "Стой, стрелять буду!" сразу производит предупредительный выстрел в живот. И можешь потом не жаловаться - если выживешь.

В саду дул неприятный сырой и холодный ветер - на памяти Вальки такого тут ещё не

было. Олеся, словно понюхав воздух, шепнула, спрыгивая следом за мальчишкой с подоконника:

- Кто-то в лесу дерево свалил, вот и засквозило...

До Вальки не сразу дошёл смысл сказанного - а когда дошёл, он хрюкнул от смеха, невзирая на серьёзность момента. Но Олеся уже без шуток добавила:

- Похоже, буря идёт. Можно не опасаться нашуметь.

В самом деле - отовсюду слышался шум, ровный и угрожающий. И Валька сразу понял, что это шумит лес. А когда понял - ему стало не по себе. Было в этом шуме что-то нечеловечески-мощное и равнодушное.

- На вышке пусто, нормально, - Олеся первой скользнула по тропинке. - Я седлаю, ты на атасе. До леса шагом, понял?

- Понял, - кивнул Валька, пытаясь понять ещё кое-что: зачем они, собственно, едут? В самом деле поговорить с Димоном - или потому что темнеет, грозно шумит лес, в котором происходит что-то жутковатое, а им туда ехать запретили? Он так и не смог в этом вопросе разобраться - добросовестно стоял на атасе, пока холодные пальцы Олеси не сунули ему повод, и морда Шпики, мягко фыркнув, не ткнулась ему в ухо.

- Едем... - словно вздох, прозвучал голос девчонки, плавно и быстро взметнувшейся в седло. Это Валька делать уже умел тоже. Сразу за опушкой они пустили коней в галоп.

ГЛАВА 14.

Лес ПЕЛ.

Во всяком случае, Валька готов был поклясться, что различает в слитном, усиливающемся гуле какие-то слова, повторяющиеся снова и снова. Вокруг клубилась чернота, пронизанная шорохом, скрипом и шумом. Где-то над головами по временам истошно орали птицы, в редких просветах почти не было видно неба - его водоворотами затягивала тьма. С запада шли тучи. Ветви склонялись над самой тропой, грозя вышибить из седла. Шпик хрипел, и Валька понял, что конь тоже боится - очевидно, чувствует, как взбудоражено всё кругом приближающейся бурей. Ветер здесь, в глубине леса, почти не ощущался, но кроны деревьев в вышине уже гремели, как жёсть.

Олеся скакала, как уже повелось, впереди - она лучше знала места. По временам Валька всё-таки различал круп Рыжего и пригнувшуюся к гриве узкую спину в куртке. Они ехали в обход привычных троп, на которых стояли секреты - какой-то чащей, потом болотом, над которым в разрывах летящих всё плотнее туч холодно и колко светили звёзды. Снова чащей... Казалось, ночной скачке не будет конца.

Сиреневый свет залил всё вокруг, выхватив каждую детальку пейзажа из тьмы с нереальной чёткостью. Олеся, кажется, вскрикнула... "Три. Шесть. Девять. Двенадцать," - отсчитал Валька, и над лесом прогремел гром. Ещё далёкий - в четырёх километрах...

Кони перешли на рысь.

- Если не доедем - будет плохо! - прокричала Олеся, поворачиваясь в седле, и новая молния осветила её лицо. Валька успел сосчитать до одиннадцати - гроза приближалась, хотя и неспешно. Ветер безумствовал. На прогалине, через которую они ехали, дуло, как в корпусе реактивного двигателя, тонкие деревца почти легли на траву. - Тут в бурю деревья ломаются, можем подгадать точно под него! Или под сучок! Галопом, галопом, Рыжий! - она хлестнула коня ладонью.

Впереди через прогалину тяжеловесными и в то же время грациозными тенями пронеслись зубры - штук шесть, не меньше. Ещё одна молния сверкнула в безумном глазу вожака, наполнив его серебром.

"Никто не поверит мне, когда я стану про это рассказывать," - машинально подумал Валька, пригибаясь к гриве коня, чтобы пропустить над головой вынырнувший из мрака сук. - Да какого чёрта - я и сам не поверю уже завтра! Лес ожил..."

Они вырвались на просеку, ведущую с тыла напрямик к 6-й зас-таве. По этой просеке

до цели было километра три, не больше - и сверх того, далеко впереди Валька увидел уже огни казармы. Кони летели бешеным аллюром, их всадники отпустили поводья, доверяясь чутью животных...

Молния. Хряск грома. Два километра, не больше. Неподальёку позади раздался ужасающий скрежет и свист, а потом что-то тяжело рухнуло наземь. Шпик нагнала Рыжего, и Валька по губам Олеси прочёл: "Дерево!" Да, на просеку рухнуло дерево...

Молния совпала с таким ударом грома, от которого дрогнула земля. Небо вспыхнуло, словно в фантастическом фильме - не было обычного ветвистого разряда, просто всё над головой залил на миг пот-рясающе красивый лиловый свет. Олеся снова вскрикнула, необычайно свежий запах ударил в ноздри. Озон - значит, молния ударила совсем близко... Где же дождь?! Валька ждал его, потому что по опыту знал: с началом дождя и ветер, и гроза слабеют. Но дождя не было - лишь молнии почти непрерывно продолжали хлестать небо, да неумолчно гремел гром.

Застава - вот она.

Приехали.

- Йиййяххаа! - взвизгнула Олеся, заставляя Рыжего мчаться всё быстрее и быстрее. Двор. Здания. На вертолётное площадке - пузатая туша машины с обвисшими лопастями - вертолёт, незнакомый. Люди снуют по двору, из здания в здание - наверное, грузят оружие... Нет, не грузят - ящики просто выносили из подвала и складывали посреди плаца. Олеся осадила Рыжего так резко, что он припал на задние ноги и закинул голову. Шпик остановился сам. Как раз точно на опушке леса - от заставы их отделяли кусты и метров пятьдесят чистого пространства.

- Валь, - сказала девчонка, - это же не пограничники.

- Конечно, - мотнул головой Валька. - Это люди фон Фелькерзама - помнишь, он про них говорил, ещё спрашивал разрешения их вызвать, а Бидара ответил, что свяжется с отрядом?

- А, да, - кивнула девчонка. Но с места не двинулась.

- В вертолёт грузить?! - донеслось со стороны заставы. Другой голос ответил:

- Ты что, рехнулся, кретин?! Не видишь, что творится?! Его расшибёт о деревья!

- Так куда?! - и длинный заряд мата, перекрывший гром.

- В машины, в машины! Тут "Урал" и ГАЗ, Гжесь, Валло, выгоняйте их! Скорее!

- А вертолёт?!

- Бросаем его к...

Фигуры продолжали метаться. Потом послышались выстрелы - какие-то странные, гораздо тише, чем из "калашников", взревел один двигатель, другой.

- Почему они говорят по-русски? - вырвалось у Вальки. Он обернулся к Олеся - и увидел закушенную губу девчонки. - Олеся, что случилось?!

- Сейчас, погоди, - ничего не объясняя, Олеся соскользнула наземь, бросила поводья Вальке - и растаяла во тьме.

В ту же секунду хлынул дождь. Стена воды рухнула с неба косо и мощно - её нёс непрекращающийся ветер. Обмирая от напряжения и непонимания, Валька ёрзал в седле, то пытаясь понять, что происходит на заставе, то вслушиваясь в звуки леса и шум дождя, то глядя в небо. Ему показалось, что прошло минут пятнадцать (три на самом деле), прежде чем Олеся вынырнула из темноты - и Валька испугался, увидев её словно из мрамора вырезанное лицо и желваки на скулах.

- Валька, - выдохнула она, - это никакие не люди фон Фелькерзама.

Это бандиты. Их много и они захватили заставу.

- Как?! - каркнул Валька. Олеся замотала головой, на миг прижалась лицом к боку Рыжего, потом подняла отчаянные глаза:

- Не знаю... Никого наших нет. Только в связилке - в окно видно - лежит связист. Валь, его, по-моему, убили, там в крови всё... А на его месте сидит этот... И около ДОСов

часовые. А остальные таскают ящики.

- А Димка, офицеры?! - вырвалось у Вальки. - А фон Фелькерзам?!

- Не знаю, не знаю... - мотала головой Олеся. - В других окнах света нет. Валь, что делать?!

- Назад, на заставу, - быстро решил Валька, но Олеся вдруг тихо вскрикнула:

- Валь, поздно! Скорее сюда!

Через просеку в их сторону шли два или три человека. Пока они не замечали ребят и коней на фоне кустов, но первая же вспышка молнии, чуть более внимательный взгляд - и...

К счастью, кони могут двигаться очень и очень тихо. Соскочив на-земь Валька потянул сразу обоих коней в кусты - и ветки сомкнулись за ними, надёжно укрыв от чужих взглядов. Дождь полосовал, не ослабевая, и Валька и Олеся давно уже вымокли насквозь, поэтому дождь как таковой их уже не беспокоил.

Три человека прошли мимо них молчаливыми бесшумными тенями. На опушке они постояли и вдруг разделились. Двое залегли, а третий зашагал через рощисть к заставе. И тут-то, при очередной вспышке, ребята узнали его - одновременно. Это был лейтенант Витас Лацетис с 5-й заставы! Не бандиты, а невесть как зашедший сюда дозор! И командир дозора шёл прямо...

Но кричать было уже поздно. Навстречу Витасу шли трое - один задержался поодаль, двое подошли вплотную. Они стояли так близко, что разговор можно было слышать в подробностях.

- Лейтенант погранвойск Республики Беларусь Лацетис, - представился Витас, небрежно приложив ладонь к бандане. - Что здесь происходит?

- Команда утилизации капитана фон Фелькерзама, БНД, - представился высокий челонок - лица не было видно. - Вы должны были быть предупреждены - согласно договорённости, готовим к вывозу оружие.

- Мы предупреждены... - протянул Витас. - Но моя рация поймала непонятный сигнал с заставы. Я решил, что не худо будет заглянуть на огонёк и посмотреть. Так что за сигнал от наших соседей?

- Ошибка радиста, лейтенант, - спокойно ответил бандит.

- Ошибка... - неопределённо сказал Витас. Кивнул. И вдруг резко бросил: - Я бы хотел поговорить с кем-нибудь из офицеров. Или хотя бы с фон Фелькерзамом - он руководит работами?

- Да, конечно, - кивнул бандит. У Вальки скрутило желудок от желания крикнуть... но он понимал, что Витас ЗНАЕТ, с кем говорит. И мог лишь восхищаться самообладанием литовца. - Чуть позже, фон Фелькерзам скоро подойдёт.

- Я бы хотел подождать на заставе... и узнать, почему вы выгоняете из гаражей наши грузовики без наших же водителей.

- Лейтенант, - голос бандита стал чуть тише, но в нём отчётливо зазвучала угроза, - вам незачем это знать. Для вашего же спокойствия. Вы понимаете?

- Понимаю, - согласился Витас. И вдруг сказал властно и жёстко: -

Вы находитесь на территории Республики Беларусь, суверенного государства. Ваши действия можно квалифицировать лишь как вооружённое нападение. Поэтому - во избежание кровопролития - советую вам сложить оружие и приказать то же сделать вашим людям на заставе.

- Лейтенант, время таких разговоров да-авно прошло, - ответил бандит. - В свою очередь хочу кое-что вам сказать. Вы ведь прибалт? Так оставьте эти глупости и присоединяйтесь к нам. У нас немало ваших соотечественников. И платят гораздо лучше, чем пограничникам москалей.

- Да что ты с ним разговариваешь?! - рывкнул до сих пор молчавший

второй бандит - пониже и поплечистей. - Прихвостень, по Перку-нас!³⁵...

И он сделал быстрое движение рукой, в которой блеснул металл.

Витас опередил его. Молниеносно сорвав с плеча автомат, лейтенант одновременно ударил разговаривавшего с ним бандита магазином под челюсть, а схватившегося за оружие - ногой в пах. Оба рухнули, как подкошенные. Но и Витас больше ничего не успел сделать, потому что третий бандит выпустил в лейтенанта длинную очередь. Витас развернулся вокруг себя и, вскрикнув: "Угнис!..." ³⁶ - повалился лицом в мокрую траву.

Стрелявший в лейтенанта бандит упал почти тут же - его прошили сразу две огненные строчки из кустов. Упал и успевший подняться на колени бандит, до этого получивший удар в пах. Но первый оказался хитрее и опытней - не пытаясь подняться, он начал строчить по кустам на уровне живота и кричать что-то по-немецки. Валька неожиданно понял, почему бандиты говорили по-русски - среди них оказалось много людей разных национальностей, не знавших языков друг друга, а русский, наверное, знали все.

От заставы приближались перебежками не меньше десятка бандитов, на ходу обрушивших на кусты шквал огня из своих автоматов. Выстрелы пограничников затихли почти тут же...

Закусив губу, Валька следил за тем, как бандиты рассыпались по кустам, а их старший, поднявшись, подошёл к Витасу, лежащему на земле, и перевернул его. Странно - мальчик совсем не думал о том, что их с лошадьми могут легко обнаружить. Он не мог отвести глаз от того, что видел...

- Литауас швайн³⁷, - процедил бандит, толкнув тело Витаса ногой и выпрямившись. Валька не поверил своим ушам, когда в ответ услышал тихий, задышающийся голос лейтенанта:

- Я... литовец... а ты... сволочь...

- Ист зо!³⁸ - сказал бандит и несколько раз подряд выстрелил Витасу прямо в лицо...

Олеся, тихо всхлипнув, уткнулась Вальке в плечо, и он, не сводя глаз с жуткой картины, прижал девчонку к себе.

- Оба готовы, - доложил кто-то старшему, бросая на траву два автомата. - Рация у них выключена, передать ничего не успели.

- Грязно работаем, - зло сказал старший. - Сначала этот радист, теперь ещё трое... Чего встали, бараны?! - заорал он вдруг. - Грузиться, скорее грузиться, а то дождёмся ещё гостей!

- Этих, на заставе, прикончить? - спросил ещё один бандит. Старший покачал головой:

- Незачем. Запереть всех в канцелярии, там на окнах решётки. Живей.

Он ещё какое-то время постоял над телом Витаса, потом решительно зашагал следом за своими к заставе.

Молния. Гром. Дождь. Ветер.

- Олеська, - Валька потряс её за плечо. - Олеська, надо ехать. Скорее, а то уйдут. Уйдут они, слышишь?!

Он сам удивлялся своему неожиданному спокойствию. Но, глядя на него, взяла себя в руки и Олеся. Ещё раз всхлипнув, она кивнула:

- Поедем. Поедем.

...Они успели проскакать просекой и, свернув в лес, добраться по-чти до тропинки к их штабу. Ни жути, ни красоты Валька больше не замечал. Жутью было то, что они оставили сзади, а целью - добраться до 5-й раньше, чем эти гады, убийцы эти, сделают ноги.

- Сто-о-ой!

Молния. Поперёк тропы стояли два человека. Один из них был... фон Фелькерзам.

ГЛАВА 15.

Олесю словно ветром выдуло из седла. Следом соскочил Валька. Фон Фелькерзам смотрел на них с усмешкой и, кажется, хотел что-то спросить, но Олесю его опередила:

- Айзек! Айзек! - закричала она, задыхаясь. - На шестой бандиты!

Они себя за ваших людей выдают! Все захвачены, убитые...

Лицо немца постrojало. Он поднял ладонь, приказывая Олесе замолчать, потом быстро спросил:

- Бандиты? Вы их сами видели?

- Да, да, видели! - снова закричала Олесю. - Надо что-то делать...

- Да, - кивнул фон Фелькерзам. - Надо. Жаль, что вы их видели.

- Что?... - осеклась Олесю.

- Жаль. - повторил фон Фелькерзам. - Если бы вы сидели дома, для вас бы всё обошлось... Не двигаться! - и словно сам собой из-за его спины в руки перепрыгнул автомат - такой же, как у бандитов на заставе. Молчаливый спутник немца выступил вперёд и взял на прицел Вальку. - Не двигаться, стоять смирно, - уже негромко сказал фон Фелькерзам. - И ещё более жаль, что вы наткнулись на меня. Если бы не это - вас можно было бы просто запереть с остальными. Но моя роль в этой истории должна оставаться тайной, иначе бы я не бродил в бурю по вашему лесу. Очевидно, у нас это фамильное, - он весело засмеялся. - Я очень благодарен вам за помощь в истории с оружием. Но для собственного спокойствия вас просто необходимо убить.

На протяжении всего этого монолога Олесю пятилась, пока не наткнулась на Вальку. Тогда он подняла лицо и прошептала:

- Валь, что он говорит?

- То, что есть, - зло сказал Валька. Злость была сильнее страха, который в первую секунду понимания происходящего просто затопил его с головы до ног. - Он никакой не офицер БНД. Он бандит и главарь тех бандитов. Он всех, всех... - и Валька матерно выругался.

- При даме, при даме, - укоризненно сказал фон Фелькерзам. - Отойдите чуть в сторону, не хотелось бы задеть лошадей.

- Отпустите её, - попросил Валька. - Или свяжите и оставьте здесь.

Она же девчонка.

- Сожалею, Валентин, - покачал головой немец. - Диме будет вас очень не хватать - он-то как раз останется в живых... В сторону, поскорее, или я решу, что вы трусы. Зачем так тянуть?

- Пойдём, Олесю, - Валька взял её за плечо, приобнял и шепнул:

- Толкну - беги.

Но второй бандит всё так же молча встал чуть сбоку, нацелив автомат тоже, и стало ясно, что сбежать не удастся даже в такой темноте.

- Повернуться спиной! - резко пролаял фон Фелькерзам. - На колени!

- В лицо стреляй, тварюга! - звонко закричала Олесю.

- Мразь! Предатель! Бандюга!!!

А Вальке вдруг отчётливо вспомнилось, что всё это уже БЫЛО. Было. Здесь было - с ним. И он понял - надо бороться до конца. Потому что это - война. И это не бандиты, нет.

ЭТО - ВРАГИ.

- Стойте! - истошно завопил он. - Стойте, погодите, не стреляйте, пожалуйста! - он сделал шаг к фон Фелькерзаму и рухнул на колени. - Пожалуйста, ради бога, не убивайте! Я жить хочу! Я... я одну вещь знаю! Тут недалеко у нас... ну, вроде штаба! Там - там бумаги...

- Какие бумаги? - вдруг быстро спросил фон Фелькерзам.

Стоять на коленях было мокро, холодно и унижительно. Но Валька понимал, что сейчас он не больной живот перед химичкой изображает... Играть. Играть. Ради Олесюки. И себя. И ради того, чтобы прижать этих гадов, прижать, прижать!

- Бумаги! - он сглотнул. - Мы их нашли там, в лесу, ну, где с вами встретились, рядом с лагерем "чёрных следопытов"! Такая сумка... кожаная, а в ней полно бумаг. Мы их не

разобрали...

- Ничего не разобрали? - как-то робко спросил фон Фелькерзам, и в Вальке вспыхнуло жгучее желание броситься на него и попытаться вырвать автомат. Но вместо этого он замотал головой и, судорожно захлебнувшись воздухом, выпалил:

- Только заголовки - там везде написано "Абверэбнштелле Ревель"³⁹!

- "Абверэбнштелле Ревель"?! - фон Фелькерзам качнулся к мальчишке, потом спросил с бешенством у своего спутника: - Что это значит, свинья?! Ты же сказал - ЗАБРАЛИ ВСЁ? Соврал? Соврал - МНЕ?!

- Да он сам врёт... - испуганно пробормотал тот, тиская оружие.

- Всё мы взяли, командир, всё!

- Не вру! Не вру я-а! - почти завыл Валька. - Ну проверьте! Ну тут же близко! Ну пожалуйста! Только отпустите потом...

- Заткнись, - бразгливо бросил фон Фелькерзам и кивнул своему спутнику:

- Пойдёшь с ним. Если бумаг нет - убей его. Если есть - свяжи и оставь там. Понял?

- Понял, - буркнул бандит. И Валька тоже ПОНЯЛ: будь там любые бумаги на самом деле - ему всё равно не жить. И испугался - а Олеся?

- Мы с ней, - словно отвечая на его мысли, сказал фон Фелькерзам, - побудем здесь. Если сбежишь или окажется, что бумаг там нет - ей конец. Если мой человек вернётся с бумагами - её тоже свяжем и оставим тут... Знаешь, а я был о тебе лучшего мнения, Валентин.

"Подожди, гад, - подумал Валька. - Ты ещё своё мнение переменишь вау как. Если успеешь, фашист недоделанный." Второй бандит, больно схватив мальчишку за волосы, поднял на ноги и влепил пинка:

- Шагай, щенок! И не вздумай рыпнуться - прошью насквозь!...

...Олеся была уверена, что Валька что-то придумал. "Абверэбн-штелле Ревель", которыми он зачаровал фон Фелькерзама, они прочитали на проржавевшем пустом ящике, который нашли в лесу ещё два года назад и поставили в своём штабе. Но стоять сейчас одной в лесу под дулом автомата было холодно, мокро и страшно.

Очень страшно.

Фон Фелькерзам нервничал. Прошло около трёх минут с момента ухода Вальки и бандита, и он вдруг поднял оружие - молча, ничего не объясняя. Почувствовав, как становятся ватными ноги, Олеся задержала дыхание и услышала слова немца:

- Это совсем не больно... к сожалению.

"Папка!" - хотела крикнуть Олеся. А крикнула:

- Рыжий!!!

Треск очереди слился с визгом коня. Он давно ощущал - что-то не так. И теперь ужас, прозвучавший в голосе хозяйки, заставил его молнией обрушиться на единственного возможного виновника этого ужаса. Очередь вспорола землю у ног фон Фелькерзама, он выронил автомат из парализованной ударом копыта руки и, шарахнувшись от оскаленных зубов, левой рукой выхватил пистолет...

Чёрная мужская фигура, метнувшаяся из кустов, перехватила руку немца, пистолет полетел в грязь, а сам фон Фелькерзам, взмыв в воздух над плечом бросившегося на него противника, упал на корточки, вывернул запястье из захвата и тут же распрямился с ножом в руке. Но опоздал - человек с такой силой ударил его ногой в грудь, что немца отшвырнуло на дуб. Глухой стук затылка - и фон Фелькерзам сполз по стволу в мокрую траву.

В окончательном ужасе Олеся хотела бежать со всех ног, куда глаза не глядят - в ревущую бурей темноту - но неожиданно оказалась в чьих-то сильных руках и голос Димки сказал прямо в ухо - спокойный, надёжный, уверенный голос:

- Тихо, тихо. Не рвись, всё нормально.

- Димка! - вскрикнула Олеся и посмотрела на тёмную фигуру, под-

нимавшую с травы оружие. - Димочка, а это кто?!

- Это Симо, - ответил Димка. - Он наш друг.

- А фон Фелькерзам? - совсем потерявшись и чувствуя, что сейчас заревёт в три ручья, спросила Олеся.

Вместо Димона ответил Симо - и теперь Олеся узнала человека, оглушённого фон Фелькерзамом в кабинете Бидары:

- Он тот же, кем был его дед - палач и провокатор...

...Всю призрачность своего шанса Валька понимал очень хорошо. Но это был единственный шанс. Единственный. И его надо было использовать, чтобы оставаться человеком. Больше всего он боялся, что конвоир просто пристрелит его по пути, чтобы не тащиться никуда и окончательно убедить немца, что они всё тщательно осмотрели. Но очевидно приказ фон Фелькерзама был для этих бандюг законом. Да и на классических бандитов они мало походили. Скорее уж - наёмники, кино про которых так часто смотрел Валька и его одноклассники - ки-но про героических парней, крушащих разных там арабов, негров, вьетнамцев, сербов, а иногда и русских. Из автоматов, голыми руками, ножами... На самом деле вот они какие, герои за деньги...

Увидев танк, конвоир присвистнул, и Валька удивился тому, что тот может испытывать человеческие чувства и эмоции. Изумление, например.

- Ого, - сказал наёмник. - С войны, что ли?... Ну, где твои бумаги?

Вот теперь всё и решится. Валька вытянул руку:

- Вон в той хижине. Я принесу сейчас.

- Стой, - задержал его наёмник, подходя ближе к двери. - А, вот. Замаскировали профессионально... Ладно, давай, дверь только не закрывай. Попробуешь куда шмыгнуть - изрешечу вместе с халупой.

Отвалив дверь, Валька шагнул внутрь. Невероятное спокойствие вдруг охватило его. Зная, что снаружи разглядеть что-то в хижине сложно даже днём - очень темно - Валька снял с креплений свой лук и, зажав в зубах стрелу, сдёрнул чехол с тетивы, натянул её.

- Скоро ты там? - повелительно окликнул наёмник.

- Тащу, - пропыхтел Валька, задом появляясь в дверном проёме.

- Знаете, когда я был маленьким, мне казалось, что у меня в шкафу живёт чудовище, - он остановился, закупорив собой весь выход.

- Ну и что? - с искренним удивлением спросил наёмник.

- Я вырос, - холодно сказал Валька, поворачиваясь уже с натянутым луком и наложенной стрелой. - И оно сдохло.

И спустил тетиву...

...Несколько секунд он тупо смотрел на корчащегося в траве человека. Потом аккуратно поставил лук за дверь, чтобы не замочило дождём, подошёл и поднял из травы тяжёлый - тяжелей "калашников", хотя и меньше - автомат. Безо всякого страха нагнулся и выдернул из кобуры на поясе наёмника пистолет, а из чехла - нож.

Наёмник был жив, и Валька вдруг испытал приступ слабости, смешанной с радостью. Такой слабости, что сел около стенки хижины и положил оружие себе на колени. Присмотрелся, нашёл предохранитель. Рукоятка затвора была слева и впереди, почти у самого ствола. "Не убил не убил не убил," - билась в висках вместе с кровью облегчённая мысль.

Наёмник вдруг заскулил и сел - смешно было слышать от здорового мужика щенячий звук. Глазами, в которых были боль и ужас, он смотрел на Вальку. Стрела вошла ему в левую руку, буквально сшив запястье и плечо - он держал Вальку на прицеле, но выстрелить не успел, а ударивший наконечник прибил руку к руке же не хуже гвоздя. Стало ясно и то, почему он не оказал никакого сопротивления мальчишке - раны от наконечника стрелы куда страшнее, чем пулевые, они вызывают болевой шок и большую кровопотерю.

- Ыыы... Ты же меня изувечил, гадёныш... - простонал наёмник, раскачиваясь.

- Вы меня убить хотели, - сказал Валька, поднимаясь на ноги. - На колени, быстро!

- Не стреляй! Не надо! - заорал тот, суетливо дёргая здоровой рукой, протянутой вперёд, словно хотел остановить пулю. - Не надо!

- На колени! - повторил Валька, двинув стволом автомата. Когда наёмник, содрогаясь всем телом, выполнил приказ, Валька захлестнул у него на ногах нерастягивающуюся петлю из запасной тетивы и, заставив завести за спину здоровую руку, ещё одной тетивой притянул её к щиколоткам - как ему показывал Витас... При мысли о литовце Вальку вдруг охватила холодная злость, никогда не испытанная ранее, и он сказал зло: - Молись, гадина!

- Не надо! - крикнул наёмник, выворачивая шею. - У меня дети!

Двое! Двое! Парень, не надо! Христом-богом прошу! Парень! Деньги! Возьми у меня! Вот тут, в кармане! - он задёргал плечом. - Десять кусков! Баксами! Это же огромные бабки! Понимаешь - огромные! Даже за бугром - огромные, а в России у вас за них всё можно купить! Слышишь - ВСЁ!!!

- И меня? - Вальке вдруг стало... смешно. - Давай. Покупай.

- Ты же... ты же таких бабок в жизни в глаза не видел! Никогда! - захлёбывался наёмник.

- Я и сейчас на них смотреть не хочу, - брезгливо сказал Валька.

- Не бойся, козёл, я тебя не убью. Тебя судить будут, сволочь. Тебя и всю вашу поганую шайку. Кто жив останется.

Наёмник ещё несколько секунд смотрел через плечом прямо в глаза Вальке и вдруг, поняв, что это и правда - ВСЁ, уткнулся в землю лбом и нечеловечески, по-звериному, завыл, кусая траву. Смотреть на него было мерзко, и Валька шагнул в сторону, собираясь идти...

...И увидел трёх человек, вышедших на опушку поляны.

ГЛАВА 16.

Валька понял, что это свои, только когда Олеся повисла у него на шее, пытаясь одновременно что-то говорить и целовать его. Но в следующий миг мальчишка снова схватился за автомат - к ним шёл тот серб, которого фон Фелькерзам оглушил в канцелярии 6-й заставы - международный террорист, и то, что фон Фелькерзам оказался бан-дитом, ничего не меняло.

- Опустит пушку, debil, - сказал Димон, подводя ближе обоих коней и небрежно сваливая со спины Шпика фон Фелькерзама - немец тяжело ударился о землю, он всё ещё был без сознания. - Симо - свой.

- Свой? - одной рукой обнимая Олеся, а второй держа автомат, заторможенно спросил Валька. Он вдруг ощутил непреодолимое желание завизжать и с трудом подавил его, поняв, что это просто начало истерики. - Какого чёрта он свой?!

- Я не бандит, не торговец оружием и не албанский наёмник, - сказал серб, не обращая внимания на автомат Вальки. - Я - капитан военной службы безопасности Союзной Республики Югославия Симо Йованич. Об остальном сейчас не время и не место рассказывать - очень долго, поэтому просто я вас прошу мне поверить.

- Симо командовал тем отрядом "белых тигров", который освободил меня из рабства, - по-прежнему не глядя на Вальку, сказал Димон. - Я его сразу узнал.

- Поэтому и убежал? - дошло наконец до Вальки. Димон тряхнул мокрыми волосами:

- Поэтому, не поэтому... - и больше ничего не добавил.

- Неплохо ты с ним разделался, - с оттенком удивления заметил

серб, наклоняясь над бандитом, неподвижно лежащим под дождём.

- Чем это ты его?

- У казака и дышло стреляет, - ответил Валька слышанной где-то фразой. И пояснил: - Из лука. У нас в хижине луки, ну я и...

- Валька! Мальчишки! - вдруг ахнула Олеся, отцепившись от шеи Вальки. - Там же! На заставе! Да расскажите!

- Что? - не понял Димон. А Валька треснул себя по лбу - совсем вылетело из головы,

что все неприятности не закончились - напротив, похоже, они ещё только начинаются...

- Господин капитан, - торопливо обратился он к Симо, - дело в том, что банда каким-то образом захватила заставу - 6-ю заставу. Они сейчас грузят оружие и боеприпасы на грузовики - два грузовика - и собираются уходить. Мне кажется - в Польшу через КПП.

- До КПП овесём километров, - дополнила Вальку Олеся.

- Отец! - вскрикнул Димон. - Что с отцом?!

- Мы не видели, - покачала головой Олеся. - Но они... они уже убили нескольких человек.

Язвительный смех заставил всех повернуться. Фон Фелькерзам, сидя на траве, смеялся. По лицу немца стекали струйки дождя, он морщился и смеялся одновременно, глядя абсолютно бесстрашно, с вызовом:

- Эх вы, глупцы! - вдруг выкрикнул он и сплюнул. - Недоумки! Ну что же вы - давайте, бегите, скачите! Только уже поздно. Опоздали вы. Моих людей вам не задержать. И со мной ничего не сделают - обменяют или просто отпустят. Ну так чья взяла... - он скривил губы, - ...славянские свиньи!

Капитан Йованич шагнул к немцу, и в его руке оказался пистолет. Фон Фелькерзам напрягся, не сводя глаз с оружия, но Симо неспешно убрал пистолет в карман куртки и покачал головой:

- Не торопись радоваться, шваб. Не торопись... - и повернулся к Вальке.

- Давно они начали погрузку?

Валька в замешательстве молчал, но Олеся пришла ему на помощь:

- С полчаса назад! - выпалила она. - Я на часы смотрела!

- Полчаса... - повторил капитан. - Они уже погрузились и сейчас готовятся выехать. Может быть, потеряют минут пять, дожидаясь командира... Потом рванут на КПП, - он говорил по-русски. - Дмитре, - ок-ликнул он Димона, который так и не подошёл к остальным - стоял, кусая губы, около танка, - сколько человек на КПП?

- Не больше пяти, - сказал Димон. - Эти сволочи просто пробьют ворота "Уралом" и уйдут даже без боя.

- А там их наверняка ждут, - подытожил серб.

- Вырло мразно... свео нажалост... нуй, лепо!⁴⁰ - он коротко вздохнул и посмотрел на подростков. - Вот что. Слушайте меня. Двое пусть остаются караулить этих гадов. А третий скачет на соседнюю заставу. За помощью.

- А ты? - резко спросил Димон, словно заранее был несогласен со всем, что предложит капитан. Серб посмотрел на него:

- Что я? Побегу наперерез, устрою им засаду. Попробую задержать в лесу, в такую погоду должно получиться...

- Ты же один! - крикнул Димон.

- Они-то не знают, - пожал плечами Йованич. - Попробую повоевать за пятерых, пусть думают, что напоролись на секрет.

- Я с тобой, - вдруг сказал Димон. Спокойненько так сказал... Йованич покачал головой:

- Не возьму.

- А я и не спрошусь, - сообщил Димон. - Я присягу давал.

- Другому ври, - ответил серб. - Не давал ты присяги. Я помню.

- Что ты помнишь?! - огрызнулся Димон. - Давал! Здесь давал! - он без всякой театральности ткнул себя в грудь. - И не отговаривай! Это вон куртку и штаны можно отстирать и заштопать. А совесть нельзя. А если бы и можно было - я со штопаной совестью жить не собираюсь!

- Дмитре, - мягко, почти ласково сказал капитан, - ты понимаешь?...

- Всё я понимаю! - крикнул Димон. - Теперь мы на моей земле, Симо!

- Хорошо, - кивнул серб.

Они оба оглянулись на Вальку и Олесю. Олеся стояла, прижав ладони к щекам, в её глазах были ужас и восхищение. Валька держал автомат за ремень у ноги. Встретившись взглядом с Димоном, он неловко улыбнулся и тихо спросил:

- Почему ты сразу решил, что я гад? Автоматов ведь два...

- Тебе нельзя, - без злости или злорадства ответил Димон. - Понимаешь?

- А вас вдвоём отпускать - можно? И что мне потом делать? - почти весело спросил Валька. - На ближайшем дубу со стыда повеситься? Ловко...

- Валь, мы ведь воевать идём, - сказал Димон.

- Идём, - согласился Валька. Внутри у него всё собралось в тугой комок, не оставивший места для страха или сомнений.

- Симо... - перевёл взгляд на серба Димон. Тот покачал головой:

- Что я могу сделать, Дмитре? Автомат у него отобрать?

- Попробуйте, - предложил Валька.

- Мальчишки! - жалобно вскрикнула Олеся. - Вы чего?!

- Мы? - удивился Валька. - Ничего... Олесь, тебе скакать. И не надо возражать - кто-то же должен...

- Почему не ты?! - Олеся всхлипнула. - Почему?!

- Ну ты ляпнула! - засмеялся Валька. - Потому что я мужчина. Это профессия такая... Типа как Родину защищать. Давай, не болтай, скачи!

Олеся что-то хотела возразить снова, но помешал крик Димона:

- Ах сволочь!!!

Все обернулись. Во вспышке молнии стало видно, как фон Фелькерзам, пригнувшись и петляя, бежит к лесу. Руки и ноги у него были свободны.

Несколько раз ударил пистолет Симо - серб стрелял наугад, туда, где видел немца во вспышке молнии - и промазал, конечно.

- Дмитре! Дмитре! Покуси его, покوسي! - заорал Симо, чтобы Димка дал широкую очередь от бедра. - Уйдёт!

Димон не выстрелил. А в темноте вдруг раздался оглушительный хруст - и страшный крик... Такой страшный, что Валька покрылся холодным, липким потом, ощутимым даже в насквозь промокшей одежде.

Снова сверкнула молния. В призрачном ярком сиянии застывшие возле танка люди увидели фон Фелькерзама. Он стоял на самой опушке, под ближними деревьями. Стоял неподвижно и как-то странно...

Капитан Йованич быстрым шагом, держа наготове пистолет, скрылся в темноте, но только затем, чтобы через полминуты вернуться.

- Что там? - спросил Валька, делая шаг вперёд. Серб мягко перехватил его и сказал спокойно:

- Не ходи. С дерева сломался сук. Его - насквозь, да ещё в землю ушёл. Не надо на то смотреть. Ещё наглядишься сегодня...

... - И если вздумаешь рыпнуться - Рыжий расшибёт тебе голову, - предупредила Олеся скорчившегося наёмника. Рыжий подтвердил её слова, оскалив зубы и хрипло фыркнув. Потом девчонка встала с колена и, молча пройдя мимо стоящих плечо в плечо мальчишек, легко взлетела на спину Шпики. Разобрала поводья и, ударив коня пятками, крикнула Вальке:

- Ненавижу тебя, дурак! Ненавижу! Если с тобой что-то случится - я тебя... я тебя... П-шооол, скотина!

Только мокрая трава с комьями земли полетела из-под копыт.

- Надо идти, - окликнул Йованич. Себе он взял оба пистолета и две найденных у "рядового" наёмника ручных гранаты, оставив мальчишкам автоматы и лишь быстро показав, как с ними обращаться. - Точнее - бежать. Дмитре, показывай - куда.

Валька сунул в карманы куртки несколько полных магазинов, буркнул:

- Тяжеловато...

- Пустой подсумок тяжёл, - покачал головой серб. - Полный - это ерунда.

- Знать бы хоть приблизительно, сколько их, - процедил Димон, укорачивая ремень автомата, чтобы не прыгал на спине на бегу.

- На месте сосчитаем. Когда лежать будут, - ответил серб. Димон коротко хохотнул:

- Тоже верно.

Он был собран и спокоен. Таким его Валька ещё не видел - и теперь окончательно поверил в то, что Димон воевал. "А я-то? - подумал Валька. - Я-то как?" Нет, он не боялся умереть (потому что совершенно точно был уверен: мир без него существовать не может, а значит с ним и не случится ничего!). Но он не знал, как будет стрелять в людей. Пусть в заведомо плохих, но людей же! Выстрел из лука - не в счёт, тут речь шла о спасении жизни, а вот выстрелить по ничего не подозревающим людям первым...

- Побежали! - скомандовал Димон, и первым помчался через поляну, уже на бегу бросив: - Тут напрямую - три километра до дороги.

...Это были последние слова, сказанные в ближайшие двадцать минут. Валька держался за спиной Йованича, бежавшего размеренно и вроде бы неспешно - и чувствовал, как с каждой минутой бежать становится всё труднее. Он всегда хорошо бежал на стадионе, но бег по ночному лесу походил на совмещённые кросс, бег с барьерами и бег в мешках. Через пять минут Валька обливался потом, через десять - держался на одной гордости, понимая, что ждать его никто не будет - просто серб заберёт у него автомат, магазины и исчезнет в ночной темноте. У Димона и Йованича впереди бой, им не до городского мальчишки-слабака, который вообразил себя солдатом... Вот эти мысли и не давали Вальке упасть. Понимание того, что необходимо передвигать ноги, скоро осталось единственной мыслью в голове мальчишки, и, когда Йованич остановился, Валька врезался в его спину.

- А ты молодец, - тихо сказал серб. И хлопнул Вальку по плечу.

- У... бить меня хотите? - согнулся тот, отплёвываясь от вязкой слюны.

- Я если упаду - не встану же...

- Придётся ещё бегать, - сказал серб. - Понимаешь, нас трое, а они должны подумать, что больше. Иначе они нас охватят кольцом и прикончат. Понимаешь? - Валька вспомнил, как погибли пограничники Витаса, и кивнул. - Дал очередь - беги, дал очередь - беги, но всё время пригибайся. Упал - откатись в сторону. Патроны экономь. Внимательней всего наблюдай за тем, что справа от тебя - обойти всегда стараются оттуда. И помни, - Йованич взял Вальку за подбородок холодными, мокрыми пальцами, - людей на ТОЙ стороне - НЕТ. Того, кто в бою думает о враге, как о человеке, убивают сразу... Да, вот что ещё. Если заденут и останешься в сознании - ползи вглубь леса. Как бы больно не было - ползи. И как бы больно не было - молчи. Отползёшь метров на пятьдесят - затихни. Лежи, как мёртвый. Найдут раненого - добьют обязательно.

- Я знаю, - сказал Валька и удивился тому, как сел у него голос. - Я видел.

- Ну... - серб помедлил. - Да будут с тобой Господь и Святой Никола, защитник сербский.

Из темноты вынырнул Димон.

- Дорога чистая, - доложил он, - никто не проезжал... - и насторожился: - Слышите?

- Ничего не слышу, - сказал капитан, секунду послушав лес.

А Валька вдруг услышал! За воем бури, за плеском дождя - услышал растущий гул моторов. Ему показалось, что это обман слуха, но уже и Йованич кивнул:

- Да, едут. Хорошо успели... Парни, сигнал - моя граната. До этого - лежите, как трупы. Дмитре, покажи Валентину, где лечь.

И - бесшумно растаял в темноте.

- Пошли, - кивнул Димка.

- Погоди, - умоляюще сказал Валька. - Дим, мы с... короче, я влюбился в Олеську. И она в меня тоже.

- Пошли, - повторил Димон.

Он уложил Вальку за корнями дуба, росшего у самой дороги. Ткнул в ночной мрак, коротко сказал:

- Я там, - и пропал.

Валька остался один. Напрягая зрение, он видел дорогу - и понял неожиданно, что ветер и дождь утихают, гроза откатывается куда-то на восток, и ночь уже не такая непроглядно-чёрная.

А как будет мама, если меня убьют?

И что такое - УБЬЮТ?

Он положил автомат на выступающий корень и подвигал оружием. В голову пришли читанные когда-то слова: "Он проверил сектор обстрела." Как его проверять? И что такое точно - "сектор обстрела"? Вме-сто сектора обстрела Валька посмотрел предохранитель и совершенно неожиданно обнаружил незамеченное раньше: кроме привычных ему по "калашникову" одиночного и автоматического огня тут есть ещё одно положение флажка - для стрельбы очередями по три выстрела. Вспомнив совет капитана стрелять коротко, Валька переставил предохранитель в это положение, потом чуть отвёл затвор и убедился, что патрон в стволе есть. Потом ему удалось выдвинуть складной приклад (Валька вообще не ожидал, что тот выдвигается - думал, так и надо) - стало удобнее целиться и держать оружие. Не без симпатии посмотрев на автомат, Валька вдруг почему-то подумал о том, как несколько раз видел пикеты пацифистов около районного военкомата - в той части Воронежа, где жил. Интересно, что стали бы делать их уча-стники в такой ситуации? И как вообще ещё можно задержать, остано-вить бандитов - не только этих, в грузовиках, а вообще! - если никаких доводов, кроме оружия, они не признают? Зато этот довод... Валька вспомнил, как визжал перед ним раненый наёмник - и вновь испытал отвращение, но уже смешанное с уверенностью, что всё делал и делает правильно.

Димон сейчас тоже ждёт. И Йованич ждёт. Для них обоих это при-вычная вещь (Валька не подумал, что "привычная" - не значит "люби-мая"). Йованичу важно, чтобы оружие не попало на его родину, чтобы больше никогда не убивало. Димка собирается мстить - за себя и за то-варищей по рабству, за бомбёжки и разрушения, которые он видел. А он, Валька?

А разве Витас - этого мало? А плачущий старик-партизан с чудной фамилией Берёза? И вообще... когда-то люди воевали за то, чтобы это оружие так и осталось лежать в земле, ни разу не выстрелив. И оно осталось лежать. А теперь что же получается - потомки ТЕХ бойцов позволят вывезти оружие из страны, чтобы оно начало убивать?

Нет. Нельзя. Нельзя.

Два тёмных силуэта - без фар, без огней - ревя и хлюпая по раскисшей лесной дороге, появились на фоне деревьев. Чёрные, они бы-ли плохо различимы, видно только, что двигается большое, более тёмное, чем темнота. Уже близко.

"Пап, - вдруг подумал Валька, - если ТАМ что-то есть, и ты про меня знаешь - надеюсь, я всё правильно делаю. Я тебя никогда не ви-дел, но ты был хорошим отцом."

Он не понял, что это, когда два медных фонтана огня с грохо-том, похожим на резкий хлопок вытряхиваемого мешка, брызнули под колёсами первой машины - "Урала", а через секунду раздался третий взрыв - и весь её передок охватило пламя. И лишь после того, как что-то пылающее, вертящееся выскочило из развороченной кабины, а подальше кто-то истошно и непонятно завопил: "До зброииии! Грани-чари!!!"⁴¹. - Валька понял, что начался бой.

ГЛАВА 17.

Ему показалось, что прошло уже какое-то громадное время, а он всё ещё лежит и ничего не делает - и, охваченный страхом от своего бездействия, Валька начал палить в

суетливое мелькание теней, нажимая на спуск и каждый раз удивляясь, почему автомат не хочет стрелять непрерывно. Он совершенно забыл и совет Йованича стрелять коротко, и что сам поставил автомат на ограничитель - из головы вылетело всё. Кроме того, что надо нажимать на спуск. Врага он не видел и не понимал, когда что-то начало посвистывать вокруг - громче, тише, пронзительно и не очень - что это стреляют по нему и уже почти пристрелялись; ещё несколько секунд, и он будет накрыт, как накрыли тех пограничников около 6-й заставы.

- Валька, в сторону, - выдохнул кто-то ему в ухо, и он, покосившись вбок, увидел Димона: тот, лёжа на спине, дёргал Вальку за рукав и одновременно стрелял не глядя поверх своего плеча. - В сторону, Ва-лэк, в сторону, ну?!

Валька откатился вбок, за другое дерево, переполз - и оглох от близкого взрыва. Брошенная граната взорвалась как раз там, где он только что лежал. В полной уверенности, что Димон погиб - и погиб из-за него! - Валька закричал:

- Ди-иии... - но Димон появился перебежкой справа, на бегу стреляя в сторону дороги, откуда неслись крики:

- Мужики! Это наши автоматы! Это не "калаши", мужики!...

- Где Отто?!

- Убит! Отступаем!...

- Нех денервуе! Нех денервуе! Вшистки напшуд!⁴²...

- Мужики, да это не погранцы! У них "хеклеры"! Наши "хеклеры"!...

- Спокойно, спокойно, их мало! Мало!

- Допёрли, сволочи, - процедил Димон. Валька, свалившись рядом с ним, снова выстрелил в сторону горящей машины, выдохнул:

- Где капитан?

- За него не переживай, - ответил Димон. - В стороны, в стороны... - и пополз влево, а Валька несколько раз перекатился вправо. Нажал спуск - ноль эффекта, и на какое-то мгновение мальчишка очутился во власти ужаса, прежде чем понял, что просто кончился магазин. Валька поспешно сменил его, дёрнул затвор. Где-то в стороне разорвалась ещё одна граната, потом захрустели кусты справа, и Валька, повернувшись на бок, выпустил туда три очереди - одну за другой. Кусты длинно, свистяще хрустнули - что-то тяжёлое рухнуло сквозь них, ударил автомат - длинными очередями, огненная прерывистая полоса словно обшаривала стволы деревьев, траву, заросли в поисках Вальки. Кто-то перескочил через мальчишку, и Валька увидел Йованича - перебегая в сторону от вражеского огня, он стрелял с обеих рук из пистолетов, и автоматчик в кустах осекся, замолк...

...Казалось, этому не будет конца. Бесконечному кружению по зарослям, среди деревьев, под вялым дождём. Бежать. Ложиться. Переползать. Стрелять. Вскакивать. Стрелять. Перебегать. Падать. Объехать лесом горящий "Урал" наёмники не могли, а столкнуть его с дороги мешал огонь непонятного противника. Они просто обречены были сначала разделаться с этими людьми, мелькавшими в лесу, а уж потом заняться собственным спасением. Об оружии больше не думал никто из них, и по этой же причине наёмники не старались отогнать врага подальше в лес, что было бы логично. Они просто боялись, что, пока одни будут этим заниматься, другие столкнут "Урал" и смоются на ГАЗе. Почти не отходя от дороги, они старались подавить нападающих огнём автоматов. Но сербского капитана и двух подростков - русского и белоруса - надёжно прятал от пулю лес. Мокрый и тёмный лес, идти в который для чужаков значило погибнуть.

Никому из наёмных суперменов не хотелось погибать за какое-то идиотское оружие в двух километрах от границы, уже имея в карманах по десятку штук "зеленью". И, хотя они чувствовали, что нападающих мало, никто бы из них не поверил, что их всего ТРОЕ. Взрослый и двое мальчишек, никогда в жизни не видевших бумажки крупнее двадцатки, да и то - в чужих руках...

...Это был последний магазин. И теперь Валька в полной мере осознал справедливость слов Йованича насчёт того, что пустой подсумок тяжёл. Подсумка, правда, не было, но карманы были пусты. Совсем.

В отчаянии Валька оглянулся на тёмную глубину леса. Несколько прыжков - и его не догонят. Да и не будут за ним гнаться, потому что Димон всё ещё стреляет, кажется... и капитан Йованич...

Вот именно. Всё ещё стреляют. А значит - и он будет. И Валька, приложившись к оружию, начал выпускать последние патроны. Очередь, очередь. Ещё очередь. И ещё. И...

И всё. Приехали.

Знаете, действительно приехали. Приехали именно в тот самый момент, когда Валька тупо смотрел на ствол своего автомата, словно от его взгляда в этом стволе могла самозародиться пуля. Он не знал, что у Йованича осталось три патрона на оба ствола. Он не знал, что Ди-мон уже давно ранен навывлет в левое бедро и сейчас собирается сделать последние два выстрела... Ничего этого Валька не знал, а знал только, что голос майора Короба - изломанный мегафоном, какой-то железный, но всё равно узнаваемый! - прокричал где-то в тылу наёмников, продолжавших вести огонь от дороги:

- Соппротивление бесполезно! Вы окружены! Предлагаем сложить оружие - если не начнёте сдаваться в течение двадцати секунд - открываем огонь на поражение! Раз!...

"Десять" Коробу говорить уже не пришлось.

Валька не обращал на это никакого внимания. Он просто сел, привалившись затылком к мокрой коре дуба, отложил автомат и понял, что наступает утро, и день будет тёплым и солнечным. Так, сидя-щим, его и нашёл майор Короб, который поднял Вальку на ноги.

- Дядя Вова, - улыбнулся Валька, ощущая невероятную усталость и такое же невероятное облегчение. - А мы тут... воюем.

Получилось как в мультике про Карлсона: "А мы тут плюшками балуемся." Вместо ответа майор Короб прижал Вальку к себе, еле-еле произнеся:

- Живой, сынок...

- Ага, живой, - вяло сказал Валька. - Это Олеська вас предупредила?

А знаете, фон Фелькерзам погиб, он и был главарь... И ещё Димка здесь. Вы его не ругайте, я сам пошёл, а то как бы... А отец его жив?... И капи-тан Йованич тут. Он как раз не бандит никакой, он наш... Вы посмотрите, они живые? Должны быть... А где Олеська?...

Он ещё что-то бормотал, бормотал, не вполне понимая, что сам говорит, а всё вокруг уплывало куда-то далеко-далеко под позванивание маленьких колокольчиков. "Теряю сознание," - отчётливо успел подумать Валька. И обвис в руках Короба.

...Морщась, Димон смотрел, как санинструктор - ефрейтор Валько с их заставы - перебинтовывает сквозную рану. Это было первое ранение в жизни мальчишки, но морщился он не от боли, а от того, что стоявший рядом отец грозил ему всяческими карами. Угрозы лились непрерывным потоком, и Димон наконец не выдержал:

- Уймись, пап, ради бога, - жалобно попросил он. Майор Бидара поперхнулся и, осекшись, посмотрел на своих подчинённых, словно пытаясь найти у них сочувствие.

- Выпорю, - беспомощно пообещал он. - Не. Будешь круглый год в интернате жить. Хватит. Надоело.

- Меня что - не из интерната украли? - спросил Димон. - А вообще, пап, я согласен. Пусть в интернате... Пап, где Валька?

- Не видел, - сердито ответил Бидара, пытаясь понять, что же произошло с сыном.

- А Олеська? - задал тот второй вопрос.

- Вальку твоего ищет, - сказал майор. - Всю дорогу изводилась, если б дали - сама бы в грузовик впряглась.

- Ясно... - Димон вздохнул. - Вы носилки привезли? А то я сейчас не ходячий.

Он закрыл глаза. Веки сами собой подрагивали, и мальчишка подумал, какой же это будет стыд, если слёзы всё-таки не удастся удержать. Хотя - пусть думают, что это от раны... Попросить Йованича, чтобы взял с собой обратно? Тут-то ему что теперь делать? Ой, как же

больно... Злости на Вальку - той, которая охватила его, когда заглянул в комнату, где они собирались целоваться, сидя на кровати - не оста-лось. Но и встречаться с ними уже не хотелось. Может, это и хорошо, что ранен - не будут надоедать. Да нет, всё равно припрутся - навещать, да ещё начнут что-то объяснять. Зачем? Он и так виноват перед ними - как сопливый пацан, убежал от обиды в лес, не рассказал того, зачем шёл - что Симо вовсе никакой не террорист...

Больно. Эх, Олеська, как же ты мне больно сделала...

ГЛАВА 18.

Кафе "Полесье" в Волковыске было лучшим. Именно поэтому капитан Симо Йованич привёз Вальку, Олесю и Димона сюда.

Они разместились под зонтиком на открытой веранде - солнышко жарило вовсю, уже три дня как установилась натуральное пекло. Симо заказал всей компании морожено с вишнями и гамбургеры - "горячие собаки", шокировав официанту вопросом:

- Простите, а других частей собаки у вас нет?

Но гамбургеры оказались вкусными, и мороженое, как неохотно признал Валька, тоже было вкуснее воронежского. И всё-таки полного удовольствия от происходящего ребята не получали. Во-первых, Дим-он устроился как бы наотшибе- между Симо и тесно усевшимися Валькой и Олесей. А во-вторых, у всех было серьёзное настроение - капитан Йованич приехал специально для того, чтобы рассказать ребятам подробности истории, участниками которой они стали.

С момента тех событий прошла неделя. Всё произошедшее "спускали на тормозах" - к изумлению ребят, ни в газетах, ни по телевидению не было сказано ни слова, на них не обрушилась лавина почётных грамот и знаков отличия за помощь в охране государственной границы и седые генералы не жали им руку перед строем полковников с мужественными лицами. Вот, Симо приехал - но, если честно, даже Димону было трудно воспринимать худощавого молодого серба как офицера контрразведки. Зато его можно было спрашивать, не опасаясь остаться без ответа.

- И всё-таки, кто такой фон Фелькерзам? - задумчиво спросил Валька, цепляя ложечкой вишню из мороженого.

- Убийца, - просто ответил Симо. - Такой же, как и его дед. Только дед был честнее и не пытался врать, что защищает демократию. А так - одно и то же. Он здорово наследил в Косово. Как его дед когда-то тут, в Белоруссии, он создавал там у нас специальные отряды из шептарских крваков... из убийц, бандитов, таких же, как он сам. Они переодевались в нашу форму и резали своих же, снимали на плёнку и показывали по всему миру, какие звери сербы... И ещё много чего делал, не только у нас. А от того, что он был и храбр, и умен - всё только страшнее и отвратительней.

Валька вспомнил, каким весёлым, храбрым и честным казался немец - и вздрогнул при мысли, насколько подло и бессовестно использовал тот свою маску. Чтобы перебить неприятные воспоминания, он торопливо спросил:

- Я вот только не пойму... Как же у него это всё получилось? Неужели он всё так здорово подделал - документы, удостоверение, разрешения разные... Ведь о нём в штабе погранвойск знали! Неужели он и их обманул?!

- Никого он не обманывал, Валентин,и это как раз и есть самое страшное, - грустно сказал серб. - Ведь фон Фелькерзам был не бандит в обычном смысле слова. Он был настоящий офицер вражеской спецслужбы. И все его документы и разрешения, и договорённость на работы с правительством республики - всё было настоящее. Настоящая разведоперация, игра, в которой враг переиграл бы, не окажись в это время на границе... - Симо улыбнулся. - Вы трое! Можете собой гордиться.

Похвала не дошла до сознания ребят. И снова спросил Валька - недоверчиво:

- Значит, оружие бандитам решили добыть не какие-то там негодяи-предатели, как

говорил фон Фелькерзам, а... а сами спецслужбы?! - Симо кивнул. - Но ведь они не могли не знать - для кого оружие, что с ним будут делать! - Симо кивнул снова. - Это же подлость!!! Спецслужбы должны воевать с преступниками, с... бандитами, а не давать им оружие!

- Они считают бандитами нас, - тихо сказал Симо. - По-своему они совершенно правы. Правы, называя меня террористом. Правы, бомбя наши города. Правы, облучая наших детей урановыми сбросами. Правы, спуская в наши реки нефть и мазут. Правы, провозя в нашу страну наркотики. Правы, когда лгут о нас всему миру... Они всегда правы, потому что они сильнее. А мы - мы можем только бороться. Пока люди сопротивляются - у них есть надежда. Настоящее поражение - это покорность.

- Вот как они захватили заставу... - тихо сказал Димон. - А отец мне не говорил... Они прилетели, как настоящая команда утилизации, по просьбе фон Фелькерзама... Никто ничего не заподозрил!

- Да, - подтвердил Симо. - Они всё продумали. Отсюда и ложь насчёт того, что оружие повезут для уничтожения в Россию. Отсюда и затеянная с подачи фон Фелькерзама облава на ставших ему ненужными "чёрных следопытов", которых он до этого запугал и использовал - а теперь решил отвлечь на них внимание и силы пограничников. И даже меня он почти убрал - пока в штабе разобрались бы, что к чему... - Си-мо присвистнул. - Но фон Фелькерзам не рассчитывал, что здесь ока-жусь именно я. а между тем - это не случайность! - серб вдруг весело подмигнул забывшим про мороженое ребятам. - Меня послали имен-но потому, что я знаю одного человека по прозвищу Дмитре Рус.

Валька никогда бы не подумал, что Димка может краснеть. Но он побагровел и почти уткнул нос в вазочку.

- Он ваш агент?! - завопила, вскочив, Олеся. Симо захохотал:

- Нет, что вы! Мы не вербуем де... несовершеннолетних. Просто Димка мог мне помочь в работе. И - помог. Здорово помог.

- Значит, дерево на УАЗик... - неверяще начал Валька. Димон кивнул:

- Ага, я. а что оставалось делать? Кричать: "Пап,пусти его, он хороший!"? Тем более, что я же не знал, кто такой фон Фелькерзам, а Си-мо его не видел и сомневался потом, тот ли... Пришлось ронять дерево на передок. Больше всего я боялся, что убью кого-нибудь.

- А дымшашку со склада спёр? - уточнила Олеся. Димон покачал головой:

- Да какая там дымшашка! Дымовуха - пластмасса в бумажке... К камню привязал и запулил... А вот дальше я дурака сваял крепко. Когда увидел...в общем,я же к вам шёл рассказать всё, а тут...короче, повернул и почти три часа по лесу бродил, а время шло. Так что...

- Так что пришлось потом действовать самостоятельно, - избавил Димона от мучительных объяснений Симо. - И импровизировать на ходу. Мы вообще шли на заставу. Димон решил с отцом поговорить и с фон Фелькерзамом всё до конца выяснить.

- Тогда и вам повезло, что вы на нас напоролись, - сказала Олеся. - Хороши бы вы были, притащись на заставу к димкиному папке в разгар погрузки, когда он связанный в канцелярии лежал...

- Да, Дмитре в живых может и оставили бы, а меня точно расстреляли, - согласился Симо. - Многие из них меня о-очень хорошо знали, из этих бандитов...

- Короче,сплошное везение, - подытожил Валька.Но Симо возразил:

- Э, нет! А что ты не струсил, а своего конвоира в ловушку завёл? А что Олеся коня на фон Фелькерзама натравила? А что вы двое со мной пошли? Кажется, это ваш Суворов говорил: "Везение и везение, помилуй бог - надо бы и умение когда-нибудь!" Вот так и у вас: везение везением, а главное всё-таки ваша собственная храбрость.

- Смотрите, - обратил внимание Валька, - Михаил, а с ним этот дед, Берёза.

В самом деле, молодой бородач-поисковик шёл по улице мимо кафе, ведя под руку хорошо знакомого всем присутствующим - кроме Симо - высокого старика. Они почти прошли мимо, когда Берёза вдруг повернул голову и настойчиво потащил Мишу к кафе.

- Привет, - ответил на слова ребят и кивок Симо Михаил. - Вот, деда в деревню перебазирую, к матери. Она за ним пока присмотрит, а там поглядим...

Он хотел ещё что-то сказать, но Берёза подался вперёд и, глядя в лицо Вальке, заговорил:

- Ты что же не уехал? Ты не уехал почему? Я ведь предупреждал, предупреждал...

- Пойдём, пойдём, Сергей Виталич, пойдём, - потянул его Миша, делая извиняющиеся жесты, но Валька, вдруг поднявшись, остановил его:

- Подождите, пожалуйста... - и обратился к Берёзе: - Сергей Витальевич, вы можете не беспокоиться. Помните, вы рассказывали мне про фон Фелькерзама? - старый партизан кивнул, не сводя глаз с лица мальчишки. - Вы были правы. Это оборотень. Только теперь его фокусы кончились.

- Поймали?! - жадно спросил старик, подавшись вперёд.

- Убит, - ответил Валька и сам удивился взрослой жёсткости своего тона. - Спите спокойно, Сергей Витальевич. Вторжения не будет. некому его готовить.

- Ты правду говоришь... внучек? - еле слышно спросил Берёза, нава лившись на ограду кафе. Валька выдержал его взгляд и кивнул. Старик как-то сразу сгорбился. Вздохнул. И тихо сказал замершему поисковику:

- Веди меня, что ли, Миш... Отдохнуть надо. Теперь можно отдохнуть -то...

Валька какое-то время стоял около ограды, провожая взглядом удаляющихся людей. За его спиной Олеся сказала задумчиво:

- Надо, чтобы могилы не раскапывали.

- Михаил постарается, - ответил Димон. - Он на следующее лето сюда двести человек привезти грозит - скать будут и охранять.

- Приедешь на следующее лето, Валь? - спросила Олеся. - Поможем копать.

- Поедешь ко мне, поможешь маму уговорить, - повернувшись, весело ответил Валька. Он хотел спросить: "А ты, Дим?" - но тот выбирался из-за стола с угрюмым видом:

- Отлучусь, - пробормотал он.

- погоди, - вдруг остановил его Симо и, нагнувшись, достал из своей сумки, стоявшей у ножки столика, свёрток бумаги. - Вот что, ребята, - он обвёл всех троих взглядом. - Я знаю, что вы не получили ни подарков, ни даже устной благодарности. И это правильно. Да, правильно! - повысил он голос, видя, как ребята запереглядывались. - Правильно, потому что есть вещи, которые не афишируют. Но... это всё-таки вам.

Он раздёрнул бумагу - и на пластик стола выползли, сверкнув синевой клинков и чёрным серебром рукоятей, три больших кинжала, полувылезшие из кожаных ножен.

- Камы! - воскликнул Димон. - Это нам?!

- Вам, - необычно торжественно ответил капитан Йованич. - От многострадальной и прекрасной родины моей - вам, славянские братья... и тебе, сестра.

Подростки не говорят и не любят высоких слов. Димон молча взял одну из кам, выдвинул лезвие и прочитал надпись на нём:

- Без дела не вынимай - без славы не вкладывай.

...Капитан Йованич ушёл, а они всё ещё сидели в кафе, лениво подъедая остатки мороженого. Молча сидели. Потом Димон всё-таки "отлучился" - и прошло немало времени, прежде чем они забеспокоились.

- Небось, унитаз пугает, переел мороженого, - сказала Олеся, но

Валька не засмеялся, а встал и пошёл поинтересоваться, долго ли Димон собирается быть "в отлучке". Кабинки были пусты. Все.

Западная Белоруссия. Город Брест. Июль 2000 года.

С майором Коробом Валька попрощался на привокзальной площади. Тот в последний раз назвал его "Валентин Аркадьевич" и пообещал, что скоро приедет сам, а на осенние

каникулы отпустит Олесю. Если честно, Валька не знал, как он доживёт до этих каникул. Поэтому они с Олесей молчали, идя вдоль готовящегося к отправке поезда, и ему, Вальке, хотелось, чтобы поезд был бесконечным, а время остановилось.

- Ты точно приедешь? - спросил Валька, когда они остановились у двери его вагона. Олеся кивнула и, чуть потянувшись вверх, поцеловала его в губы - это было каждый раз как впервые. Валька задохнулся, но заставил себя отстраниться и сказал: - Я буду очень ждать.

Она снова кивнула и обняла Вальку, уткнувшись носом ему в плечо. А мальчишка, понимая, что сейчас уедет (и в то же время понимая, что пройдёт время - и они увидятся снова, обязательно увидятся, не могут не увидаться!) прислонился щекой к её волосам... и вдруг поймал себя на мысли, что рассеянно выискивает взглядом в толпе худощавую камуфлированную фигуру Димки-Димона, пропащего друга, который, сам того, наверное, не желая, всё-таки капнул свою ложку дёгтя в их бочку мёда.

Плохо чувствовать, что ты счастливо, потому что несчастен другой.

- Приезжай, - повторил Валька, и уколовшая его тоска развеялась, растаяла в запахе волос...

Южная Сербия. Недалеко от города Прешево. Июль 2000 года.

Жёлто-зелёный вертолёт повис, взмётывая винтами пыль, в пяти метрах над утоптаным грунтом посадочной площадки. Штурман, цепляясь за края двери, ногой столкнул вниз несколько пластиковых контейнеров и, перекрикивая свист и всхлипывание винтов, обратился к сидящему на откидной скамеечке парнишке, между ног которого стояли автомат и небольшой рюкзак:

- Прилетели! - штурман говорил по-сербски с отчётливым польским акцентом. - Выгружайся!

- Высоковато! - крикнул в ответ парнишка, тем не менее закидывая рюкзак за плечи и вешая автомат на шею.

- Ниже нельзя! - крикнул штурман с серьёзным лицом. - Запрыгивать начнут!

- Ла-адно! - улыбнулся парнишка и, схватившись за протянутый трос, соскользнул вниз, а вертолёт рванулся вверх, едва дождавшись, пока пассажир достигнет земли.

Жёсткая ладонь пригнула прибывшего к пыльной земле. Густой голос прогудел:

- Ниже, ниже! С холмов постреливают... Ты новенький? Про тебя сообщали... Как зовут?

Квадратный, огромный усач-старшина в туго натянутом берете с двухглавым орлом, похожим на русского, но всё-таки несколько иным, смотрел на новенького бойца по-доброму. И парнишка ответил:

- Дмитре. Зови Дмитре Рус - не ошибёшься, старшина.

Примечания

1. Довольно, мой дорогой! Вставай, иди сюда!
2. Хорошо, так!
3. Конец .
4. Всему конец (нем.)
5. Война зимы 1939/40 г.г. против Финляндии, выигранная нами с большим трудом и потерями.
6. Фельдфебель мотопехоты вермахта - младший командный чин.
7. Гитлеровский наместник на какой-либо оккупированной территории.
8. Гауляйтер Белоруссии 21 сентября 1943 года был казнён белорусскими партизанами за многократные расправы над мирными жителями.
9. Особые подразделения вермахта, предназначавшиеся для "вой-ны" с мирным

населением, расстрелов, грабежей и казней.

10. Всё нормально! Всё нормально! Дети, подождите немного! Сейчас уйдём!
11. Здесь ещё один? У-у, албанские сволочи! Сейчас, сейчас, друг... (сербск.)
12. Хашим Тачи - глава албанских бандитов-фашистов, что-то вроде тамошнего Шамиля Басаева, только потрусливее, так как сам никогда не принимал участия в боях.
13. Югославы.
14. Спецназовцы югославской регулярной армии.
15. Патриотическая боевая организация сербов. Создана Желько Ражнятовичем по прозвищу "Оркан" ещё в начале 90-х г.г. XX века. (Сам Оркан 15 января 2000 года при загадочных обстоятельствах убит в Белграде)
16. В переводе с армейского жаргона - камуфляж.
17. На белорусских деньгах изображены животные Беларуси - в том числе, зайчики и зубры.
18. Измену, н еустройство, беспорядок (белорусск.)
19. Католические церкви.
20. Сокращённо от "национального меньшинства". Валька - русский, в Белоруссии он и вправду "национальное меньшинство".
21. Добрый день, ребята! (польск.)
22. Офицерское звание, примерно соответствующее лейтенантскому.
23. К армии (польск.)
24. До свиданья, солдаты! (польск.)
25. Итальянские стрелки-берсальеры, размещённые в Албании "для поддержания мира".
26. Спасите меня! Это похищение! Помогите! (англ.)
27. Уважительно-панибратское прозвище южных славян - сербов, болгар и других.
28. Военная спецслужба Германии.
29. Контрнаступление немецких войск в Бельгии (декабрь 1944 - январь 1945 г.г.), в ходе которого они на-несли американским и английским войскам, с трудом сумевшим остановить немцев, большие потери.
30. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР - спецподразделение, созданное летом 1941 года и занимавшееся организацией партизанской войны в тылу врага.
31. "Белые колготки" - прозвище женщин-снайперов в конфликтах 90-х годов XX века.
32. Организация, созданная в гитлеровской Германии для партизанской борьбы с советскими и англо-американскими войсками. Вела боевые действия вплоть до 1949 года.
33. Дьявольщина! О, чёрт побери! (нем.)
34. Всё в порядке. Довольно. Довольно. (нем.)
35. На литовском - что-то вроде "Чёрт побери!"
36. Огонь!... (литовск.)
37. Литовская свинья.
38. Вот так. (немецк.)
39. Штаб военной гитлеровской разведки Абвер в городе Ревель - центре военного оккупационного округа "Остланд".
40. Очень плохо... жаль... ну, хорошо! (сербск.)
41. К оружию! Пограничники!!! (польск.)
42. Спокойно! Спокойно! Все вперёд! (польск.)

393360 Россия, Тамбовская область,
город Кирсанов, улица 1-я Набережная, дом 35.
Верещагину Олегу Николаевичу